

Н.А. Полевой

История
русского народа

Николай Алексеевич Полевой

История русского народа

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=14654234
Николай Полевой. История русского народа: Вече; Москва; 2008
ISBN 978-5-9533-3295-8, 978-5-4444-8246-9

Аннотация

Даже знатоки русской истории и историков прежде всего помнят и ценят многотомные труды Н. М. Карамзина и С. М. Соловьева. Незаслуженно забыто имя Николая Алексеевича Полевого (1796–1846) – выдающегося историка, писателя и драматурга. А между тем его главный научный труд, «История русского народа», – это ярчайшее явление отечественной культуры. Как было принято тогда в русской историографии, Н. А. Полевой выстраивает книгу по конкретным княжениям и царствованиям, неспешно и задушевно повествуя о великих и скорбных событиях в жизни Отечества.

Содержание

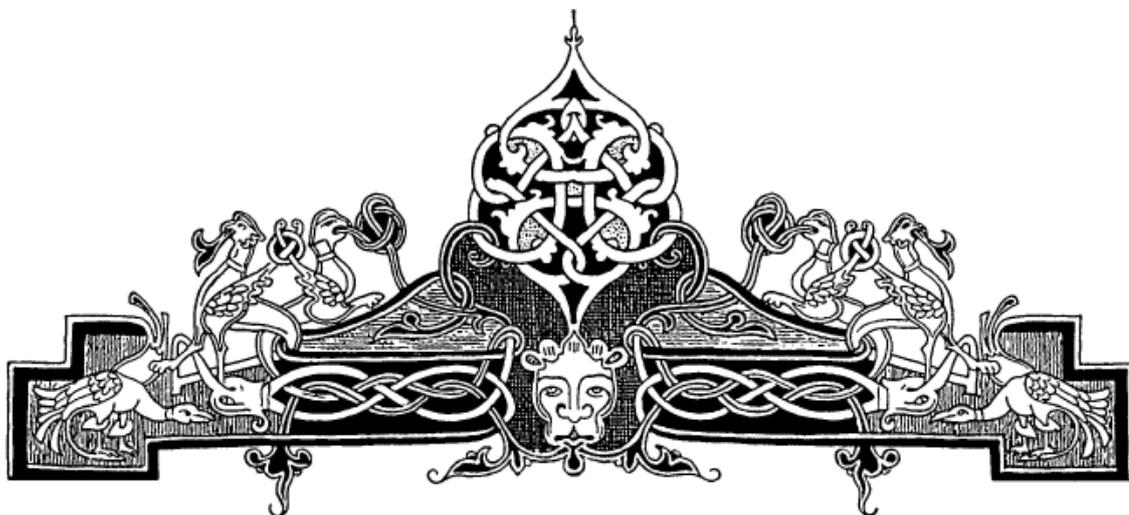
Предисловие	5
Б. Г. Нибуру	11
I. От древнейших времен до разделения России на уделы (до 1055 года)	12
Глава 1. Скандинавы. Начало русских государств	13
Глава 2. Завоевание Киева новгородскими руссами	39
Глава 3. Руссы-завоеватели. Борьба с Грецией. Соединение русских княжеств при Владимире	57
Глава 4. Введение христианской веры. Новое разделение и соединение русских княжеств при Ярославе	69
II. От разделения России на уделы до перенесения Великого княжества из Киева во Владимир-Залесский (с 1055 до 1157 года)	82
Глава 1. История Европы в IX и X столетиях	83
Глава 2. Начало периода уделов	107
Глава 3. Переход Великого княжения в род Всеволода или Мономаховичей	126
Глава 4. Решительное падение старшего рода (Олеговичей)	142
Конец ознакомительного фрагмента.	159

Николай Полевой

История русского народа

© ООО «Издательский дом «Вече», 2008

Предисловие

«Есть различие между простым, врожденным человеку желанием знать прошедшее и тем испытующим стремлением человеческого ума, которое поставило в ряду других познаний наших историю. Все знания, все науки начинаются в самых первых действиях человеческого духа. Так и в простом желании знать прошедшее должна была заключаться история. Но знания и науки находятся в первоначальных действиях нашей умственной способности, как творения природы в семенах и зародышах; время развивает их: целые века потребны для развития умственных семян, сеемых человеком.

Мы ошибемся, если будем смешивать первое действие человеческого ума с полным его развитием. Способности человека, в самом несовершенном их состоянии, содержат уже в себе идеи и верования всякого рода. В самом первом порыве ума все есть у человека, все, чем может он познавать истины в себе самом, вокруг себя, выше себя. Умственный инстинкт, коим одарен человек, соприкасаясь всему, ко всему прилагается; но человек не начинает задачами и решением оных: в начале он безусловно видит, чувствует, понимает, верит; произвол умственной его деятельности смешивается, сливается с предметами, которые приближаешь к себе, расцветчивается, так сказать, их цветами. Потом наступает другой период умственной деятельности, когда она входит в самое себя и, взяв самое себя за предмет своих действий, требует отчета о том, что мыслила, как и для чего таким образом мыслила, как и для чего мыслит. Тогда превращается в задачу то, что прежде было для человека положительно; человек действует методически там, где прежде повиновался инстинкту, замещает непосредственное вдохновение постепенными понятиями и врожденные верования системами. Мысление творить знание, науку там, где произвольность ставила верование. Так бывает в человеке, так и в роде человеческом. Везде с самого начала непосредственное, так сказать, откровение разоблачает для умственной способности тайны бытия, освещает его, как будто свыше, светом чудесным и налагает на него знамение вечных истин. Прежде всяких систем род человеческий мыслит, и посредством сил, коими он одарен, достигает истин существенных, не дожидаясь поздних пособий философии, которая развивает впоследствии начало и являет его в полном блеске жизни, созидавая систему, науку. Весьма важно знать такую постепенность понятий человека: она объясняет для нас природу нашу и подле самой колыбели нашего ума ставит свет и величие, в то же время показывая правильную постепенность в дальнейшем ходе сего.

Сии истины, сказанные одним из новейших мыслителей, непреложны для истории всякого знания человеческого: они непреложны для истории самого человека, вообще и частно. Мы видим после сего, как отделяется действие врожденного любопытства, удовлетворяемого простым рассказом на развалинах прошедшего, без суждений и размышлений, от действия умственной воли познавать прошедшее, для удовлетворения коего философия создает историю, вдохновенную умом вещательницу протекшего, богиню, по мнению древних, пишущую на алмазных скрижалях события веков минувших.

После первого мгновения бытия человек имел уже прошедшее, имел и повествовал историю его. Но она сливалась со всеми образами слова: являлась Поэзией, казалась Верою, была Законом. Обнимая все другие ведения, история вмещала в себя все разнообразие оных в то время, когда опыт казался человеку единственным вождем всякого познания. Но когда другие знания, Поэзия, Вера, отделились от истории, человек начал обрекать ей собственные ее пределы и решился образовать из Истории отдельное знание.

История человечества начинается, собственно, с того времени, когда люди составили общество и явилась жизнь народов. При сих обстоятельствах началась борьба частной воли человека с условиями общего бытия; нерешимая задача бесконечной жизни, угасающей для того, чтобы снова возникнуть, и возникающей для того, чтобы снова угасать. Много времени протекает, пока тот или другой век находит для себя верное мерило в общем духе своего времени, служащем переходом к новой борьбе. Сим мудрым законом провидения все стремится здесь путем усовершенствования в человечестве; сей закон составляет разнообразие прошедшего, и история истории есть повесть, как разнообразно смотрел человек с точки мгновенного бытия на удовлетворение желания знать прошедшее в настоящей жизни...»

Так сформулировал свое отношение к истории как науке Николай Алексеевич Полевой (1796–1846).

Талантливый публицист, критик, прозаик и историк родился в Иркутске. Сын купца, он не получил систематического образования. Рано научившись грамоте, он с жадностью набросился на книги, которые нашел в довольно большом количестве у отца. По собственным его словам, Полевой «прочитал тысячу томов всякой всячины» и помнил все прочитанное. Уже с десятилетнего возраста он издавал рукописные газеты и журналы, писал драмы, стихи. В 1811 г. Полевые переехали из Иркутска в Курск. Побывав в Москве, где он некоторое время посещал университет, и в Петербурге, Полевой понял недостаточность бессистемного чтения и серьезно принялся за образование. После целого дня работы за прилавком он просиживал ночи за изучением русской грамматики и языков: от латинского до греческого. Отказавшись от легкого чтения, Полевой «выучивал по триста вокабул в вечер, выписал все глаголы из Геймова словаря, переспрягал каждый отдельно и составил новые таблицы русских спряжений». В 1820 г. Полевой по поручению отца уехал в Москву для устройства винокуренного завода. С этих пор и особенно после смерти отца Полевой всецело предан литературе. Вскоре он получает серебряную медаль Академии наук за исследование о русских глаголах. Статьи и стихи Полевого появляются все чаще в периодических изданиях. Греч и Булгарин предложили ему сотрудничать в их журнале, но предложение это не было им принято. В 1825 г., встретив поддержку в лице П. А. Вяземского, он начал издавать знаменитый «Московский телеграф», выступавший с либеральных позиций против феодализма и дворянства, ратовавший за романтизм, подчеркивавший гражданскую честность, заслуги и монархический патриотизм Купечества. В журнале печаталось много статей по истории и этнографии. После запрещения «Московского телеграфа» правительством Полевой редактировал «Живописное обозрение», «Сын Отечества», «Русский вестник», «Литературную газету», издававшуюся Краевским. Во всех этих изданиях он поместил ряд статей по самым разным вопросам, выступая в качестве историка, критика, публициста, драматурга. Отдельно издано им несколько романов.

Несмотря на многообразие тем, Полевой во всех своих работах является проводником одних и тех же взглядов и убеждений.

Исследуя исторические процессы, он писал:

«... Только нашему веку суждено было познать истинное, по крайней мере высшее, бескорыстное знание истории, очищенной от всех честных стремлений, какие давали ей ошибки ума человеческого и эгоизм наших страстей.

Можем вообще разделить на три разных направления все недостаточные взгляды людей на историю.

Первое из них, самое первобытное, назовем поэтическим, если нельзя назвать его направлением, какое старалось дать истории честолюбие человека. Прошедшее представлялось людям в образах темных, пролетавших по горящему полю их юного воображения. Человек был не в состоянии обманываться существенностью, всегда бедною, если Поэзия не облачает ее в светлые свои облака, если ум не проникает ее животворными лучами философии. Он желал возвысить себя хотя бы в прошедшем, желал озолотить прошедшее, сводил небо на землю, обоготворял людей, вел род свой от них и создавал для себя небывалые мечты о золотом веке, о царстве богов. Собранные веками он приписывал мгновенному вдохновению и, как дитя, грустил о том, чего никогда не бывало.

Второе направление истории было гораздо определеннее. Человек был уже доволен существенностью и настоящее хотел возвеличить прошедшим. Он возводил земное к небесам и видел одно благо и добро в бывалом, утешаясь, что всегда истина, всегда величие заседали при начале всего им видимого, всего им изобретенного. Это направление истории можно назвать героическим, если не осмелимся приписать его самолюбию человека. Оно заставляло людей спорить о преимуществах, основанных на древности родов, учреждений, постановлений, заставляло смотреть на все прошедшее, как на нечто великое, и в нем искать причины преимущества, какое человек отдавал сам себе в настоящем.

Бескорыстнее сих обоих направлений было третье, к коему приводило человека несовершенство умственных идей и понятий. Люди искали уроков для настоящего в прошедшем, горевали о былом и хотели воспоминаниями о неизбежной мести пороку, награде добродетели, рассказами о доброте и величии предков учить современное поколение, казавшееся им ничтожным, против того идеала, который находили они в прошедшем.

Так образован был древними объем истории. Читайте греков и римлян, вы всегда увидите поэтическое, героическое, нравственное направление, отдельно или соединенно. Соединяя их, люди изображали в первом отношении начало истории; вторым обрисовывали все прошедшее; третье имели в виду для современников. Яркими цветами Поэзии и красноречия украшались притом повествования историков.

Такие понятия древних об истории объясняются весьма легко. Древние не имели будущего в общей судьбе человечества, ибо идея человечества была им неизвестна. Каждый народ существовал для самого себя, уединялся от других и оттого в грядущем мог видеть только зло. Кажется, древние предчувствовали, что их вера, их понятия, их царства должны вскоре сокрушиться, что новый мир должен сменить их мир. Как на пиршествах древних песни веселья всегда смешивались с гимном грусти, как розы венчали череп, находившийся при их торжествах, так во все вмешивалось у них какое-то уныние, какое-то предчувствие изменения в грядущем. Оттого идеал их переносился в прошедшее, ибо не было ему места в будущем. Древний мир уподоблялся сыну Пелееву, знавшему, что величие своих подвигов он должен купить славой, но рановременной смертью.

И век древних прошел; одни внешние формы оставались от всего: дух исчез. Средние века изменили сущность всего. Но дикое стремление новых веков хотело ожить в древних формах, изящных, прекрасных и погибших навсегда для потомства, долженствовавшего созидать новые. В то время когда мир преобразован был новой верой и общество новыми

идеями, потомки древних дописали историю свою оставшимися от предков грифельными, уже истертыми, тупыми, и новые народы видели и образцы древних, и образ писания их потомков. Они пленились образцами древних и думали, что эти образцы написаны так, как в глазах их писали свои сухие эпилоги великих исторических творений потомки греков и римлян. Новые народы принесли с собой или исполинские образы Востока, или мрачные образы Севера, узнали новый мир в Христианстве, и направления истории, образованные древними, оживлены были в родных каждому народу элементах, без всякого сознания, следственно без силы ума и без жара Поэзии.

Невообразимо странно для ума наблюдательного состояние истории в средние и новые века, пока люди не узнали новых форм и нового духа истории. Мы видим истинный хаос. Библейские, превратно понимаемые предания заменяют древнюю мифологию; век Греции и Рима представляется в союзе с похождениями варварских предков каждого народа, как век героический; разнообразная, разнородная философия Востока, Севера и Запада преобразует прошедшее в уроки нравственности, чести и славы в формах многообразных и странных. Изменялись века, изменялась и история. Все народы, все общественные учреждения и звания почитали ее средством доказывать свои права, свою справедливость. Страсти и хитрость ума человеческого истощили все средства, все способы обманывать других и самих себя ложными направлениями истории...»

В истории России Полевой выделял три эпохи: историю русского народа, историю российского царства и историю российской империи. Эти эпохи соответствовали его представлению о делении всемирной истории на древнюю, среднюю и новую. Границы последних он связывал с периодами столкновения европейских и азиатских народов, а границы эпох русской истории – с вторжением норманнов в земли славян, нашествием монголов, вступлением России в европейскую систему при Петре I.

Структура изложения в «Истории русского народа» традиционна для русской историографии: по княжениям и царствам. Как дополнение к каждому периоду Полевой давал общий обзор состояния «гражданского и политического быта», законодательства, хозяйственной деятельности, а также событий в странах Западной Европы.

В своих работах Полевой предлагал историкам обратиться к раскрытию внутренних закономерностей русского исторического процесса:

«... в настоящее время видим ничтожность всех ложных направлений истории. С идеей человечества исчез для нас односторонний эгоизм народов; с идеей земного совершенствования мы перенесли свой идеал из прошедшего в будущее и увидели прошедшее во всей наготе его; с познанием истинной философии мы узнали, как слабы выводы, извлекаемые из мелких и пристрастных соображений прошедшего; сведения о Диких, неизвестных древних племенах пояснили нам историю первобытного человечества и рассеяли мечты древних о Золотом Веке. Лестница бесчисленных переходов человечества и голос веков научили нас тому, что уроки истории заключаются не в частных событиях, которые можем мы толковать и преобразовать по произволу, но в общности, целости истории, в созерцании народов и государств, как необходимых явлений каждого периода, каждого века. Здесь только раскрываются для нас тайны судьбы и могут быть извлечены понятия о том, что в состоянии, что должны делать человеческая мудрость и воля, при законах высшего, Божественного промысла, неизбежных и от нас не зависящих.

Этим воззрением обозначается сущность, права и обязанности истории, сообразно нашим понятиям; создается знание по строгим выводам умозрения и опыта. Сие знание должно уединиться от всех частных направлений. Историк, напитанный духом философии, согретый огнем Поэзии, принимаясь за скрижали истории, должен забыть и логические выводы первой и цветистые краски второй. Он должен отделиться от своего века, своего народа, самого себя. Его обязанность – истина, чистая, безпримесная, неувлекаемая ни

духом систем, ни поэтическим огнем, преображающим в глазах наших предметы. Цели частной нет и не должно быть у историка, ибо история, как жизнь, есть сама себе цель. Воодушевляя, воскрешая прошедшее, она делает его для нас настоящим, преобразуя жизнь прошедшего в слово и, таким образом, выражая совершившееся так же, как слово выражается для нас мертвыми буквами. Историк не есть учитель логики, ибо история такой силлогизм, коего вывод или третья посылка всегда остается нерешимым для настоящего, а две первые не составляют полного, целого силлогизма.

Историк и не судья, ибо составление обвинительных актов даст повод подозревать его в пристрастии так же, как и составление оправдательных. Он живописец, ваятель прошедшего бытия: от него требует человечество только верного, точного изображения Прошедшего, для бесконечной тяжбы природы с человеком, решаемой судьбою непостижимою и вечною.

Удовлетворяя этим условиям, видим, как неприлично историку почитать себя судиею, пред которым смиренно преклоняются века, ожидая осуждения или оправдания; как недостаточно будет, если он, для своего века, по своекорыстию современников, по чувству народной гордости, преображает истину, смотря сквозь призму предрассудков или предубеждений. Несносно и звание учителя нравственности, заставляющее историка говорить афоризмами и сентенциями, как будто нравоучения, им подсказываемые, могут научать современников и потомство, если дела и события не могли научить их!

Положив в основание истину, приняв в руководители умозрение и опыт, историк обязан только показать нам прошедшее так, как оно было; оживить представителей его, заставить их действовать, думать, говорить, как они действовали, думали, говорили, и, бесстрастным вещанием истины, слить жизнь каждого из отдельных представителей с его веком, его временем, обставить изображения их теми отношениями, царства и народы теми царствами и народами, коими сливались они с человечеством в действительной своей жизни.

Вследствие сего историк сохранит все мелкое, частное жизни прошедшего, если оно объясняет что-либо в жизни целого, забудет его, если оно не было причиной или следствием великого, по крайней мере, значительного.

История необходимо разделится на общее и частное, причину и следствие. Историк соединит то и другое, и тогда в его повествовании мы будем зрителями как бы непреходящего, нескончаемого настоящего, ибо где предел истории? Это стезя по бездне вечности, стезя, коей начало и конец теряются во мраке...»

В этом Николай Алексеевич видел предназначение историка, его образовательную миссию. Свое стремление написать историю нашего Отечества он объяснял так:

«...История России, будет ли она предметом философского воззрения, или удовлетворением простого любопытства, вся важна и велика во всех отношениях. Государство, простирающееся от берегов Америки до пределов Германии, от льдов Северного полюса до степей Азийских, без сомнения, есть важное отделение в истории человечества. Не будем спорить об относительной мере любопытства и занимательности историй разных народов. Спор о том, что занимательнее: история монгольского народа или история Греции, мне кажется спором, приличным детству умственных понятий. Там и здесь действует человек, и развалины Самарканда столь же значительны в глазах наблюдателя просвещенного, как и развалины Коринфа и Афин; летопись монгольская столь же достойна внимания, сколько и летопись греческая. Все должно быть решаемо важностью роли, какую занимали или занимают государство или народ в истории человечества, а в этом случае история монголов менее ли важна греческой истории? Судя так, мы найдем, что Россия достойна быть предметом изучения наблюдателей как великая часть истории человечества.

Россия принадлежит к миру новых народов. Мир древних кончился, когда народ русский явился на свет (в половине IX века). Еще позднее является государство Русское, ибо шесть веков прошло до его образования (в половине XV века), и еще два века, пока история

Русского государства соединилась с историей мира Европейского (в половине XVII века). Должно ли означить то время, с которого можно почтить Русское государство самобытно, непосредственно участвующим в судьбе человечества? Побеждая народную гордость, мы скажем, что в этом отношении история России началась с царствования Петра Великого. Но исследователь не должен начинать только с его времени, ибо ему должно знать: где, когда и как образовался этот колоссальный действующий политического мира, решительно присоединившийся к Европе в XVIII веке. Действуя непосредственно в европейской истории только с сего времени, Россия еще с IX века заняла в ней место относительным образом. Если важны для нас истории народов и государств, отживших век свой, как задачи бытия уже решившие, то история народа или государства, ныне, в глазах наших находящегося в полном развитии жизненных сил своих, еще сильнее привлекает внимание пытливого ума человеческого. Когда и как окончится история России? Для чего сей исполин воздвигнут рукою промысла в ряду других царств? Вот вопросы, для нас нерешимые! Мы, составляя собою, может быть, только введение в историю нашего Отечества, не разрешим сих вопросов. Но тем с большим любопытством желаем мы читать жребий будущего в событиях минувших, где являются для нашего наблюдения основные стихии, из коих создана Россия...»

Развитие истории, считал Полевой, подчиненно определенной цели, установленной провидением и обусловленной особенностями быта, нравами людей, внешними обстоятельствами. Такой целью в истории России, по его мнению, было установление единовласти.

«...Название книги: “История русского народа” показывает существенную разницу моего взгляда на историю отечества, от всех донныне известных. Оно принято вследствие мысли, на которой основано все мое сочинение. Я полагаю, что в словах: “Русское государство”, заключалась главная ошибка моих предшественников. Государство Русское начало существовать только со времени свержения ига монгольского. Рюрик, Синеус, Трувор, Аскольд, Дир, Рогволод основали не одно, но отдельные, разные государства. Три первых были соединены Рюриком; с переселением Олега в Киев последовало отделение Северной Руси и образование оной в виде республики. Киевское государство, усиленное Олегом, Игорем, Ольгой, Святославом, Владимиром и Ярославом, делилось потом особо от Севера, и представляло особую систему феодальных Русских государств. При таком взгляде изменяется совершенно вся древняя история России, и может быть только История русского народа, а не История Русского государства. От чего и как пали уделы под власть монголов; что составило из них одно государство, каким образом это новое, деспотическое Русское княжество преобразилось в самодержавную, великую Империю? Это старался я изобразить, совершенно устранив свое народное честолюбие, говоря беспристрастно, соотнося, сколько мог, настоящее с прошедшим...»

Так представлялся Полевому ход русской истории. И если Карамзин рассматривал самодержавное государство как нечто раз и навсегда данное, Полевой достаточно последовательно проводил мысль о прогрессивном, поступательном разбитии общества, высказав ряд интересных мыслей, нашедших позже свое разбитие в нашей науке.

Выводы и обобщения Полевого-историка свидетельствуют о прогрессивном подходе к методологии истории, к определению задач историй. Его идеи о единстве мирового исторического процесса, закономерности его развития, внутренней связи прозвучали новым словом.

«История русского народа», не являвшаяся читателю почти 170 лет, снова перед нами.

Б. Г. Нибуру Первому историку нашего века

В то время, когда образованность и просвещение соединяют все народы союзом дружбы, основанной на высшем созерцании жребия человечества, когда высокие помышления, плоды философских наблюдений и великие истины прошедшего и настоящего составляют общее наследие различных народов и быстро разделяются между обитателями отдаленных одна от другой стран, я осмеливаюсь Вам, первому историку нашего века, посвятить опыт трудов моих на том поприще, по которому Вы подвизаетесь с такою славою.

История России была уже обрабатываема многими русскими и иностранными, писателями. Имя нашего Карамзина Вам известно. Разделяя с моими соотечественниками справедливое уважение к труду знаменитого соотчича, я не поколебался, однако ж, писать историю России после него и посвятить этому предприятию несколько лет. Мое повествование начинается происхождением русского народа и заключается царствованием императора Николая. Таким образом, оно представляет картину начала, развития и нынешнего состояния России, сего необыкновенного явления в мире человечества, и если не иметь других достоинств, то, по крайней мере, есть полное, доведенное до нашего времени Жизнеописание русского народа, чего доныне не было сделано: все труды занимавшихся Русскою Историей были или неполны и не закончены, или не доведены до времен новейших.

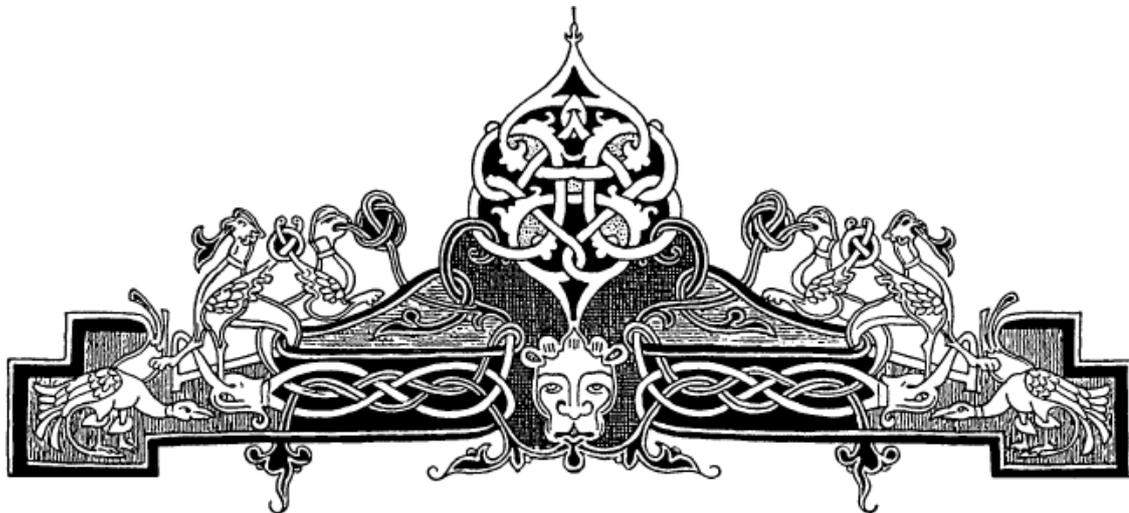
Утвердительно скажу, что я верно изобразил историю России, столь верно, сколько отношения мне позволяли. Я знал подробности событий и чувствовал их, как русский; был беспристрастен, как гражданин мира. Кому же другому, кроме Вас, могу я посвятить сочинение, в котором с таким направлением изображается политическая и нравственная жизнь исполинского царства, картину, хотя и неискусною рукою начертанную? При всех недостатках она достойна Вашего взора, и труд мой, с именем Вашим, останется в памяти других. Довольно для меня, если скажут, что историк русского народа знал величие гения Нибурова, и Нибур не почел недостойным своего имени почтительное приношение русского историка. Люди, подобные Вам, принадлежат векам и народам, и каждый – предмет для наблюдательных умов их.

Пусть приношение мое покажет Вам, что в России столь же умеют ценить и почитать Вас, как и в других просвещенных странах мира.

Н. Полевой.

Июня 26 дня 1829 года. Москва

I. От древнейших времен до разделения России на уделы (до 1055 года)

Глава 1. Скандинавы. Начало русских государств

Скандинавский полуостров был известен древним по слухам недостаточным и неверным. Составляя собою далекую, северную оконечность европейского материка, заслоненный дикой Германией и отделенный морями, он не испытывал власти римлян и, по естественному состоянию своему и положению, не мог обольстить и привлечь варваров, в первые века христианства ринувшихся в Европу из степей Азии, устремившихся на обольстительный Юг, смешавшихся с обитателями Европы и разбивших исполинское создание Древнего мира, Римскую империю. Но в то время, когда из сего разрушенного колосса начали образовываться в Европе новые народы и государства, обитатели Скандинавии явились на свет Европейской Истории. Их появление было ознаменовано важными последствиями, имевшими влияние на всю политическую систему новой Европы; их история соединяется с историей всех новых государств европейских; ими начинается История русского народа.

Скандинавия, простираясь от Полярного северного круга до 56° с. ш., из всей северной, низкой части Европы являет собой отдельную систему гор, простирающихся по обширному пространству полуострова, который примыкает к материку Европы широким перешейком от Северного океана до Ботнического залива. Сие протяжение земли омывается с одной стороны Балтийским морем, с другой Северным, или Немецким, морем и океаном и испещрено озерами и реками. Длинные, излучистые заливы тянутся внутрь земли от морских берегов, утесистых, обложенных песчаными отмелями. Мрачные леса берез и сосен растут вокруг озер и рек. Суровый климат тяготеет над всем Скандинавским полуостровом; природа угрюма и неприветлива. Глубокие снега покрывают там леса и долины зимою; лето бывает короткое. Чем далее к северу, тем более исчезает жизнь природы; люди слабеют умственными и телесными способностями, и там, где льды и снега греют землю большую часть года, живет человек с умом притупленным, малорослый и бесчувственный. Но в южной и средней части полуострова жители мощны, крепки, суровы, как природа их окружающая; дики, как леса ими обитаемые; неукротимы в страстях своих, как снежные потоки, наводняющие весною их озера и реки, как жаркое, кратковременное лето Скандинавии, в течение которого солнце почти не сходит с небосклона.

Жители Скандинавского полуострова были одного рода с обитателями противоположных берегов Германии. Вероятно, война и междоусобие загнали толпы их на север, через Ютландский (Датский) полуостров, и заставили отделиться от своих родичей во времена, неведомые истории. В лесах скандинавских расселились потомки германских пришельцев, обрабатывали неблагоприятную почву, били зверей на одежды, ловили рыбу для пропитания и гордились волею необузданною. Личная свобода человека там была чувствуема еще сильнее, нежели в Германии. Каждое семейство почитало себя независимым от другого. Храбрый звероловец принимал начальство, когда одна толпа собиралась на другую: мстить кровью за пролитую кровь, разбоем за отнятие добычи и личное оскорбление. Обида требовала неизменного мщения, кровь крови, по мнению скандинавов. Сечи их были смертельны; с окончанием битвы прекращалась подчиненность: все садились за один стол с вождем; рог, наполненный пивом или медом, переходил из рук в руки; слезы и клики радости смешивались с нестройным песнопением скальда, воспевавшего победу, воспламенявшего на новую битву. Дикая поэзия согревала душу скандинава. Он пел, идя в битву, пел, торжествуя победу, пел, умирая на поле битвы, и поэтическая, облеченная восточными символами и северными тучами религия усиливала врожденную склонность его к независимости и презрению смерти, яркими чертами рисуя для скандинавов будущую жизнь, где павшему

в битве обещаны были в награду вечное наслаждение пивом и медом, непрерывные битвы, вечная охота за бессмертными зверями.

Таков был народ, заселявший в древние века Скандинавский полуостров. Окруженный морями, он не мог не знать и, узнав, не полюбить мореплавания. Рыбная ловля должна была издревле приучать скандинавов к морским волнам; недостаток в продовольствии принуждал к набегам на иноплеменников; легкость добычи побуждала к хищничеству. На морях скандинавских так же легко было сделаться морским разбойником, как в степях Аравии бедуином, и в горах Греции клефтом.

Вскоре образовались морские разбои скандинавов. Еще Тацит описывал свионов как народ, столь же страшный своим оружием, сколько и флотом. В легких лодках переплывая через Зундский пролив и Балтийское море, нападали они на иноплеменников, в свою очередь приплывавших с оружием в руках на скандинавский берег: добыча, жены, оружие были наградой победителей.

Дерзость и отвага скандинавов более и более возрастали по мере недостатков в жизни от умножавшегося народонаселения и по мере укоренявшихся обычаев. Независимость личная всегда оставалась первым благом скандинавов; но умножение народа постепенно произвело у них гражданские, политические общества. Они составили множество небольших королевств, делившихся на области. Не признавая власти королей в гражданском быте своем, скандинав шел на звук рога их для защиты и набега. Между тем каждый семьянин был независимым властелином своего добра и своей семьи. Братьям нечего было делить в бедных своих наследиях, и старший брат, оставаясь владельцем отцовского дома, отдавал другому брату только меч и топор. Толпы сих бездомных изгнанников, лишенных всего, собирались вместе, избирали вождя и пускались в набеги. Ничто не останавливало их: буря и крушение лодок не печалили спасшихся от гибели, и по дороге лебедей прилетев в чуждую землю, с бешенством кидались они в битву. «Один на один должно нападать; против двух надобно защищаться; трем не уступать; только от четырех можно бежать». Таков был закон скандинавский. С добычей и богатствами являлись изгнанники домой, возбуждали новые набеги и тяжкие междоусобия; меч был судьбою скандинава: им доставал он все, им и терял.

Все соседи скандинавов с ужасом чувствовали гибельную, свирепую храбрость их. Финны, жители правого берега Ботнического залива, славяне, саксоны и фризы, жители южных берегов Балтийского и Немецкого морей, беспрерывно подвергались их нападениям. Но когда, в течение нескольких веков, морское хищничество и набеги обратились у скандинавов в природу и закон; когда скандинавские короли начали делить землю, как свое наследие, и море, как поле добычи; когда, вместо челноков, явились у скандинавов большие лодки, начальники морских разбоев получили название королей моря, и человек, не отличившийся в морском набеге, считался слабым, а рука красавицы была наградой только куче золота и гибели иноплеменных и соперников, отвага скандинавов перешла все пределы. В начале VI века они явились у берегов Галлии; в 787 году напали на английские берега; в IX веке ужас имени их заставлял трепетать в Англии, Ирландии, Шотландии, Италии, Испании. В церквах французских молились о спасении от набегов скандинавских, как от напрасной смерти. Не дивимся этому, читая описание гибели, протекавшей по следам их всюду: смерть и опустошение предшествовали им и сопровождали их в бедной и в богатой стране. Многие из скандинавских королей беспрерывно были в набеге, жили убийством: битва приводила скандинавов в безумную ярость; они бросались в огонь и в воду, грызли свое оружие и горящие уголья, дрались мечом, дубиной, молотом, поражали врагов и друзей, стены, камни, землю и гордились названием берсеркера, какое давали одержимым таким бешенством храбрости.

События, совершившиеся в начале IX века в Северной Германии, подали новую причину к усилению воинского духа скандинавов. Северную Германию занимал тогда полудикий народ саксонов; он простирался на юг от Ютландии, к Немецкому морю, и еще с III

века морем ходил на грабеж в Галлию. Юты и англй, обитатели Ютландского полуострова, ему сопутствовали. С падением Рима Галлия была открыта со всех сторон. Когда сильные германские народы, бургундцы (с 406–413 гг.), визиготфы (с 412–450 гг.) и франки (с 481–500 гг.) основались в Галлии, саксоны покорили себе Британию (в половине V века). Владычество франков в Галлии распространилось и укрепилось; другие народы-завоеватели уступили им. С половины VI века одни франки были обладателями Галлии, и власть их начала останавливать набеги саксонов на сию землю. Явился Карл Великий. Саксоны должны были пасть под силой его грозного оружия. С крестом и мечом Карл пришел в самую землю саксонов; началась кровавая тридцатидвухлетняя борьба, и восемнадцать походов совершено было Карлом. Скандинавы, всегдашние враги и всегдашние спутники саксов, подкрепляли их, принимали участие в их судьбе, и победы Карла, принужденное обращение побежденных в христианскую веру, переселение части их в Галлию, отдача их жилищ другим народам – все это возбудило непримиримую ненависть скандинавов против франков и против христианской веры. Карл при жизни видел начало бедствий, какими должно было обременить страну его оружие скандинавов. «Мы служим свою обедню копьями и начинаем ее до восхождения солнца», – говорили они, истребляя огнем и мечом города и села, сжигая поля, зарезывая священников, грабя имущество обитателей, увлекая в плен жен и девиц. Слабые наследники Карла откупались от скандинавов золотом или робко предавали города и земли свои гибели и опустошению. История Франции, Англии, Шотландии и Ирландии наполнена ужасами скандинавских набегов с IX по XIII век.

Под именем скандинавов мы разумеем здесь обитателей скандинавского полуострова, составляющего ныне Швецию и Норвегию. Но и жители Ютландского полуострова, или датчане, соединялись со скандинавами (так же, как сами скандинавы приставали к германцам и другим народам). Оттого скандинавы не имели одного названия и были означаемы в разных местах разными именами: их называли норманнами (северными людьми) во Франции, датчанами в Англии, аустменами (восточными людьми) в Ирландии, варягами в славянских землях. Наши предки в XII веке называли варяжскими народами всех обитателей Скандинавии, Датского полуострова и Британского острова, различая в них жителей Швеции, Норвегии, Дании и Англии особенными именами.

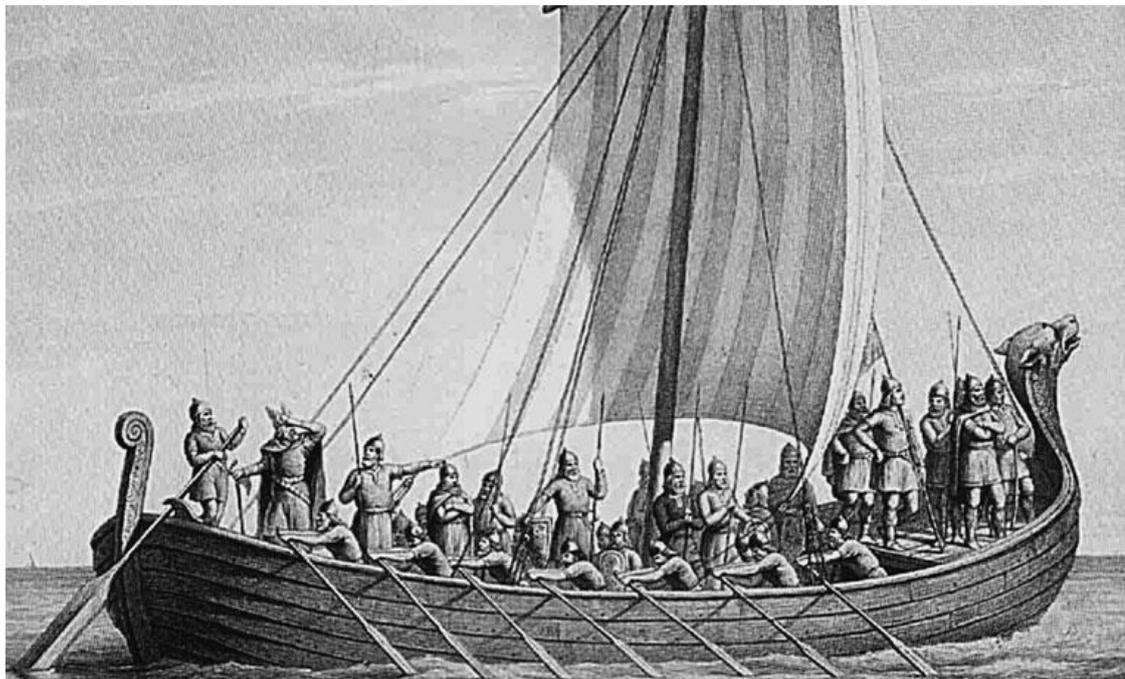
Взлелеянные на морских волнах, варяги (принимаем это имя для означения скандинавов или норманнов) бесстрашно пускались по льдистым хлябям Ледовитого океана, достигали Белого моря, известного в их описаниях под именем Гандвика; грабили и торговали в Биармии; за 500 лет до Колумба открыли Гренландию и приставали к Северной Америке. Нельзя после сего не предполагать, что гораздо прежде середины IX века по Р. Х. они узнали юго-восточные берега Балтийского моря.

Но в наших летописях находим известие, что в 859 году явились варяги в первый раз на берегах Финского залива и Ладожского озера, обложили данью тамошних обитателей и притеснили их; что через два года были они изгнаны туземцами, и в 862 году призваны ими снова, добровольно.

Известие явно невероятное, даже по излишней его хронологической точности. Предположим сначала общий вывод из истории варягов.

Обыкновенный образ варяжских походов был следующий. По призыву вождя, известного храбростью и опытностью, стекались варяги в назначенное место и определяли поход. Не слава вела их в битвы: варяги не знали ее; недостаток пищи, одежды, жадность добычи, желание иметь рабов, жен были причинами походов. Вождь назначал сторону отплытия: направо, налево, прямо, и варяжские ладьи стремились по указанию вождя. Первый берег, к которому они приставали, был целью, первое, что встречалось, предметом похода. Ограбив берега, варяги пускались по рекам внутрь земли, и грабили приречья, иногда рассыпаясь по сухому пути, но всегда недалеко, всегда сохраняя себе, в случае сопротивления, побег на

лодки, оберегаемые частью дружины. Иногда варяги перетаскивали свои лодки по земле в другую реку и в таком случае уплывали обратно в море уже по этой реке.

Корабль викингов. Рисунок конца XIX в.

Побывав несколько раз в каком-нибудь месте и узнав протяжения рек, варяги замечали места, способные для защиты, и, начиная со впадения рек в море, рубили небольшие деревянные городки или крепости, в которых можно было им укрепляться для своего спасения. Сии укрепления распространялись потом внутрь земли, всегда по течению рек, и мало-помалу охватывали целые области, в коих городки делались притонами варягов. Впоследствии многие из них оставались в городках, начинали постоянно жить в сих притонах, покоряли туземцев и основывали небольшие государства. Такие государства становились сборными местами для новых пришельцев, иногда умножавших число старых поселенцев, иногда шедших вперед, и основывавших новые государства. Всякая страна могла казаться варягам лучше дикой, суровой их отчины, где ожидали их недостаток, бездействие или вражда и междоусобие, когда покоренные в отдаленных землях области, кроме привольной жизни, подчиняли им покорных рабов, коих жизнь и добро зависели от меча и воли победителя. Можем убедиться в верности сего изображения варяжских походов и поселений, сравнив походы и поселения варягов во Франции и Англии: так везде поступали варяги.

Вероятно так поступили они и в земле обитателей юго-восточного берега Балтийского моря. Здесь Рижский и Финский заливы служили им первым пристанищем. По Двине могли варяги идти внутрь земли; по реке Нарове в озеро Чудское; по Неве в озеро Нево, или Ладожское, откуда по Свири выплывали в озеро Онежское, по Вытегре и Ковже в Белоозеро, по Шексне в Волгу. Другой путь варяжский из Ладожского озера описан в наших летописях: Волхов вел ладьи их в озеро Ильмень; отсюда река Ловать показывала путь далее на юг, до Днепра.

Утвердясь на сем вероятном предположении прихода варягов на юго-восточные берега Балтийского моря и узнав дух, характер, образ действий скандинавских пришельцев, мы должны обратиться к другому важному и любопытному предмету. Еще не соображая подробностей повествования наших летописей о появлении варягов, нам должно узнать новую страну, куда явились они.

На самих берегах Балтийского моря варяги нашли обитателей, издревле там поселившихся. Идя далее внутрь земли, они встречали повсюду туземцев. Мы должны узнать сих первобытных жителей нашей отчизны: они означены в наших летописях. Летописи наши передают вам известия о больших и малых народах, обитавших на пространстве от Балтийского до Черного морей, и от Волги до Карпатских гор, в половине IX века, когда варяги вступили в эти земли, предназначенные провидением составить через несколько веков сильное, могущественное государство. Пришельцы и первобытные туземцы были стихиями, из коих оно первоначально образовалось. История должна знать сии стихии так же, как и место действия их.

Место действия являлось обширное: вся восточная часть Европы, от Скандинавского полуострова и Ледовитого моря до Кавказа и Черного моря, ограничиваемая с востока хребтом Уральских гор и Каспийским морем, с запада морем Балтийским и хребтом гор Карпатских. Эти обширные страны известны ныне под именем Европейской России. Находясь под различными климатами: от самого холодного до самого благоуханного, они представляют вообще несколько плоских возвышенностей и обширных долин: нет снеговых гор Южной Европы, ныне многочисленных озер Скандинавии; ничто не ознаменовано здесь разительными противоположностями природы, только все огромно: реки, горы, степи растянуты на тысячи верст, как будто для того, что сим странам предназначено было показать огромные явления, разительные противоположности мира нравственного, необыкновенное развитие человеческого общества.

Омываемое с севера, запада и юга водами четырех морей сие пространство земель разрезывается в разных направлениях несколькими огромными реками. С самой почти середины его плоская возвышенность земли (которую географы называют Алаунской) стремится к югу три большие собрания вод: реку Волгу, протекающую более 3000 верст и впадающую в Каспийское море; Дон (1000 верст) и Днепр (1500 верст), впадающие в моря Азовское и Черное. Множество рек с Северной покатости того же плоского возвышения течет в Балтийское море и Северный океан. Множество рек пересекает в разных направлениях все пространство к югу, вообще соединяясь или с Волгою, или с Доном, или с Днепром. Не обогащенное ни драгоценными металлами, ни гнездами драгоценных камней сие пространство земель, место соединения пределов Азии и Европы, одарено было другими богатствами. Дремучие леса покрывали его, и в них водилось бесчисленное множество зверей: драгоценные кожи их издревле составляли предмет торговли жителей. Реки и моря изобиловали рыбой, составлявшей пропитание народное в тех местах, где почва земли не могла вознаграждать трудов дикого земледельца. Рыба также была предметом торговли, а в недрах земли повсюду крылось железо на мечи и копья. На этом-то пространстве, в лесах, по берегам рек и озер, в IX веке обитало множество разноплеменных народов. Представляем исчисление оных, находящееся в наших летописях.

На берегах Балтийского моря, от Невы до Немана, говорят летописи, жили народы, именовавшиеся: чудь, нарова, корсь, летгола и зимгола. Далее, к югу от чуди, при озере Ильмене жили славяне; на верховьях Волги, Двины и Днепра – кривичи; на реке Полоше, впадающей в Двину, – полочане; между рекою Припятью и Двиною – дреговичи; вниз по Днепру от кривичей, на левой стороне и по реке Соже, – радимичи, по Десне – северяне; на правой стороне Днепра, южнее их – поляне; к западу от полян – древляне. Между древлянами, дреговичами, полочанами и жителями берегов Балтийского моря находились: литва, ятвяги, ливь, голяды; к юго-западу от полян, по реке Бугу, жили бужане. Далее, к югу от полян до Днестра, Дуная и Черного моря простирались степи. К востоку от радимичей, на Оке, жили вятичи. С ними граничила обширная земля хазаров, простиравшаяся от Днепра до Волги и от Оки до Черного моря, заключающая в себе и Таврический полуостров, или нынешний Крым. На север от хазар жили опять маленькие народы мещера, мордва и черемисы

по Волге; мурома по Оке и Клязьме; меря на озерах Клещине и Ростовском; весь на Белозере. Земли за озерами Белым и Кубенским называли предки наши: Заозерье и Заволочье. Они знали, что там, далее к северу и востоку, жили народы и сохранили нам имена: заволочской чуди, югры, печоры и перми. Далее сих народов не простирались их сведения, и все смешивалось в баснословных рассказах. «За юграми, – говорят летописцы XII века, – живет народ самояд; за ним же находится путь, непроходимый пропастями, снегом и лесом, который ведет к горам Лукоморья, возвышающимся до небес: там в горах живут люди неизвестные, слышен клик, говор; слышно, что жители прорубают гору, и уже прорубили они небольшое отверстие, откуда глядят и просят железа, ножа или секиры, и кто дает им требуемое, тому платят они мехами».

Зная из византийских летописей баснословное известие о делении мира между сынами Ноевыми, предки наши знали, по слуху имена отдаленных стран и народов в Средней и Южной Азии, Европе и Африке; но Восток был мало известен грекам, и предки наши почти не знали его. Вот что сохранилось нам от них из первобытной истории и географии Севера и Востока.

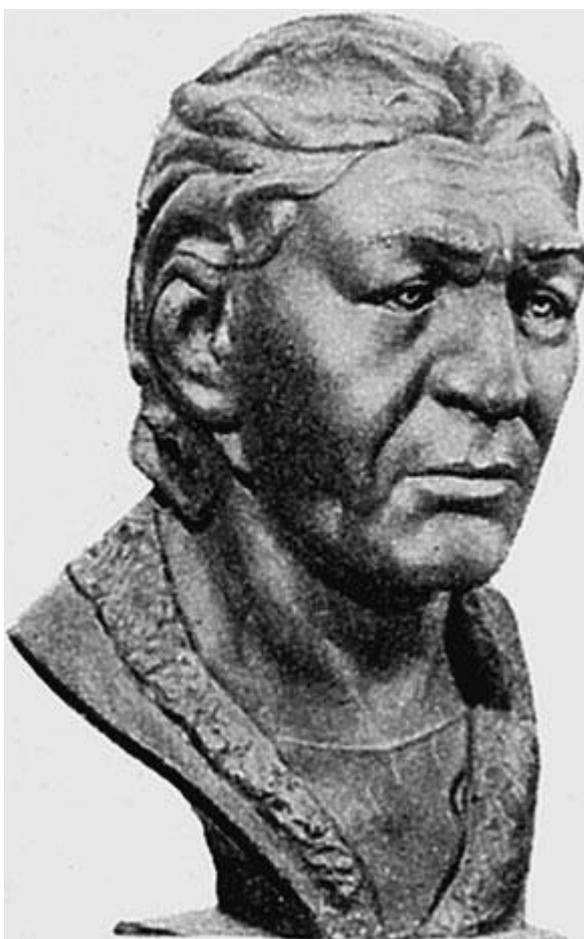
В числе 72 народов, разделившихся при столпотворении Вавилонском (говорят летописи), был народ, называемый славяне. Прошло много лет, и сей народ поселился по Дунаю; часть его расселилась от Дуная до Днестра под именем улучей и тиверцев, сии два народа назывались у греков Великая Скифия, имели города и были многочисленны; были и еще народы славянские: дулебы, жившие по Бугу. Тут напали на них народы, пришедшие из Скифии, то есть хазарии, называемые: булгары, волохи, угры белые и обры, телом великие и умом гордые. Обры начали мучить дулебов, насиловали их жен, впрягали мужей в свои телеги. За гордость истребил Бог обров, и погибель их осталась пословицею народа: погибли, как обры. Но волохи, угры и булгары стеснили, согнали славянские племена с их жилищ при Дунае, и все славянские народы стали переселяться. Одни основались на реке Морав и назвались моравами; другие поселились в другом месте и назвались чехами; третьи – в третьем месте и назвались белые хорваты, сербы, хорутане; славяне, пришедшие на Вислу, назвались ляхи, разделяясь на разные роды: полян, лутичей, мазовшан и поморян. Наконец, еще славяне пришли на Днепр и назвались поляне; другие, по лесистой области, древляне; третьи, седшие между Припятью и Двиною, дреговичи; четвертые, по реке Полот, полочане; пятые, около озера Ильменя, назвались своим именем: славяне; поселившиеся по Десне, Семи и Суле приняли название северян; поселившиеся по Бугу назвались бужане, а впоследствии именовались волыняне. Потом было еще позднейшее переселение от ляхов за Днепр: пришли братья Радим и Вятко и поселились: первый на Соже, второй на Оке; потомки первого назвались радимичи, потомки второго – вятичи.

Между тем первобытная славянская земля на Дунае занята была волохами и уграми белыми. У переселившихся с Дуная славян были города, у полян: Киев, построенный князем Кием, у славян ильмерских – Новгород.

«Вот народы славянского происхождения, – прибавляет летописец: – поляне, древляне, новгородцы, полочане, дреговичи, северяне, бужаны. Вот другие, не славянские, народы, хотя они так же, как славяне, происходят от афета: чудь, меря, весь, мурома, черемисы, мордва, пермь, печора, ямь, литва, зимгола, корсь, нарова, ливь».

Удовольствуемся сими недостаточными известиями и не будем требовать от летописцев наших ничего более. Если, замечая недостаток их известий, мы будем разыскивать, откуда же явились волохи, угры белые, болгары, обры? Что значит: от скифов, то есть от хазар? Летописец предложит нам смешанные известия; ограничится иногда библейским повествованием, превратно истолкованным, иногда исторической басней, или просто скажет: пришли от Востока; пришли от стран неведомых. «Были, – повествуют летописцы, – в пустыне Эвритийской, между Востоком и Севером, двенадцать народов от рода Измаила,

сына Агари. Сами себя называли они сарины, или сарацины, утверждая, что происходят от Сарры: сие несправедливо, ибо они Агаринны потомки. Кроме сих Измаиловых сынов были еще два народа от дочерей Лотовых; сии народы суть хвалисы и булгары; последние жили по реке Волге до моря, хвалисы и ныне (в XII веке) там живут; по их имени и море называется Хвалынское; часть булгаров также ныне живет на Волге, и сею рекою можно плыть к волжским булгарам и хвалисам. Двенадцать племен Измаиловых были разбиты Гедеоном и бежали в пустыню, находящуюся за Волгою к востоку. Там восемь колен встретил Александр Македонский и, видя их, нечистых и поганых, загнал в горы Полунощного Лукоморья, задвинул горами, и только не сдвинулись горы на двенадцать локтей. Тут устроены медные врата и запаяны сунклитом, коего ни железо, ни огонь не берут. В горах живут они, прорубают горы и выйдут при конце мира. Остальные четыре народа племени Измаилова остались, и они-то суть народы, именуемые торкменами, печенегами, торками и половцами. Что касается до угров белых, сей народ начал быть при Ираклии царе, который воевал с Хозроем царем Персидским. Тогда были и обры, ходили войной на царя Ираклия и едва его не положили».

Скиф из Приднепровья. Антропологическая реконструкция М. М. Герасимова

Вот вполне все исторические и этнографические известия летописей наших о древних событиях и народах тех земель, часть которых, со времени прибытия варягов, получила название Русской земли. Это название распространилось потом, в течение нескольких веков, на обширное, вышеозначенное нами пространство, перешло за пределы его, переменялось в имя России и означает ныне наше отечество, Российское государство.

Известия наших летописцев не удовлетворяют нас, не дают нам ясных понятий. Дополним известия сии систематически расположенным историческим обозрением.

Все повествуемые летописцами дела и события суть темные предания о древних веках; все исчисляемые ими, пришедшие во времени и остававшиеся еще в XII веке народы были – или обломки многочисленных народов, двигавшихся из Азии в Европу и из одной европейской страны в другую, или остатки первобытных племен, увлеченных другими, появлявшимися после них, или новые народы, явившиеся от смешения различных племен и поколений.

Пространство земель, которое мы назвали местом действия скандинавских пришельцев IX века, то, что ныне разумеем мы под названием Европейской России, на западе примыкает к Европе; Скандинавия, Германия, Греция, три великие части Европы, из коих развивался мир Европейских обществ Древнего и Среднего времени, суть страны, примыкающие к нему Европу. С востока прилегает Азия, страна народов древнейшего образования, рассадник, из коего рука провидения пересаждала их в Европу, где суждено было им созреть и давать плод. Черное море находится на самом юге сего пространства: оно как будто разделяет два пути с юга на север: один из Европы, с Эллинского полуострова, между Средиземным и Черным морем, через Дунай; другой из Азии, через Кавказский перешеек, между Каспийским и Черным морем, через Дон. С востока Азия сближается здесь Зауральской и Заволжской равнинами: кроме пути через Кавказский перешеек, сухопутное сообщение Средней Азии с Европой здесь, через твердыни Урала и Волгу.

Юго-Западную Азию составляют Индия, Аравия, Персия и Малая Азия. В этих странах началось образование человека, его понятия гражданские, первоначальные образы гражданского общества: демократический и патриархальный, первые познания религиозные, коими падшее человечество хотело приблизиться к утраченной им истинной вере. В мифических преданиях Востока сохранилась нам память о войнах, борьбе, переворотах народов этих стран. Следствием оных были переселения в Восточную Азию и в Европу. От сего в Азии, из тунгузов и юго-западных народов азийских, образовались монгольские народы; за ними последовало образование турецких племен, занявших остальное пространство, от монголов к Каспийскому морю и к Индийским странам.

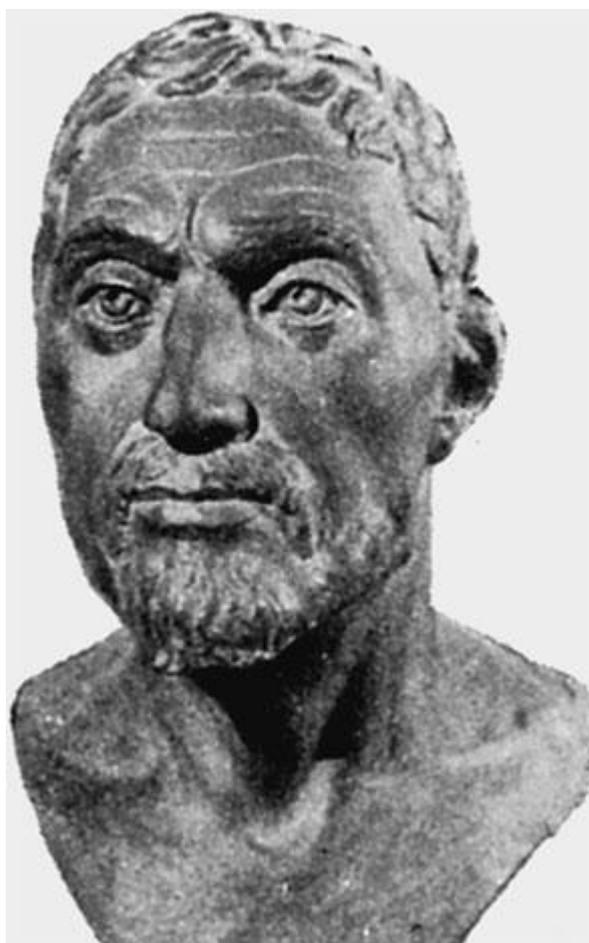
В Европу двинулись племена азийские через Кавказкий перешеек и эллинский полуостров. Сии народы известны нам под различными именованьями, как-то: под именем германцев, явно доказывающих, что они суть небольшие части племен, или каст, воинственных, убегавших из Азии. Оттого их разделения на малые общества, их народная вражда между собой, взаимное истребление, чувство личной независимости каждого человека отдельно. Более стройной толпой перешла в Европу другая азийская каста: венеды, со своим религиозным, патриархальным правлением; таково же было переселение пеласгов.

Все эти племена встречали в Европе финских аборигенов, гнали их, или соединяли с собой, и представили наконец следующее расселение в Европе: пеласги заняли эллинский, Италийский, Иберийский полуострова и Галлию. В полукруге, какой составляют сии прибрежные земли, поселились германские племена; они заняли кроме того Ютландский и Скандинавский полуострова. Восточнее германцев, в середине Европы, от Балтийского до Черного морей, расселились племена венедов. Далее к востоку от них раздвинулись племена готские, сродные германским и отделенные от родичей венедою. Финские племена повсюду были смешаны, истреблены или отеснены на север.

Тогда же двигались народы в Средней Азии, среди жестоких и сильных переворотов. Главные племена их удерживались и донныне сохранились на своих местах, но от столкновений их отражались части народов в север Азии, и сии обломки более всего были от племени саков, или турков, как народов новейших менее оседлых. Так за тунгузскими племенами, далее к северо-востоку, мы встречаем ныне племя саков; другие саки зашли в самый север;

третьи устремились в Европу из-за Волги и Урала, и, под именем скифов, расселились по Волге, Дону, Днепру и до самых венедских и готских племен.

Между тем, в течение нескольких веков, племя пеласгов под небом эллады составило народ греческий и расселилось на север Черного моря. Здесь узнало оно о существовании тамошних финских аборигенов, под именем киммериян, и ознакомилось с заменившими сии народы саками, под именем скифов. В Италии, из смешания пеласгов с аборигенами и германцами, образовался народ римский. Греция, Галлия, Британия, Иберия, Малая Азия подверглись его владычеству. Огромное расширение и последовавшее затем внутреннее разделение римлян были причиной новых движений в Европе и Азии. Германцы в Европе и племена турок в Азии первыми напали на Римские области, вдвинулись в оные, и открыли место для действий других народов Средней и Северной Европы и Средней Азии. Один за другим новые народы стали втесняться в Малую Азию, откуда через Кавказ и с Востока Азии через Урал шли в Европу. Тогда наступила эпоха, известная в летописях европейских под именем великого переселения народов, эпоха важная, конец мира древнего, начало средних времен, переход к новому миру гражданских обществ.

Славянин. Антропологическая реконструкция М. М. Герасимова

Видим, что земли от Урала до Кавказа и от Дуная до Балтийского моря были всегда местом перехода народов и смешения племен, одно за другим следовавших.

Так, скифы были покорены, смешаны, истреблены народом, двинувшимся от Урала и известным под несправедливым названием савроматов, или сарматов. Потом готы от берегов Балтийского моря явились на берегах Черного моря, уничтожили сарматов, вступили в Грецию и другие страны Европы, основали царства и преклонились пред ордами гун-

нов. Отделяясь в Средней Азии от монгольского племени, разбитого китайцами, гунны явились в Европу и исчезли в ней под мечами германцев, остальных готов и других народов. Тогда явились народы турецкого племени, ушедшие некогда на север Азии: угры и булгары. Часть их остановилась на Волге; другая пошла на Дунай и там поселилась. В Средней Азии совершался между тем новый переворот. Племена турок усилились, стеснили соседей, и орды народов, побежденных, изгнанных ими, под именем аваров, или обров, устремились в Европу: им покорились дунайские булгары, и другие предшествовавшие народы. Но мощь аваров вскоре разрушилась. С востока напали на них хазары, пришедшие из-за Волги и завоевавшие все земли до Днепра; с другой стороны – булгары дунайские, свергнув иго аваров, распространили свои завоевания, и хотя впоследствии уступили хазарам, но задунайское оседлое поселение их укрепилось и сделалось страшно для Греции.

В немногих словах мы вместили события тысячелетий, дела, бывшие задолго до Р. Х., и дела, совершившиеся в течение восьми столетий после Р. Х. Мы означили только главные черты великой картины древнего бытия народов. В историческом отношении теперь пояснились для нас предания наших летописцев. Объясним несколько подробностей.

Мы видим, что надобно различать две эпохи переселения народов из Азии в Европу: одну древнейшую, когда из Азии перешли германцы, вены, пеласги, готы, оттеснили финнов к северу и поселились в Европе. Тогда перенесены были мифы Востока, одинаково видимые в греческой мифологии, германской, скандинавской и славянской. Другая эпоха, великое переселение народов, настала, когда эллинские и италийские племена пеласгов развили первый период полной жизни общественной и привели в движение Европу и часть Азии. Сии перевороты Европы сдвинулись с переворотами, совершавшимися в Средней Азии, где сражались между собой племена монголов и турков. Там сперва одержали верх монголы и рассеяли народы турецкие; потом победили турки и рассеяли монгольские народы. От того и другого оборота дел шли в Европу толпы под предводительством Атил и Банов.

Эта вторая эпоха переселений отличалась тем, что она не была спокойным, стройным движением народов к отдельной самобытности, но казалась беспокойным движением духа, искавшего только разрушений и гибели старого порядка дел. Гунны и авары шли, завоевывали, побеждали и исчезали в поколениях старобытных.

Кроме сих главных переворотов были перевороты частные. Так, германцы долго сражались с римлянами, овладели Галлией, Италией и основали там царства; так, древле они переселились в Скандинавию и оттуда начали двигаться снова на материк Европы. Так, племена турецкие, зашедшие на север Азии, двинулись в Европу. Так, готы от берегов Балтийского моря шли к Черному морю, рассеялись в Греции, Италии, Германии, Галлии, Испании и основали царства. Обратимся к истории венецких племен: она важна для нас.

Вены, выйдя из Азии, расселились около берегов Балтийского моря, от эльбы до Немана. Сии народы отличались от германцев своим патриархальным образом правления и особенно своим религиозным образованием и теократической конституцией. Издревле видим у них следы индийского таинственного богослужения, святые места и острова. Они никогда не были народом воинственным, завоевателями других народов. Их увлекало только стремление соседей. Принужденные сопутствовать другим, вены сражались в рядах своих повелителей, иногда сражались, отделяясь от них, но всегда старались удалиться от места битв и кровопролитий. Их покоряли и водили с собою готы, гунны, авары, греки. Издревле находим разделение венецких племен на венецков собственно, антов и славян. Под сими различными именами вены встречаются в истории Европы с VI века. Наконец племена сии расторглись: часть сделалась обитателями при Дунае; другая жила на прежних местах, у Балтийского моря; третья перешла далее к востоку, на Двину и Днепр.

Это древнее переселение летописи наши означают поселением славян под именами дулебов, улучей и тиверцев на Днестре и Буге. Имея общий обзор европейской и азиатской

истории, может быть, мы лучше наших летописцев определим это переселение, сказав, что к нему должно относиться образование народов литовских или латышских, которые были не что иное, как переселившиеся венеды. Авары истребили днестровских и бужских славян. С падением аваров, когда дунайские болгары сделались независимы, славяне, удаленные от Дуная, являются оседлыми народами в разных местах. С того времени образовались государства славянские под именем: Сербии, Богемии, Моравии, Польши, и снова явились славяне на Днепре и Ильмене.

Здесь делаются ясны неверные и сбивчивые история и этнография наших летописей. Этнографическое обозрение, находящееся в летописях наших, является в стройном порядке.

Мы видели выше исчисление народов по нашим летописям; обозрим его правильно. Все эти народы делятся на четыре части: племена аборигенов, финские; племена пришельцев с запада, венедские; племена пришельцев с севера Азии, которые вообще назовем югорскими; племена пришельцев с востока, турецкие.

Надобно вспомнить, что означая народы полудикие, необразованные, нельзя говорить определительно о местах пребывания их, ибо никакого неприменяемого постоянства не было в их быте. Междоусобие, война, набеги, удобство для жизни, просто прихоть беспрерывно изменяли места пребывания народов. Объясним еще понятие о городах. Древняя образованность греков и римлян представляет нам систему городов. Тогда, собственно, не было деревень: жители, составляя муниципии, только обрабатывали земли между городами и селили на них людей, не имевших права граждан; но гражданин долженствовал жить в городе, окруженном стенами и укрепленном, где обитатели делились на стройные звания и классы. Противную систему рассеянного житья по мелким селениям представляли народы финские, германские, венедские и скандинавские в Средние времена. Их жилища были все разделены, рассеяны; каждое семейство почитало себя свободным тогда только, когда могло окружить жилище свое полем и лесом. Большая образованность и нужда сближали их жилища в безобразные кучи хижин и землянок, и эти-то сближенные кучи жилищ назывались городами, но никакого муниципия, никакого гражданства здесь не было. Каждый жил сам по себе, и только общий храм, общий холм молитвы соединял жителей.

Финские племена составляли народы, называемые летописцами: чудь, нарва, весь, мурома, меря, черемисы, мордва. Они обитали на берегах Балтийского моря, от Немана до Невы, на Белоозере, на озере Клещине или Переяславском, на Волге, и несколько далее к юго-востоку. Доныне племена их живут на сих местах, под именем чухны, черемисов, чуваш, мордвы. Другие названия исчезли; осталась память в живых урочищах: Чудском озере, реке Нарове, городе Весьегонске, городе Муроме. Обведем черту, образуемую народами финскими, и мы увидим в них как будто волну моря, отхлынувшую с юга и застывшую в течение веков. Севернее оной мы находим югорское смешение народов, известное некогда под именами ямь, сумь, лопь, пермь, печора, оставшееся в живых урочищах: области Пермской и реке Печоре, и в существующих народах, под именами пермяков, зырян, лопарей. Здесь, далее к северо-востоку, в народах от племен саков, менее смешанных с финнами и упоминаемых летописцами под именем югры и самоеди, сохранившихся в нынешних остяках, вогуличах, самоедах, койбалах, моторах, камачах, известных скандинавам под именем биармийцев, существовали племена, от которых отделились и перешли на Волгу и Дунай болгары и угры. Следуя по течению Волги, мы находим недалеко от нынешней Казани остатки города болгарского. Там обитал в IX веке волжский остаток болгарского народа.

Обращаясь снова к Балтийскому морю, подле финнов, летописец показывает нам народы: литва, зимегола, летгола, ливь, корсь, ятвяги, голяды, впоследствии образовавшие народ литовский. К ним, по мнению нашему, должно присовокупить еще следующие народы: кривичи, дреговичи, полочане. Здесь следы первобытного переселения венедов. Обратим внимание на название Белой России, в противоположность которому, юные

племена, позднейшее переселение венедов, уже под именем славян, называлось Червонною, Красною Руссией, отличаясь изменением религии, составлявшей теократизм белой страны их соплеменников. Этимологический разбор именованый заставляет нас причислить к древним венедским переселенцам радимичей и вятичей, отделившихся не от славян собственно, о чем говорят и летописцы.

Но к северу, при озере Ильмень, жили переселенцы позднейшие, собственно славяне, сим именем называвшиеся среди чуждых им древних родичей, венедов, и, вероятно, прошедшие к северу от своих собратий, которые под именами северян, полян, древлян, бужан или волынян остались на берегах Десны, Днепра, Семи, Сулы.

Восток и юго-восток от этих последних составляло Хазарское государство. Не знаем, должно ли причислить хазар к народам Северной Азии, подобно уграм и булгарам, или считать их выходцами из Средней Азии, подобно гуннам и аварам? Доказательства в пользу того и другого мнения равносильны; по крайней мере, хазары делаются нам известны с VI века, как данники гуннов, близ Каспийского моря, откуда нападали они на Персию. В VII веке, с разрушением могущества аваров, восстали дунайские булгары, и тогда хазары составили сильный народ, овладели Тавридой, распространились до Днепра, Оки и Каспийского моря, основали на Волге столицу свою, в Ателе или Балангиаре, роднились с византийскими императорами и были им грозны своим могуществом. В XI веке оставалась только тень хазарского владычества. В обширные приволжские и придонские области их вступали из-за Волги родичи угров; черные угры или магьяры. С юго-востока Средней Азии вдвигались одна за другою орды печенегов, или кангаров, и орды половцев, или команов. Эти народы кочевые ходили тогда по степям нынешней Малой России со своими кибитками и стадами; от них беспрестанно отрывались малые толпы. Мы увидим впоследствии торков (может быть, названных так по реке Торцу, при которой жили они несколько времени), берендеев, каракалпаков или черных клобуков, бродников, и другие полудикие, кочующие племена. Они являлись всюду по берегам святого Танаиса или Дона, Днепра, некогда названного Борисфеном, и вообще по степям до Тавриды и Дуная, где на берегах Черного моря в прахе лежали развалины древних греческих городов, уцелевших только в одной Тавриде; там греки, вместе с хазарами и готфами, жили на остатках царства Митридата.

Этим ограничиваем наше вводное повествование в Историю русского народа. Принимая его руководством прошедшего для будущих событий, мы знаем теперь, с кем встретились и встретятся скандинавские пришельцы, идя от Балтийского к Черному морю. Последуем за ними. Но прежде посмотрим западную границу селений литовских и славянских народов и подыдем часть таинственной завесы будущего, опустившуюся над Средней Азией.

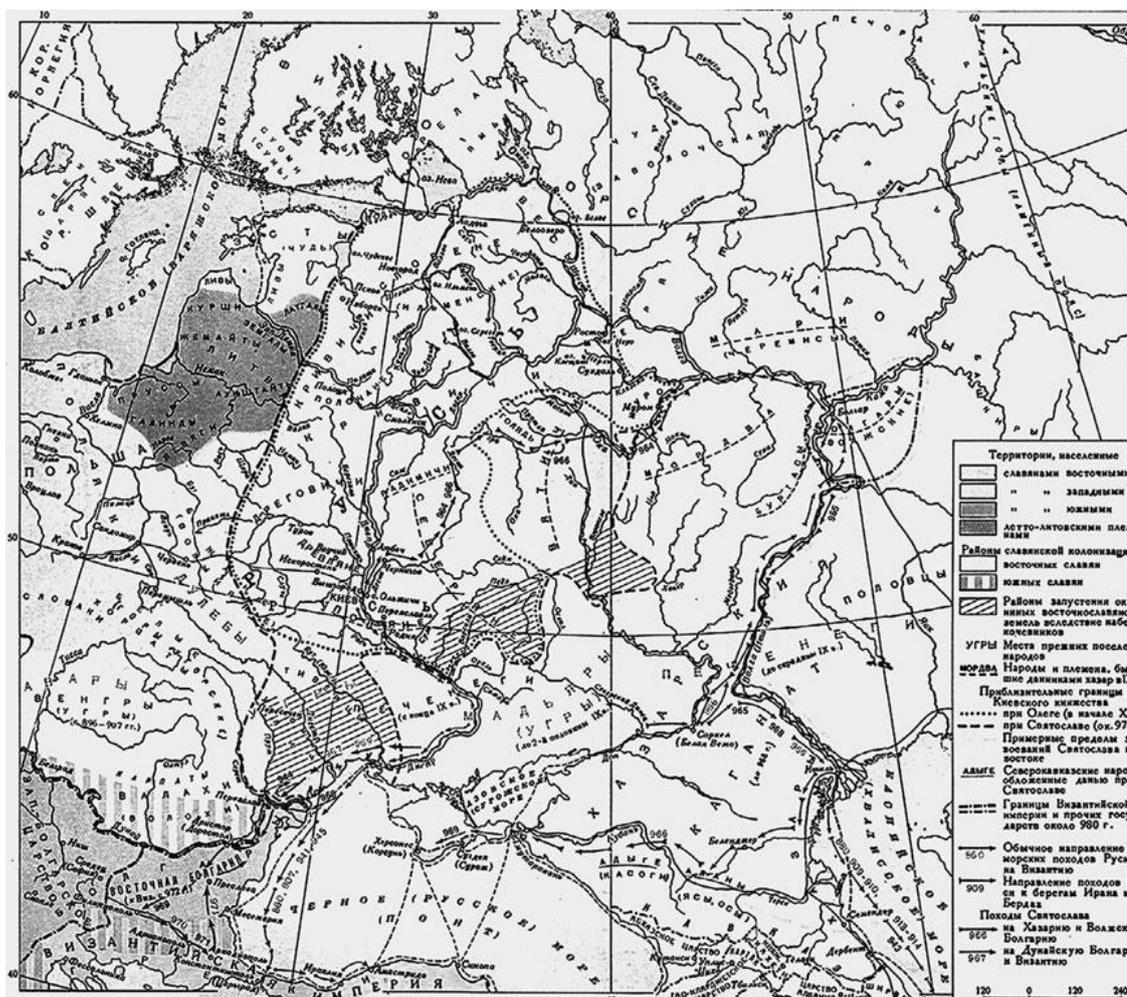
Мы видели образование Булгарского царства на Дунае. Далее к западу находилось славянское государство Сербия. К северу от нее была полудикая страна, где впоследствии образовалось государство Черных Угров или Магьяров (Венгерское). К северо-западу находились славянские государства: Моравское и Богемское. На севере от них, составляя вместе с будущим государством венгерскую границу областей Днепровских и Бужских, образовалось государство славян, именовавшееся Польским.

До начала XIII века Восток останется для нас сокрытым, как будто бы бездна разделила страны Средней и Северо-Восточной Азии от тех стран, куда Азия столько веков извергала народы, подобно горячей лаве, протекавшей от Волги до Рейна. До XIII века повествование наше будет занимать дряхлеющая империя греческая; государство Дунайских булгаров, западные славяне, соседи днепровских славян; народы, жившие оседло и кочевавшие от Днепра до Волги: хазары, ургы, печенеги, половцы, торки и другие мелкие племена. В XIII веке снова – и надолго – новые выходцы из Средней Азии, последнее извержение страшного вулкана монгольских степей и Тибетских гор, займут наше внимание. Но не будем предупре-

ждать событий. Пусть там, в отдалении, три следующих века зреют причины великих событий и остаются неизвестными нам, как неизвестны были они предкам нашим. Предложив известия наших летописей о прибытии варягов на юго-восточные берега Балтийского моря и показав недостоверность этих известий, предложим теперь полные слова летописей об обосновании варягов на этих берегах и начале русского народа, русских княжеств.

«В лето 6360 начал в Греции царствовать царь Михаил, и началось имя земли Русской». Мы знаем, что при этом царе «приходила Русь на Царьград», – как пишется в греческой летописи; этим начинаем и продолжаем летосчисление.

«С лета 6367 варяги начали приходить из-за моря и брать дань с чуди, славян, мери и кривичей. В лето 6369, эти народы не стали давать им дань, изгнали варягов и начали владеть сами собою; но между ними не было правды, началось междоусобие, и восстал род на род. Тогда сказали они сами себе: поищем князя, который владел бы нами и судил по правилам; пошли за море к Варягам – руси, сказали им: «Земля наша велика и обильна, а наряда в ней нет: идите княжить у нас и владеть нами». По этому зову избралось три брата, Рюрик, Синеус и Трувор, взяли с собою всю русь и пришли к славянам, мери и кривичам. Рюрик срубил город Ладогу и стал в ней княжить; Синеус сел княжить на Белоозере, а Трувор в Изборске. От этих варягов-русов земля начала называться Русскою. Через два года скончались Синеус и Трувор; всю власть принял один Рюрик, пришел к озеру Ильмерю и срубил город, назвав его Новый город. Тут сел он княжить, раздавая мужам своим волости и города, и велел им рубить города: одному Полоцк, другому Ростов, третьему Белоозерск; в этих городах пришельцы были варяги, а первые поселенцы в Новгороде славяне, в Полоцке кривичи, в Ростове меря, в Белоозере весь, в Муроме Мурома; всеми ими владел Рюрик».

Восточная Европа в VIII–X вв.

Мы сообщили уже сведения наши вообще о походах и завоеваниях варяжских. После этого в повествовании летописей наших об основании варягов истина событий раскрывается сама собою, при небольшом внимании.

Летописи наши положительно говорят, что пришельцы, покорившие своей власти обитателей берегов Финского залива и околележащих рек и озер, под именем Русской земли, и впоследствии раздвинувшие пределы этой земли до Черного моря, были варяги, жители Скандинавии. Мы видим известный нам образ действий и походов скандинавских в словах летописи, означающей приход их к ильмерянам, чудь, мери и кривичам; видим, что приход этих завоевателей и дань, ими наложенная, возмутили туземцев: они прекратили свои междоусобия и изгнали варягов. Но мог ли такой народ, каковы были варяги, уступить сопротивлению слабых, несогласованных между собой народов финских и славянских? Не отвергаем существования Рюрика и двух братьев его, хотя оно весьма подозрительно; верим, что эти братья могли быть призваны, что они были князья варяжские и предводили новыми толпами варягов, не теми, которые за два года были изгнаны. Места, где начали княжить эти предводители варягов, были именно такие, которые могли быть местами отправления в дальние походы: Изборск, куда Трувора привело водяное сообщение по Нарове и Чудскому озеру: чудь сделалась ему подвластной; Ладога, где сообщение по Волхову, Ильменю и Ловати делало Рюрика повелителем ильмерян и кривичей; Белоозеро, где Синеус, по Свири, Онежскому озеру, Шексне и Волге был обладателем веси, мери, муромы и других народов до самых хазар. Мы увидим впоследствии, как потянулись ладьи варяжские по Волге; как

новые варяги пришли в Полоцк по Двине; как из притона варяжского на Ильмене выплыли челны варягов в Днепр и Черное море. Хронология летописца ничего не доказывает. Мы уже объясняли, каким образом была она составлена. Верным выводом всего будет следующее: гораздо прежде 859 года варяги являлись на берегах Финского залива, налагали дани, встречали сопротивление, были изгоняемы и около 862 года только решительно укрепились в землях чуди, мери, веси и ильмерян, срубив деревянные свои городки, или крепости, подле чудских и славянских селений, на озерах Чудском, Ладожском и Белом. Тогда кончилась независимость окрестных финских и славянских народов. Смерть братьев Рюрика передала в его волю Белоозерский и Чудской городки этих двух князей. Он отправил своих правителей в бывшие места пребывания братьев и сам перешел к Ильмерю, где Новый город, им срубленный, сделался главным местом его пребывания. Сбылось то, что делали варяги в других местах. Новые пришельцы с берегов скандинавских начали собираться в притоны варяжские. Одни селились в Рюриковых городках, другие шли далее. Рюрик стал богатым владельцем, укрепился дружиною, и – здесь положено было начало первого Русского княжества.

Рюрик, Синеус и Трувор принимают послов славянских, призывающих их на княжение

Большая ошибка будет, если мы вообразим себе начало этого нового государства началом гражданского порядка, стройного гражданского общества; если мы по нынешним понятиям нашим составим себе понятие о бытии предков наших за девять столетий. Обозревая Историю русского народа, мы увидим, каким путем вело провидение к величию и славе этот

народ, избранный для великих дел и событий; но не будем дорожить тем, что ложно в основании. Дерево, возросшее веками и осенившее столь великую часть мира, будет ли унижено, если ничтожный плод, сгнивший в земле за 1000 лет, был началом его тенистых ветвей и зеленеющих листьев?

Важный вопрос останавливает нас, прежде нежели мы обозрим картину первобытного развития русского народа. Мы должны исследовать, отчего явилось имя Руси, которым названо было государство Рюрика, имя, изменившееся потом в название России.

До Рюрика не было одного имени, которым бы собирательно означаемы были народы, заселявшие полосу земель от Балтийского до Черного моря. Каждый народ, как мы видели, именовался отдельно, и славянские племена не имели общего им имени славян. Народ, от коего пришли Рюрик и его братья, были скандинавы; летописи придают им имя варягов, имя собирательное, каким означают они, как мы уже заметили, всех обитателей Скандинавии, отличая в числе других варяжских народов отдельный народ русь.

Бесполезно было бы опровергать здесь мнение тех, кто не хочет признать в варягах скандинавов. Полагаем этот вопрос решенным. Но и не сомневаясь о скандинавском происхождении пришельцев по Балтийскому морю, мы затрудняемся странным недоумением: ни имени варягов, ни имени руси не находилось в Скандинавии. Мы не знаем во всей Скандинавии страны, где была бы область Варяжская, или Русская.

Заметим прежде всего, что многие народы принимали те имена, которые даны им были другими, прежде их оседлыми или более просвещенными, и иногда собственное имя народа уступало этому, данному другими. Так, скандинавы назывались во Франции норманнами, именем, которым называли их туземцы. Что еще весьма часто производило имена, которыми называли себя дикие толпы народов? Какое-либо отличие, упражнение, занятие. Так начались имена германцев, франков, бургундцев, саксонов.

Спрашиваем, имя варягов было ли отличительным именем дружин Рюрика и его приемников? Нимало: так называли у нас вообще скандинавов. Летописи наши в половине XII века употребляли это имя, когда слово Русь было уже для них самобытным. Обращаемся к источнику наших летописей, Греции, и находим, что варягами называли в Греции всех скандинавов. Там началось имя варягов, которое никогда не принимали на себя наши предки, переняв его от греков только для обозначения северных скандинавских народов.

Каким же именем могли называть себя толпы скандинавских завоевателей, или, говоря точнее, морских разбойников, выступивших на финские берега? Никаким из имен земель или областей, на которые делилась тогда Скандинавия, ибо все эти толпы были смесью народа из разных областей. Они называли себя Русь, именем, не означавшим ни страны, ни народы.

При каждом сборе на войну в Скандинавии, когда набеги скандинавов были уже правильной системой тамошних князей и вождей, на живущих внутри земли налагалась обязанность поставлять пеших воинов, а на живущих по берегам моря гребцов и воинов в лодках: последние именовались руси и роси. Оттого весь Упландский берег, где было одно из главных морских становищ, получил название Рослагена (места сборища руссов). Везде, куда приходили и где селились скандинавы, доньше сохранились имена россов и руссов, то есть места, где существовали древние притоны морских ополчений скандинавов. Финны, на которых скандинавские руссы делали набеги, доньше называют шведов россами. Именем россов и руссов называли их и славянские поколения, как таким именем, которым сами себя называли пришельцы, которое ставили они себе за честь, как имя означавшее их звание: морские воины. Оно, казавшееся именем народа чужеземцу, было именем Рюриковых дружин и осталось именем всех потомков их. Повторяем, что Рюриковы дружины никаким другим именем не могли назвать себя. Так имя Казака сделалось именем народа.

Причиной всех других этимологических и часто затейливых догадок бывали ложные понятия о начале государств и народов. Прежде непременно историки хотели отыскать имя собственное, олицетворить его и от него выводить народ. Прежде думали, что греки должны были иметь прародителя Грека, славяне Славена, тевтоны Тевта, поляки Ляха и датчане Дана; что поколение такого первобытного человека должно было разрождаться, расселяться, строить города, основывать государства и сохранять в имени народном имя своего прародителя. Ныне мы знаем, что имена народов бывали всегда случайные, что маленькие племена разнородных людей, западавших при какой-нибудь речке, составляли первое зерно каждого народа и теряли потом память о своем происхождении. Движение других народов и первобытная каждого из них кочевая жизнь часто сбивали поколения с места, забрасывали их в стороны, заставляли соединяться с другими. Сильнейший организм одного народа поглощал вокруг себя других, как организм человека поглощает пищу, и что таким образом превосходящая сила одного племени сливала все окружавшее его в одно тело, раздвигавшее члены свои веками, и постепенно.

Узнав имена, историю и места народов, образовавших собою народ русский, мы не вполне еще знаем первобытные, основные стихии нашей Отчизны. Здесь мертвый рисунок должны оживить красками, изобразив быт коренных туземцев, и то общество, которое образовали они, соединяясь с пришедшими к ним варягами.

К сожалению, памятники наши недостаточны, и картина быта народов, покоренных варягами, через тысячу лет не может быть достаточно дополнена немногими общими сведениями. Мы должны, однако, довольствоваться тем, что находим в памятниках.

В наше обозрение не войдут финские племена. Отставая далеко от славянских племен телесным сложением, будучи диче, беднее, малочисленнее их, они вскоре были оставлены варягами без внимания. Прозябая неподвижно на местах, ими издревле занимаемых, даже и ныне финны могут ли быть считаться народом, входящим в состав гражданского нашего общества? Нимало: это волчцы и дикие травы, растущие по нивам, заселенным животворными, хлебными растениями. Но тем теснее слились скандинавские пришельцы с латышскими и славянскими племенами, долженствующими обратить на себя полное внимание наше.

Летописи наши кратко описывают права и быт славянских народов, после переселения их на Ильмень и Днепр. Они говорят нам, что из славянских поколений поляне были мирны, кротки, не терпели многоженства и были притесняемы от древлян, живших зверски в лесах, похищавших девиц полянских и евших падаль. Таковы же были, говорят летописцы, нравы радимичей, вятичей, северян и кривичей. Об ильмерянах сохранилось только одно известие, что они знали употребление бань и любили париться. Летописи прибавляют, что радимичи, вятичи и северяне собирались на игрища, где неистовое сладострастие заменяло им законные браки; что многоженство было у них позволено и что они сжигали мертвых на больших кострах, праздновали тризну, собирали кости в сосуды и выставляли их на столбах.

Этим ограничиваются все известия наших летописей. Весьма трудно дополнять эти известия сказками, какие находим в летописях, также позднейшими сведениями и оставшимися обычаями или известиями писателей европейских, знавших славян до переселения их с Дуная, и писателей восточных, описания которых чрезвычайно перепутаны. Извлекаем, однако ж, здесь все, что можно признать достовернейшим.

Тацит описывал венедов, как жителей Германии, народом кочующим, грабящим соседей, грубым, но не столь уже диким и невежественным, как финны, их восточные соседи, вытесненные из прежних жилищ своих венедами. В VI веке западные писатели описывали славян народом уже имевшим постоянные жилища, но живущим грубо, неопрятно, любящим личную независимость, словом, все еще как народ дикий, варварский, имеющий мало нужд и немного потребностей, даже в общественном устройстве и религии. Они поклоня-

лись единому богу, творцу мира и обладателю молнии, но не знали будущей жизни; молились и творили обеты в часы опасности; тогда приносили и жертвы, забывая о Боге своем, когда ничто не угрожало им опасностью.

Славяне, говорят те же писатели, великорослы, сильны, загорелы от солнца, все русые и даже рыжие. Они добродушны и не хитры; гостеприимство почитают священной обязанностью, и сосед обязан мстить за оскорбление, причиненное соседями его пришельцу, просившему гостеприимства.

Скотоводство и земледелие были уже тогда упражнением славян; снятый, обмолоченный хлеб прятали они в ямы. Кончив труд свой, славянин праздно пролеживал остальное время или обделывал свои земледельческие и рыболовные снаряды, также свое оружие: меч, щит. Славяне сражались всегда пешие, худо защищались на открытом поле, выскакивали толпами из засад и всего лучше умели побеждать хитростью. Греки боялись их скрытных нападений, ибо славяне знали средства таиться даже в реках, дыша через длинные трубки и выжидая неприятеля. К числу их оружия принадлежал лук; стрелы намазывали они смертельным ядом. Славянки делили труды, занятия и сами походы со своими мужьями. Греки часто находили на поле битв славянок, убитых подле мужей, которых не хотели они переживать, ибо вдовство считалось у них бесчестьем, и потому славянки сжигались на кострах со своими умершими мужьями.

Все сказанное здесь можем почитать сохранявшимся и между переселившимися на Ильмень и Днепр славянами. Арабы, знавшие славян уже под именем руссов в начале XI века, прибавляют нам немного к этим сведениям. Они говорят о дикости руссов, их поклонении идолам, неопрятности, которая ужасала опрятных мусульман, и с удивлением описывают, каким образом сжигались жены руссов со своими умершими мужьями.

Несмотря на отдаленность того времени, когда племена венедов могли прийти в Европу, во всем этом мы видим следы азиатского, и именно – индийского происхождения славян: обычаи и религия указывают нам на эти следы. С тем вместе и образ правления патриархальный, ведущий к единодержавию, должен был существовать у славян. По всем известиям такое правление точно у славян существовало. Переселенные в нынешнюю Россию, разделенные на несколько маленьких народов, славяне повиновались своим владетелям и не знали феодальной системы германцев и скандинавов. Летописи сохранили даже имена некоторых князей славянских, хотя мы и не можем почитать такие известия достоверными. В затруднительных случаях властитель собирал вече или совет старцев и избранных мужей, которые решали дело.

Не зная подробно первобытных гражданских установлений и законов славянских, мы также не имеем никаких памятников их увеселений, забав, песен, которыми, как говорят нам греки, славяне любили увеселять себя, играя на струнных инструментах. Некоторые из наших народных песен показывают следы древности: в них упоминается о Дунае, изображаются увеселения, игры, обычаи явно древние. Есть следы и религиозных гимнов славянских, песен заклинательных, сохранившихся более у древних славянских переселенцев, латышских племен.

Викинг. Рисунок начала XX в.

Все заставляет нас думать, что славяне были по степени образования несколько не выше скандинавских пришельцев-победителей. В противоположность скандинавам, храбрым, жадным к богатствам и добыче, жившим войною и набегами, славяне представляли нечто спокойное, кроткое и мирное. Заметим и противоположность гражданскую: славяне и скандинавы равно дорожили необузданной свободой; но первые боялись только чужого ига и повиновались своим князьям; другие не знали никакой власти над собой. Первые не дорожили постоянным местопребыванием и расселялись повсюду; вторые всегда собирались в одно место, любили оседлую жизнь, знали земледелие, привязывающее человека к земле, им обрабатываемой, и скотоводство, заставляющее всего более ценить мирное спокойствие. Две стихии столь разнородные слились в единое гражданское общество: одна, как деятельное начало духа; другая, как тяжелая вещественность. Что из этого произошло?

Скандинавия никогда не была рассадником многочисленных народов, и варяги никогда и нигде не являлись толпами многочисленными. Бесстрашные, готовые на битву и смерть, готовые и к побегу, они приезжали иногда десятками и основывали государства. Сорок человек положили начало Неаполитанским завоеваниям норманнов. Вероятно, что дружина

Рюрика и его братьев состояла из немногих; но эти немногие, закаленные в бурях и битвах, были ужасны. Таким образом объясняется образ владычества варягов повсюду.

Являясь и основываясь в небольшом числе, варяги должны были налагать иго тяжелого военного деспотизма на покорявшиеся их власти народы. Каждый варяг долженствовал быть полновластным повелителем туземца и видеть в нем безоружного раба. Но, непрерывно стремясь к набегам, варяги должны были составлять себе войско из туземцев, и их руки обращать на завоевания. Оттого избранная дружина повелителей должна была постепенно возвышать рабов своих, жаловать их отличием, и только не передавала им своего владычества, исключительно принадлежавшего варягам, которые признавали власть варяга, делавшегося властителем страны, но не получавшего над товарищами безусловного начальства и сохранявшего только прежнее значение повелителя в действии. Здесь видно существенное различие прав варяга и славянина, ему покорного.

Тогда не было ни постоянного сообщения между местами завоеваний, ни населенных стран от одного места до другого: пустыни и леса разделяли селения, заброшенные в дичи лесов, где при реках были расчищены места для кучи бедных хижин, обитаемых туземцами. Варяги строили близ таких селений свои крепости, или городки, где хранили собираемые богатства и могли защищаться от нападений новых пришельцев, или и самих покоренных ими народов, иногда восставших на своих повелителей, которые из городов разъезжали по окрестностям, пускались вдаль и обременяли владычеством покоренную страну.

Признавая власть главного конунга (имя, переменное в славянских землях на имя князя, встречаемое с древнейших времен у славян), владельцы каждого из городков, рассеянных на великом пространстве, принимали также именованья князей. Главный князь должен был требовать их совета при сборе на войну и давать им часть приобретенной добычи; договоры заключались от имени великого князя и удельных князей. Вновь приходившие дружины варягов должны были покоряться этим установлениям, и каждое новое завоевание входило, таким образом, в состав этой удельной системы. Сыновья князей делили участки отцов своих, а новые варяги, не участвуя уже в дележе земель, составляли собою род беспоместного дворянства, предводительствовавшего, повелевавшего туземцами, составлявшего вместе с тем избранную дружину каждого князя и опору власти его.

Туземцы, покорные варягам, были рабы. Право жизни и смерти принадлежало князьям, равно как имение туземца, сам он и семейство его. По приказу князя туземцы принимались за оружие и шли в поход, предводимые варягами, но по окончании похода оружие у них отбиралось и хранилось в кладовых князя.

Туземцы платили подать ежегодно, с дома или с семьи. Подать эта состояла в мехах, составлявших богатство жителей; если где находилось золото, оно принималось в подать.

Следствием такого порядка долженствовали быть торговля и появление среднего состояния из туземцев. Меха, собираемые в подать, покупаемы были славянами у варягов или от их имени возимы в пограничные места и к чужеземцам и промениваемы на другие товары, золото и серебро. Так с древних времен началась торговля в Ладого, на озере Нево, получившем имя Ладожского от этого города, вскоре сделавшегося известным у скандинавов и германцев под именем Альдеигабурга. Хазары и болгары волжские доставляли средства сбывать меха и европейские товары на Восток и обратно получать восточные товары в Северную Европу. Торговая предприимчивость открыла пути в дикую Биармию; вскоре руссы узнали путь и в самый Царьград. Богатство торгующих рабов приобретало им уважение от варягов, презиравших мирные занятия и все добывавших мечом. Купечеству славянин, приезжая с товаром в чужую землю, пользовался именем и неприкосновенностью гостя и чрез то приобретал уважение и у себя дома. Гражданские должности начали отдаваться славянам, и людины (liude, leute) стали отделяться от рабов.

Имя гостя и купца сделалось, таким образом, почетным, а право купить себе невольника вскоре отделило понятие о рабе (холоп) от понятия о свободном человеке (людине). Варяг был воин князя, и продавал ему свою услугу за деньги или уступку власти, мог носить меч, жить где хотел и делать, что ему угодно; но славянин, латыш и финн были собственно рабами, ибо не участвовали в княжеской власти. Заплатив, однако, определенную подать, они владели условно своим имуществом и богатством и, откупаясь от притеснения повелителей, пользовались собственно такою же свободой, как и варяги, властвуя над своими рабами, приобретенными за деньги.

Малочисленность варягов, неравенство прав между первыми варяжскими пришельцами и новыми выходцами из Скандинавии (ибо первые были оседлыми властителями, другие беспоместными воинами) и распространение гражданских прав между славянами сливались таким образом мало-помалу оба народа в одно политическое тело. Но эти успехи общества были медленны, и через 200 лет после Рюрика существовало еще различие даже славянских поколений между собой, не только славян и варягов.

Будучи рассеяны в малом числе, принуждены обращаться и жить со славянами, имея грубые и нетвердые понятия обо всем, кроме понятия о свободе и корысти, варяги, скорее всего, утратили свои народные отличительные черты: религию, язык и обычаи. Мы почти не видим следов скандинавской религии в немногих преданиях о мифологии первобытных руссов и думаем, что варяги приняли религию покоренных ими славян, не находя в ней большого различия: Перун заменил им Одина, и власть Волоса, бога скотов и пажитей, легко могла быть понята варягами среди славянских народов, знавших земледелие и скотоводство. Понятия о духах, живущих в глуши лесов, и духах, блюстителях жилищ, были свойственны скандинавам наравне со славянами. Разность скандинавского языка могла также исчезнуть среди славян, как и религиозные идеи скандинавов, или, лучше сказать, язык победителей должен был слиться с языком покоренных славян. Но следы разности оставались долго и дошли до нас в названиях урочищ и городов, из которых многие носили вместе славянское и варяжское имя. Язык славян, от коего видим ныне столь много отраслей, вероятно, был сохранен славянскими племенами, удалившимися в нынешнюю Россию, не в первобытной полноте его, какую находим, соотнося памятники и следы первобытности его в разных отраслях. Вероятно также, что язык славянских поколений, завоеванных руссами, уже разнился с языками их германских собратий. Полагаем, что множество двойных слов в русском языке, особенно на выражение одного предмета, введено было варягами, в то время принявшими формы языка славянского.

При дикости и грубости нравов народа покоренного и при безграничной власти покрившего законы, будучи неписаными законами, но обычаями, должны были быть просты, малосложны и грубы. Кровь за кровь, вира князю за всякое преступление, окуп, или выдача головой, составляли все уголовные законы, и все они удивительным образом служили к уравнению прав между варягами и славянами: мечу варяга славянин противопоставлял золото, и наказывая смертью дерзость варяга, откупался вирую князю, усиливая через то власть его и возвышая себя. Всего более давала средства защиты покоренным народам вира, платимая от целых вервей, или селений, и особенно дикая, или платимая в сроки. Здесь ясно стремление варяжских князей ограничить силу своих сопутников. Гражданские законы были также немногочисленны. Возвращение похищенного и вира князю; дележ наследства по равной части, взятие на князя, при известных условиях: вот почти все, чем ограничивались гражданские законы народа, которому обычаи были законом. Не зная письмен, славяне сохраняли договоры между собой и память событий мешками и знаками.

Таково было первоначальное образование государств варяжеских между славянскими народами. После громких, великолепных и подробных описаний, какие донныне предаваемые были нам, под именем исторических сведений о начале Русского государства, картина,

здесь начертанная, может показаться бледной и недостаточной, но она верна и справедлива. Чувство любви к Отечеству, уважение к славе предков, ложно смешиваемое с желанием славы и счастья отечеству в настоящее время, не должны вводить в заблуждение историка. Векам прошедшим предоставим странное честолюбие видеть граждан в варварах славянского поколения и героев в хищниках варяжских, но мы, гордясь славой настоящего, будем справедливы и уверимся, что только представляя себе события в настоящем их виде, можем видеть верный ход их, открывать причины и понимать следствия.

Мы видели Рюрика обладателем нескольких городов русских, рассеянных по жилищам славянских и финских поколений, в коих жили наместники его, – следственно, повелителем туземных народов, сделавшихся данниками и рабами варягов. Летописи передают нам известие, что Рюрик властвовал таким образом 15 лет в Новгороде и скончался не прежде 879 года. До нас не дошло никаких известий о делах его, и тем достовернее кажутся известия летописцев наших, ибо, не зная событий, они не хотели выдумывать их и рассказывать сказки о делах небывалых. Впрочем, молчание летописей объясняется образом правления, который принужден был ввести Рюрик, правления, основанного на скандинавских понятиях о слабой власти великого или главного князя над другими князьями, еще более крепкими в уделах своих отдаленностью городов, в которых они княжили. Можем полагать, что между варягами были междоусобия; что рабы их восставали на своих повелителей и что власть варягов вскоре ослабела в диких, пустынных областях Белоозера, ибо внимание варягов соединилось в главном месте обладания их – Новгороде. В то же время южные привольные страны манили к себе жадность завоевателей. Узнав лучше положение земель, где делались они оседлыми жителями, варяги вскоре могли узнать, что водяное сообщение может привести их на юг к любимому поприщу их действий – морю, новому и неизвестному, за которым найдут они землю богатую, обильную всеми благами. Варяги могли слышать о Греции и прежде, в Галлии и Германии, могли слышать и от бывавших в ней соотечественников своих; но в землях Новгородских и Полоцких, вероятно, услышали они подробнее и о золотых стенах обширного Царьграда, и о слабости его обитателей. Впрочем, варягам ли было разбирать слабость или силу врага? Немедленно по основании Рюрика в Новгороде летописи повествуют о походе варягов на юг. Но эти варяги были не Рюриковой дружины; два новых варяга делаются нам известными: Аскольд и Дир.

Рюрик мог видеть в удалении этих двух знаменитых варягов, с дружиной их, удаление двух опасных врагов. Можем полагать, что Аскольд и Дир, два вождя, пустившиеся на юг, возбуждали ненависть дружин, преданных Рюрику. Через 200 лет лишь предание говорило, что они не были ни князья, ни рода княжеского, ни даже бояре, а только соплеменники Рюрика. Греция была предметом похода Аскольда и Дира: они не покоряли себе народов на пути, и только когда ладьи их, перетащенные по сухому пути в Днепр, плыли по сей обширной реке, Аскольд и Дир, может быть, собрав более местных сведений, решили остановиться и основать поселение, в котором можно бы было им собрать силы и приготовиться к дальнейшему походу. Три года, по крайней мере, оставались они в избранном ими месте, на Днепре, пока решились идти далее.

Местом, избранным Аскольдом и Диром, был Киев. Здесь, по преданиям полян, обитателей окрестных земель, княжили некогда знаменитые славянские князья, ходившие в Царьград, коих имена сохранялись еще в наименованиях урочищ. Тогда варяги узнали новый народ, грозный уже не только именем и древней свирепостью и силой. Киевские поляне платили дань хазарам. Было поверье у полян, что власть хазар должна вскоре разрушиться. Варяги обратили дань себе, и, кажется, не встретили сопротивления со стороны хазар. Уже со всех сторон, как мы заметили выше, напирала тогда на хазар новые, дикие племена. Хакан Хазарский трепетал в волжской столице своей и сам отмежевал границу свою Доном, где

зодчие, призванные им из Греции, построили город Саркел, или Белую Вежу, для защиты от сильных соседей.

Наконец, первоначальное, смелое предположение варягов, обосновавшихся в Киеве, приведено было в исполнение. Двести челноков, собранных Аскольдом и Диром, были готовы и поплыли по Днепру. Здесь преодолели они затруднения, представляемые днепровскими порогами. Днепровский лиман вывел их на обширное, новое море. Они обращались к западу плыли мимо болгарских областей, и вскоре увидели перед собой греческие земли.

Греция представляла в эту эпоху замечательное явление. Уже давно была забыта греками слава римлян. Рим и язык римский были чужды грекам, хотя императоры Царьграда все еще гордились происхождением от Августа Цезаря и именовались римлянами. Дикие племена варваров расторгли уже древнюю империю римлян, и тщетно меч Велизария распространил на малое время владычество Юстиниана в Италии и Африке. Уже в Италии было новое, сильное царство, новая Церковь, новый первосвященник христианства; Азия, Африка отторгнуты были мечом последователей Корана, два раза приходивших под самые стены Царьграда, за толщю которых едва удержались робкие повелители Греции. Варвары, с которыми тщетно восемь веков боролись римляне и греки, уже обосновались тогда повсюду в Европе; священные границы римских областей давно исчезли, и земли Греции до самого Царьграда были увлажнены кровью варваров и греков. Настало время событий дотоле небывалых, время политики особенной. Римляне обводили свою империю неприступной границей; напротив, византийцы отдали свои обширные области варварам, чтобы укрепиться в остальных, куда переселяли они также множество варваров, приучая их к выгодам гражданской жизни и на них основывая средства защиты. Греческое войско составлено было из союзных наемников: готов, славян, франков, сражавшихся наряду с греческими воинами. Просвещение и образованность греков были в совершенном упадке: поэзия, красноречие, философия заменены были тяжелой схоластикой и теологическими спорами. Но ум и политика греков все еще далеко превосходили простодушную свирепость и дикую силу варваров. Греки имели явное преимущество над всеми варварами. Они истощали все усилия, коими хитрый ум слабого европейца торжествует над грубой, тяжелой силой дикаря. Вооружая варваров на варваров, ссоря их, посеявая между ними междоусобия, употребляя их самих на защиту, уступая в необходимости, губя в торжестве, преимуществуя в военном устройстве и обладая тайной греческого огня, ужасавшего варваров, казавшегося им небесными молниями, употребляя самое влияние христианской религии в свою пользу, Греция, при всем унижении своем, в IX веке была еще государством сильным в глазах соседей, превосходивших их в просвещении и богатым, ибо торговля и промышленность были в руках греков. Золото лилось в казнохранилища греческого императора; блеск и пышность окружали его, и великолепный, обширный Царьград с его мраморными зданиями, золотыми, муссийными стенами, многолюдством и обширностью казался городом первым во вселенной, славился за чудо во всех землях. Посланники ко двору Царьградскому, в виду коих император был поднимаем к самому потолку здания на хитроустроенном золотом троне своем, при раболепии царедворцев, при рыкании золотых львов, видели в нем нечто великое, могущественное.

Но этот великолепный повелитель двадцати девяти Фим, или областей, действительных и мнимых (ибо греческая гордость удерживала в императорском титуле области давно потерянные), был раб низких страстей, губивших остатки римского величия, страшился первого маяка, возвещавшего ему движение варварского племени, и, при всех хитростях, трепетал блеска мечей собственных подданных, не только чужеземцев. Уже более 200 лет ни один добродетельный, великий государь не входил на престол Царьградский. Десять царствований, начиная от кончины Ираклия, представляют или ничтожных владык, или суеверов, занятых ересями церковными, или – чудовищ, приводящих в омерзение свою память. Царствование императора Михаила (с 842 года) напомнило грекам неистовства Юстиниана-

нов, Гелиогабалов и Неронов. Предаваясь распутству, бегая по городу с шутами, одетыми в священнические ризы; приказав даже сломать вестовые башни, уведомлявшие о движениях варваров, Михаил с ужасом услышал о появлении врага, до того времени неслыханного.

Греки знали болгар, аваров, дунайских славян, аравитян; но имя руссов в первый раз поразило их слух. С ужасом слышали они, что руссы приплыли с севера, в челноках, по морю: явление новое и неслыханное, ибо греки ожидали врагов или сухим путем от Дуная или из Азии. В Царьграде говорили, что руссы суть скифы, жители горы Тавра, и ужасались, слыша, что они опустошили уже острова Мраморного моря: Плаший, Ятр, Теревинф, откуда бывший там в ссылке патриарх Игнатий едва успел спастись бегством. Бесчеловечная жестокость руссов и жадность к грабежу показывают нам и цель и образ похода их. Михаила не было в то время в Царьграде: ему вздумалось воевать в Азии. Епарх Царьградский поспешно отправил к нему вест, и державный воитель, прискакав к Царьградскому проливу, увидел зарева в окрестностях столицы. Русские лодки покрывали пролив, и Михаил едва мог пробраться в Царьград. Судя по прежним опытам, греки могли предполагать, что видимые им варвары суть только предшественники врагов многочисленных; думали, что так же, как за первыми отрядами готов, аваров, аравитян, за руссами идут тысячи судов; думали, что Царьград будет осажден, и – народ, унылый, трепещущий за свою участь, ужаснул Михаила: тиран всегда бывает малодушен и бессердечен! Забыв свое кощунство над религией, он шёл в торжественном ходе, какой решился сделать патриарх Фотий в церковь Влахернской Богоматери. Там целую ночь со слезами молились император, патриарх и народ, ожидая чуда к спасению. Между тем совершенная тишина предвещала бурю, и ужасная буря восстала; легкие ладьи руссов были разбиты, потоплены; все гибло. Аскольд и Дир спаслись, но, вероятно, остатки их спутников были столь малочисленны, что они помышляли только о возвращении в Киев, а не о продолжении грабежей. Греки думали видеть чудо в крушении русских лодок, и летописцы греческие приписывали сие чудо ризе Богоматери, хранившейся во Влахернской церкви. Патриарх Фотий торжественно вынес святую ризу, говорят они, погрузил в море, буря зашумела по волнам и погубила ладьи безбожных руссов.

Следствия этого похода были важны. Аскольд и Дир возвратились в Киев и не предпринимали более походов в Грецию: это кажется несогласно с характером варягов, но рассматривая события, мы находим причины. Вероятно, дружины Аскольда и Диры были весьма невелики, и те погибли под Царьградом; новые дружины скандинавских выходцев должны были идти через владения северных руссов, где неприязнь и умысел на гибель южного русского владения уже таились, и месть явная была удерживаема, может быть, только старостью Рюрика. Слабость сил Аскольда и Диры открываем в том, что летописи не говорят нам ни о каких новых предприятиях этих двух отважных варягов: окрестные, ближайшие к Киеву народы оставались независимыми до самой смерти Аскольда и Диры (в 882 г.). Между тем в Греции дела приняли совсем новый оборот. Безумный, развратный Михаил был зарезан одним из вельмож своих и любимцев, Василием Македоняниным, в 867 году. Василий вступил на престол и благоразумно, деятельно царствовал девятнадцать лет. Не будучи государем воинственным, он умел держать в страхе варваров, ладить с ними и ссорить их. Руссы приходили к Царьграду не для побед, не думали завоевывать Грецию: они хотели добыч и золота. Василий предложил им то и другое; завел с Киевом сношения дружеские; умел высказать в глазах их свои союзные дружины варягов; хорошо узнал новых врагов Греции, и вскоре находим киевских руссов на службе у греческих императоров, осыпавших пришельцев из Киева почестями и золотом. Множество воинов из Руси устремилось служить в Грецию, где, стоя с секирами окрест императорского престола, они гордились своим званием, ходили в торжественных поездах перед императором и пели похвалы ему на скандинавском языке. Славяне, рабы варягов, могли дорожить тем более щедростью Василия, что его самого почитали славянином. Можем полагать, что варягов награждали даже почетными знаками,

цепями, медалями, на которых были славянские надписи: находка одной из таких медалей в наше время, в Чернигове, украшенной славянской надписью и, вероятно, занесенной на Русь варягом, выходцем из Греции, оправдывает это предположение.

Служение варягов в Греции вело к торговле. Меха, невольники, медь и воск были товарами, которые стали возить в Грецию гости русские, вывозя оттуда золотые и шелковые ткани, золото и серебро. Вероятно, греческая торговля была монополией варяжских князей и дружин, ибо гости, отправлявшиеся в Грецию, должны были иметь особенные серебряные печати (знаки). Она была прибыльна руссам. Собирая от диких славян дань и получая драгоценные меха и невольников за дешевую цену, руссы меняли их в Царьграде, преодолевая затруднения далекого пути, днепровские пороги и опасное плавание около берегов Черного моря. Более знакомясь с Грецией, руссы видели опасность нападения на Царьград, при малочисленности сил своих, видели, что сами греки не думают нападать на них, и хотя знали хитрость, обманчивость греков и даже ввели в пословицу греческую лесть, царьградское золото ручалось им, что и с хитрым греком можно ужиться дружески.

Новое, важное событие служило к сближению греков и руссов. Еще при Михаиле (вероятно, в последнее время его царствования) явилось в Царьграде посольство от одного из западных славянских государей, моравского князя; он просил проповедника христианской веры, и греки стремились исполнить прошение моравов. Патриарх Царьградский радовался умножению своей паствы и тому, что нечаянный случай дает ему торжество над ненавистным соперником, патриархом или Папою Римским, ибо тогда уже более 50 лет прошло, как Латинская церковь отделилась от Греческой. В распоряжениях Царьградского двора и патриарха, по случаю посольства моравского князя, видим политику мудрую, и по действиям узнаем умного, ученого Фотия и благоразумного Василия, бывшего любимцем и соправителем Михаила. Они решились избрать проповедника, знающего славянский язык и который мог бы изъяснить славянам Священное писание на их природном языке, переводя оное с греческого. Таким образом, святое учение могло скорее проникнуть в умы и сердца, нежели проповедь римских миссионеров, являвшихся с непонятным для славян латинским языком. Окрест Селуня, родины Василия, жило множество славян сербского поколения, и жители Селуня хорошо знали язык сих поселенцев. Монахи Кирилл и брат его Мефодий, уроженцы Селуня, мужи ученые и мудрые, отправлены были в Моравию. Еще в Царьграде начали они перевод Евангелия и увидели необходимость, для выражения звуков славянского языка, прибавить к греческой азбуке несколько букв, упростив начертания других. Событие важное, ибо здесь начало славянской азбуки и церковнославянского языка, который, будучи в основании древним сербским, для выражения великих таинств и велелепия библейского языка преобразен был по греческим формам. Разумеется, что такой язык не мог быть совершенно понятен всем славянам, говорившим уже отдельными наречиями, но он был для них вразумителен, и книги Св. писания приводили в восторг славян, были приняты и в Булгарии, где жители, потеряв уже свой первобытный язык, говорили испорченным славянским наречием. Там, с 867 года, решительно была введена христианская вера; царь болгарский, вельможи и народ приняли святое крещение и отличались благочестием, усердием и старанием просветиться знаниями греков.

Такие счастливые успехи внушили грекам мысль укоротить и необузданную свирепость руссов христианской верой. Может быть, спутники Аскольда и Дира первыми наставлены были в истинах христианской веры, которые могли быть им переданы на церковнославянском языке, изобретенном Кириллом и Мефодием. Сей язык мог быть им понятен тем более, что, вероятно, не одни варяги, знакомые уже впрочем со славянским языком, но и рабы их, славянского поколения, были в числе воинов Аскольда и Дира. Со времени похода киевских руссов в Грецию, то есть с 866 года, можем достоверно полагать первое начало христианской веры в русских землях. Она не могла распространяться быстро; но число христиан

в Киеве умножалось непрерывно, так что через семьдесят лет в Киеве была уже церковь Св. Илии-пророка. В самом наименовании сего святого храма, видим те средства, кои действовали, между прочим, на убеждение скандинавских язычников принять закон христианский: они не могли постигать вполне высоких таинств христианской веры, но не затруднились принять ее догматы. Понятие об Одине, перенесенное ими к Перуну, понятие о Волосе, боге скотоводства и пажитей, заимствованное ими от славян, варяги перенесли к понятиям о громоносном пророке Илие и святом Власии, который доньше почитается у нас в простонародии покровителем скотоводства. Не можем сказать решительно: имели ли киевские христиане книги Священного писания, переведенные Кириллом и Мефодием, но вероятность сего находим большую; в непродолжительном времени руссы заключали уже договоры с греками на славянском языке. Все ведет к тому предположению, что познание христианской веры ввело у киевлян употребление славянских письмен и оказало новое благоденствие этим полудиким народам. Греки понимали важность события; крещение нескольких руссов было поводом грамоты патриарха Царьградского, которою торжественно возвещено всем епископам обращение руссов, как дело великое и знаменитое, и патриарх не замедлил вписать Русь в число епископств своей паствы.

Русская Митрополия считалась 61-ю по Уставу императора Льва (886–911) (Шлецер, т. III, 99 и след.).

Успехи просвещения и образованности развиваются тихо; но соображая все, можем видеть причины миролюбия киевского княжения варягов. На север не проникал еще ни один луч с юга. Там, в первобытной скандинавской дикости, отделенные от Киевского княжества варварскими племенами славян, скапливались, более киевских грозные, силы варягов. Аскольд и Дир, вероятно, не хотели признавать над собою власти князя новгородского, хотя находим предания, что торговля производилась в Грецию через Киев и из Новгорода. Новгородские руссы готовили месть руссам Киева, и вскоре месть эта разлилась в набеге и убийстве.

Рюрик скончался в 879 году, как мы упомянули выше; здесь новый период владычества варягов в славянских землях.

Глава 2. Завоевание Киева новгородскими руссами

Рюрик оставил малолетнего сына Игоря и передал княжество свое Олегу, товарищу, может быть, родственнику своему. Не можем согласиться с теми, кто видит в Олеге только опекуна Игореву и временного правителя государства. С большей основательностью можем полагать, что Олег принял вполне наследие Рюрика и был до самой смерти своей князем самовластным.

По делам своим он является истинным варягом: дикий, необузданный никакими препятствиями, смелый до безрассудства. Все изменилось, когда Олег принял княжение. Через три года он оставил Новгород, и – навсегда. Он спешил завладеть киевским княжением руссов и, вероятно, хотел испытать счастья в походе по морю, которое называлось уже Русским, по имени грозных выходцев из Скандинавии, в первый раз огласивших берега Греции неслыханным дотоле именем руссов. Более двух лет прошло, однако ж, пока ладьи Олеговы явились под Киевом. В это время Олег, вероятно, собирал толпы варягов из-за моря, соединял новгородцев, кривичей, чудские народы и постепенно овладел Смоленском и Любечем.

Но он не их искал, двигался далее и наконец явился под Киевом. Достопамятное овладение сим местом оставило столь сильное впечатление в памяти современников, что они передали его нам подробно.

Аскольд и Дир не могли не знать о распространении новгородских собратий своих до Смоленска и Любеча; но, кажется, они не ожидали скорой гибели, приготовляемой им Олегом. Может быть, Олег льстил им дружбою, иначе нельзя изъяснить миролюбивого легковерия опытных, испытанных бурями и битвами киевских князей. Множество ладей Олеговых шло по Днепру; он остановил их, приплыл под Киев с немногими, скрыл воинов в ладьях и послал к Аскольду и Диру известить, что приплыл гость, идущий в Грецию послом от князя Олега и княжича Игоря и желает видеться с ними, своими родичами. Аскольд и Дир спешили на свидание; тогда открылась измена. Воины Олеговы выбежали из ладей, и перед Аскольдом и Диром явился сам грозный Олег: он нес на руках своего младенца Игоря. «Вы не князь и не рода княжеского! – воскликнул он. – Князь и вот сын Рюрика!» Сии слова гремели определением смертным. Аскольд и Дир были зарезаны и воины Олеговы понесли тела их в Киев. Летописи сохранили память о месте погребения первых властителей Киева. Аскольд похоронен был на горе, где впоследствии стояли вежи угров и киевлянин Олма имел дом, воздвигнув церковь, во имя Чудотворца Николая, на самой могиле Аскольда; подле Дириной могилы построена была, по введению христианской веры, церковь Св. Ирины.

Олег вошел в Киев, торжествуя убийство как победу. Дружины сопровождали его, и киевляне признали власть Олега. Новейшие историки называют пятном Олеговой славы кровавый поступок его с Аскольдом и Диром, видя в нем измену и хищение. Современники не так смотрели на действия Олега, и нам нельзя судить по нашему образу мыслей о делах человека, жившего за девять столетий, иначе думавшего, бывшего в обстоятельствах нам неизвестных. Варяг, искавший добычи с мечом в руках и переплывавший моря для грабежа и разорения земель чуждых, не может быть обвиняем как гражданин устроенного общества. Не будем представлять себе Олега тем, чем он не был: героем по нашему образу мыслей. Отвага, смелость, храбрость, жадность к покорению народов, не для блага и счастья их, но для добычи, для власти: таковы были свойства и дела варяжских завоевателей. В сем случае всякие средства казались им позволительными. Олег, убийца храбрых киевских владельцев, виновнее ли грабителя невинных обитателей Греции? Если удача извиняла средства для современников, то характер Олега не пятнается смертью Аскольда и Дири.

Олег хорошо знал выгоды, заставившие его идти на юг и перенести место пребывания своего из болот и лесов новгородских на Днепре под благорастворенное небо юга, отколе

волны обширного Днепра вели его в Грецию. В Киеве учредил Олег главный городок русских княжений.

Здесь видим первое отделение Новгорода от непосредственной власти русских князей. Удаление Олега отнимало средства собирать на Севере дань по своей воле. Дикие пустыни и леса отделили Киев от Новгорода, еще более от Изборска и Белоозера, главных мест Рюриковых владений. Тогда установлена была ежегодная дань, которую обязан был вносить Новгород. Летописи называют Олега владельцем полян и других трех народов, покоренных им уже из Киева, и в то же время говорят, что Олег только установил дани славянам, кривичам и мери: ясное различие. Мы знаем уже, что под именем славян разумел летописец новгородских жителей; летописи прибавляют, что Новгороду определено было платить варягам для поддержания мира 300 гривен серебра ежегодно. Не можем изъяснить сей дани иначе, как только тем, что новгородцы получили тогда первые основания своей независимости, заключили договор и обязались платить Олегу 300 гривен за себя, Чудские, Белоозерские и Изборские области, над которыми получили особенную власть, без посредства Олеговых наместников. Увидим впоследствии, что Олег не взял окладов в Греции на Новгород, Белоозерск и Изборск. Находим в числе городов окладных Ростов, бывший в земле мери, но здесь могло быть новое сообщение, уже из Киева; впрочем, Ростов мог и не войти в союз Новгородский, заключавший в себя другие Рюриковы владения. Олегу остались подвластными князья варяжские, бывшие в Полоцке; но и сей город впоследствии находим под властью варяжского князя совершенно отдельного.

Прибытие князя Олега в Киев

Следовательно, все действия Олеговы ограничились Киевом и его окрестностями. Русский Север предан был особой судьбе. По обеим сторонам Днепра обитали славянские племена, не признававшие власти руссов. Олег, еще до прихода в Киев, покорил уже кривичей и отчасти северян. На другой год после смерти Аскольда и Дира видим Олега в походе на древлян, самый дикий и, вероятно, сильнейший других народ. Пятьдесят лет спустя после

похода на них Олега древляне все еще восставали против киевских владетелей и после совершенного своего покорения составили одно из значительных удельных княжеств. Покорение древлян могло убедить других в силе Олега; он вступил в дремучие древлянские леса; война была жестокая; измученные древляне согласились наконец платить Олегу дань драгоценными кунными шкурами. Но они управлялись сами собою и имели своих славянских князей.

В два следующих года Олег посылал за требованием дани к остальным северянам. Они были данники хазаров. Олег объявил им, что он враг хазарам, и удовольствовался данью легкой. Летописи называют сие дело Олега победою над северянами; кажется, побеждать было некого, и варяги не любили легкой дани с побежденных. На следующий год радимичи, жители берегов Сожи, добровольно согласились платить Олегу то, что платили хазарам: по шлягу. Безмолвно слышали о делах его хазары.

Здесь прерывается повествование летописцев, и до 906 года мы не видим никаких действий Олега. Что делал он в эти одиннадцать лет? Что удерживало его от похода в Грецию?

Летописи говорят только о войне Олега с суличами, славянским племенем, обитателями берегов Сулы, относя к тому же времени построение городов: вероятно, Чернигова (в земле северян) и Переяславля, в 60 верстах от Киева, на реке Трубеже. В 903 году, Олег избрал супругу Игорю, Ольгу, из Пскова: событие замечательное по доблестям этой знаменитой женщины. Игорь считался княжичем и оставался под властью Олега.

Но события весьма важные могли отвлекать внимание и меч Олега в те годы. Мы говорили уже о движении орд азийских от Каспийского моря и Дона. Половцы, или команы, теснили хазаров и двигали перед собою печенегов (кангаров или касахов). Постепенно печенежские вежи шли в нынешнюю Малороссию, отнимая владения у хазаров и тесня перед собою народы турецкого происхождения, выступившие сюда с берегов северной Волги. Последние принуждены были удаляться к Кавказу и к Днепру, и вскоре один из них, угры или магьяры, народ многочисленный, пошел далее на запад. Гонимые другими, угры стали на время в пределах владений южных руссов, и вежи их в 896 году явились под Киевом. Появление народа сильного, дикого могло подвергнуть опасности киевского князя, и пребывание угров под Киевом сохранилось до поздних времен в названии места, где стояли вежи их, проименованного с того времени Угорским. Не знаем, как мог удержаться Олег в своих городках и дружески ли расстался он с уграми. Но они вскоре оставили киевскую область и устремились на берега Дуная. Угры были основателями государства Венгерского. Их переход на берега Дуная объясняется последствиями и походом Олеговым в Грецию. Здесь душой всех действий были греки. Они видели в уграх новое средство поражать других неприятелей и звали их на Дунай: оставив днепровские берега, угры шли на запад и остановились между Булгарией, Богемией и Польшей.

Когда эта туча, грозившая Олегу, рассеялась, для него настало время событий важнейших. Через немного лет после прошествия угров мимо Киева Олег готов был к походу под Царьград. Необходимо здесь обозреть события Греческой Истории с 866 года.

Император Василий скончался в 886 году. Из четырех сыновей его старший, Константин, умер еще при жизни отца. Младший, Стефан, отказался от почестей Двора для монастырской кельи и был впоследствии Царьградским патриархом. Два средних сына, Лев и Александр, вместе возведены были на престол. Александр напомнил Царьграду злодейства и безумие Михаила своими делами; Лев один управлял государством. Современники наименовали Льва философом, потому что он был воспитан ученым патриархом Фотием, любил схоластику, богословские споры, астрологию и написал даже книгу предсказаний. Унизив себя незаконным браком, проводя жизнь в кругу низких льстецов, Лев не ознаменовал своего царствования ни мужеством, ни мудростью. Опасный, деятельный враг восстал в то время в Булгарии: Симеон, наследник царя Богориса, побежденного Василием. Булгары, уже издавна христиане, были в тесных сношениях с греками. Симеон воспитывался в Афи-

нах, учился аристотелевой логике и читал Демосфена в подлиннике. Назначенный к жизни монастырской, он наперекор судьбе вступил на болгарский престол, любил просвещение и желал побед. Сорок лет царствования его были ознаменованы силой болгарского царства, которое пало с его смертью и утратило свою знаменитость. Симеон привел на память грекам ужасную смерть императора Никифора, погибшего в странах болгарских. Греки радовались, успев выставить против него орды угров, явившиеся тогда с берегов Днепра; но Симеон, разбитый в одном сражении, рассеял угров в другой битве, опустошил Сербию и, на берегах Ахелоя разбив греческие войска, заставил трепетать Царьград.

В это время и Олег мог быть побужден Симеоном к войне против греков; по крайней мере, мог надеяться на успех, поддерживаемый болгарской силой. Так два отважных врага стали грозить Царьграду с суши и с моря: Симеон и Олег.

Счастливым походом Олега под Царьград был прославлен современниками. Они передали его нам в поэтическом изображении. Поэмы скальдов, может быть, сопровождавших Олега к Царьграду, явно внесены в наши летописи: они показывают нам понятия и образ мыслей тогдашних руссов.

Летописи говорят о сборах Олега, как о сборах нового Агамемнона. Им надо было исчислить его воинов, и они повторяют имена народов, которые не были подвластны Олегу и даже тех, которые не могли быть подвластны: варягов, славян, чудь, кривичей, мерю, древлян, радимичей, полян, северян, вятичей, хорватов, дулебов, тиверцев; 2000 тысячи кораблей, говорят они, шло по Днепру, и в каждом было по 40 человек. Кроме 80 000 воинов морских шло берегом конное войско. Олег подступил под Царьград и опустошил окрестности. Гавань царьградская замкнута была цепью. Олег вытащил корабли свои на берег, сделал под них колеса, распустил паруса, и ветер покатило корабли его по сухому пути.

Ужасая греков, он наделал бумажных, позолоченных змеев, коней, людей и пустил их по воздуху. Испуганные греки просили мира, и выслали съестных припасов и вина: все это было отравлено; Олег увидел ухищрения и отверг подарки. Тогда греки говорили, что это не русский князь Олег, но св. Димитрий Селунский послан от Бога, выслали просить помилования и согласились на тяжкую дань: по 12 гривен на человека (следовательно, за один флот заплатили 960 000 гривен, не считая данного на сухопутное войско); кроме того, дали оклады на города, где княжили подвластные Олегу русские князья. Тогда отправились с обеих сторон послы, был утвержден мир клятвами, и Олег повесил свой щит на воротах Царьграда. Возвращаясь с торжеством, он велел на русские корабли поставить паруса из шелковых тканей, на славянские корабли паруса полотняные; но ветер разодрал те и другие, и славяне сказали, что им лучше приняться за прежние холстинные. В Киеве, видя возвращение Олега, богатства, им привезенные, золото, паволоки, овощи, вина, всякие узорочья, празднуя победу, дивясь мудрости Олега, народ называл его: Вещий Олег.

Оставим вымыслы поэзии, и удовольствуемся вероятной истиной. Взор наблюдателя может отыскивать темные следы ее в самих сказках.

Олегов поход остался преимущественно в памяти потомков, может быть, потому — заметим это отношение — что это был первый набег северных руссов и единственный удачный поход руссов на Царьград. Аскольд и Дир возвратились, побежденные бурей; Игорь — побежденный греческим огнем; поход Святослава начат был совсем в других обстоятельствах и был уже не морской скандинавский поход, но сухопутный и несчастный набег на Булгарию. Походы Владимира и Ярослава совершенно отделяются от первоначальных русских набегов. Тогда все же изменилось. От этого древний поход Олега, счастливый и смелый, воспламенял воображение руссов.

Но точно ли совершил Олег этот поход? Сомнение весьма основательное, ибо греческие летописи ничего не говорят об этом. Здесь нужно заметить, что История Византийская сначала и до половины IX века весьма неполна, и потому что в дошедших до нас визан-

тийских памятниках не находим похода Олега, мы не имеем права отвергать сказание летописца, который не мог выдумывать происшествия, совершившегося только за сто лет до него, и рассказ его тем достовернее, что летописец передает нам его со всеми сказочными прибавками. Мы не можем отвергать достоверности договора Олега, заключенного в 914 году. Этот первый письменный памятник нашей истории мог быть заключен только вследствие ужаса, наведенного на греков; а что же другое, кроме меча варягов, могло возбудить этот ужас?

Но число флота Олега и исчисление народов с ним бывших явно выдуманы и увеличены. Не корабли большие, но лодки мог провести Олег чрез Днепровские пороги, и Константин Порфирородный рассказывает нам подробно, как составлялся флот киевских руссов. Кривичи, суличи и другие славяне рубили деревья, выдалбливали из них челны и сплавляли их весной в Киев, где руссы приделывали к ним весла и уключины из старых лодок. В апреле месяце можно было плыть Днепром. Проехав с трудом три днепровских порога, руссы тащили свои лодки по сухому берегу, мимо Неясытского порога. На острове Св. Григория руссы приносили жертву за благополучный переезд, гадали по своим стрелам и, держась северо-западного, а от Дуная западного берега Черного моря, приплывали в Мезимврию, а оттуда в Царьград. Олег не мог пробраться с огромными кораблями по Днепру; следовательно, подобно Аскольду и Диру, он шел в ладьях. Число: 2000, увеличено вдесятеро против Аскольда и Диры; увидим впоследствии, что Игорь пойдет на Грецию с 10 000 лодок: эти десятки подозрительны.

Исчисление народов, бывших с Олегом, неверно. С ним могли быть только пришельцы варяги, киевские руссы, древляне, радимичи, северяне, кривичи полоцкие и, может быть, ростовская меря: видим, что Олег требовал окладов только на Киев, Чернигов, Переяславль, Полоцк, Любеч (и Ростов; впрочем, посланников от Олега было пятеро). Мы упомянули уже об отделении Новгородской области, положившей начало своей республиканской свободе. Там был свой мир действий.

Сухопутных войск Олег не мог иметь с собой: где могли пройти его дружины? Не чрез Булгарию, по крайней мере, а другого пути нет. И где притом мог собрать войско многочисленное обладатель киевского и других четырех или пяти городков и стольких же небольших народов?

Таким образом Олег, может быть, с двумя сотнями лодок явился под Царьград. И не думая о завоевании города – повторим слова летописи: творил, что обыкновенно ратники творят. Так, обыкновенным казался летописателю ужасный образ тогдашней войны, среди кровавых событий XII века, половецких набегов и междоусобий, следовавших после каждой победы. Олеговы руссы убивали, мучили, рубили, расстреливали людей, жгли здания и дома. Император Лев, написавший книгу о военной тактике, не смел выступить против неприятелей, только перегородил столичную гавань цепью, некогда спасающую Царьград от аравитян, и выслал послов договариваться с Олегом. Олег потребовал окупа, по 12 гривен на ладью, и особую дань на пять или на шесть городов, ему подвластных. Греки согласились; Олеговы послы Карл, Фарлоф, Веремид, Рулав и Стемид объявили дальнейшие условия: Олег заключает мир и отступает от Царьграда, соглашается возобновить прежнюю дружбу и торговлю; но уславливается в том, что послы, которых будет он присылать в Грецию, могут брать посольского сколько им угодно. Напротив, «гости, или торговцы, имеют право требовать месячины, но не более как на шесть месяцев». Кроме того, руссы хотели, чтобы каждому руссу дозволялось в Царьграде свободное употребление бань, необходимой потребности их, и чтобы при возвращении в Русь греки давали, если будут надобны руссам, якоря, паруса, снасти и запас в дорогу. Условия народов полудиких, на которые греки согласились, включив со своей стороны разные предосторожности от руссов, своевольных и не привыкших к гражданскому порядку!

Олег прибывает щит на врата Константинополя

«Руссы, пришедшие не послами, и не для торговли, не имеют права требовать ни посольского, ни месячины». Это условие понятно, когда мы вспомним, что варяги приходили служить в Грецию и что многие скандинавы, искатели приключений, бродили тогда из страны в страну. Вероятно, тогда же положено было, чтобы послы русские приносили с собой золотые печати, а гости – серебряные (условие греков с булгарами), ибо без этого нельзя было отличить ни тех, ни других от бродячих варягов. «Руссы не должны приставать прямо к Царьграду, они должны останавливаться за городской стеной, в селении Св. Маманта, и князь руссов строго запретит им всякое насилие и буйство. По приходу руссов греческие чиновники переписывают их и выдают месячину, сперва киевлянам, потом черниговцам и переяславцам, если пришельцы окажутся гости. Руссам позволяется входить в город в известные ворота, под присмотром особого пристава, не более 50 человек вдруг и без оружия. При соблюдении всех этих условий руссам позволяется торговать сколько угодно и без всякой пошлины».

Как ярко отражается здесь X век, нравы, обычаи руссов и политика греков! Рассмотрите договор Олега и вы поймете тогдашнее состояние и Киева, и Царьграда.

Олег благополучно и с добычей возвратился в Киев. Он провел остальные шесть лет своей старости в тишине; по крайней мере, не находим никаких известий о войнах и набегах его. Договор, вероятно, словесный, заключенный под Царьградом, был утвержден клятвами со всех сторон: греки клялись Евангелием; Олег и воины его Перуном, Волосом и – оружием своим. Но прошло несколько лет, и время могло показать опущенные подробности. Греки хотели утвердить письменно договор свой. Послы Олеговы явились тогда в Царьград.

Сей допотопный договор, первый, драгоценный письменный памятник Русской Истории, сохранился для потомства и вполне вписан в наши летописи. Он составлен был на славянском языке, известном грекам, имевшим письмена для выражения слов, и, вероятно, входившим в общее употребление между варягами.

Мы находим прежних послов Олеговых: Карла, Фарлафа, Веремида, Рулава, Стемида и, кроме того, семь человек, называвшихся (если только некоторые из их семи имен не должно почитать прилагательными) Гуды, Руальд, Карн, Фрелав, Руар, Актутруан, Лидульфост. Договор написан был киноварью, в двух списках, от имени Олега, который назван великим князем, от имени светлых князей, под рукою его сущих, и бояр; со стороны греков от имени царей Льва, Александра и Константина (Порфирородного, который в детских летах был коронован отцом своим, Львом, и двадцать лет составлял тень властителя, будучи под опекой сначала матери, потом дяди, наконец дерзкого хищника Романа). После взаимных обещаний следуют условия:

1. Всякая вина доказывается свидетельствами; в противном случае ответчик дает присягу по своей вере; за ложную присягу следует наказание.

2. Убийство наказывается смертью убийцы, или убийца платит законную плату; но жена его не лишается своей части имения. Бежавший убийца остается под судом и по сыске отвечает жизнью или именем.

3. За ударение мечом или чем-либо другим виноватый платит пять литр серебра по закону русскому. В случае неимущества он должен отдать сколько может, все, даже платье свое, а в остальном, недостающем, приводится к присяге, клянясь, что ему нечем заплатить и что никто платить за него не хочет.

4. Вор, пойманный в воровстве и сопротивляющийся, может быть убит без ответа, и хозяин берет украденное им. Если вор добровольно даст себя поймать, он должен возвратить втрое больше украденного.

5. Захвативший чужое под видом обыска платит втрое.

6. Руссы, увидев ладью греческую, ветром изверженную на чужую землю, должны проводить ее в Грецию и в случае бури и других препятствий помочь греческим гребцам; но если это случится близ земли русской, руссы обязаны довести ее к себе, продать товар, и когда пойдут торговать или посольством в Грецию, обязаны отдать там все вырученное. За убийство бывших на ладье и за кражу с нее отвечают руссы, как выше сказано.

7. Пленник, проданный в рабство, возвращается взаимно, с отдачей купившему его того, что тот заплатил, или по известной цене невольников, 20 золотых номисмов или солидов. Захваченный на войне грек или русс возвращается в свою сторону со взносом этой же цены. Но пришедшие охотою служить царю греческому имеют волю остаться в Греции без всякой платы руссам.

8. Раб украденный, убежавший или по принуждению проданный, если подтвердит жалобу русса, своего хозяина, возвращается. Если гость русский утратит каким-либо из вышеозначенных образов раба своего и принесет жалобу, то может искать и взять своего раба. Недопустивший до обыска считается виноватым.

9. Кто из служащих в Греции руссов умрет, не распорядившись имением, и ближних его в Греции не будет, то имение его отсылается к дальним родственникам в Русь. При сделанном завещании исполняют, как распорядено в нем, и если бы распоряжение передавало во владение чье-либо и то имение, которое находится в Руси, оно должно быть доставлено.

10. Преступники убежавшие возвращаются взаимно.

Этот договор показывает нам часть законов, существовавших в Руси, и служит пояснением грубых, немногосложных прав того времени. Кровь за кровь, или плата за убийство; плата в случае побоев; право наследства и распоряжения собственностью; законы о воровстве и обыске; присяга в случае недостатка свидетельств; возвращение втрое больше похищенного составляют всю сущность законоположений. Замечательны: цена невольников; позволение служить в Греции; условие возвращать беглых преступников и выгоды, какие имели руссы при договоре против греков.

Олег скончался в 911 году, княжив 33 года. Если он был спутник Рюрика, то он скончался в преклонной старости. Память его была драгоценна руссам, видевшим в нем истинного князя, смелого, храброго, предприимчивого. Поход его в Грецию украшен был поэзией вымысла народного, и самая смерть представлена в сказке, основанной на таинственном предсказании. Современники во всем видели оправдание имени Вещего и долго помнили Олегову могилу на горе Щековице.

Совсем не таков, кажется, был в их глазах сын Рюрика, наследовавший княжение Киевское. Он не имел никакой власти при Олеге, не участвовал в походе Царьградском, оставаясь в Киеве, и даже не был упомянут в Олеговом договоре с греками. Игорь принял правление в летах опытности, но никогда не был муж опыта, составлявшего в древние времена мудрость человека. Олег умел воодушевлять, соединять народы, ему подвластные; Игорь, слабый, сидевший в Киеве, не водил сам дружин своих на брань. Еще одно обстоятельство замечаем в темных сказаниях летописей.

Человек слабый попадает под власть других, сильнее его характером; властитель слабый всего скорее повинуется воле вельмож своих и женщин. Игоря окружали варяги, мужественные, сильные властью; мы знаем Ольгу, супругу его, и предполагаем, что могла она делать при жизни Игоря. Нам еще является варяг замечательный: Свенельд, полководец Игоревых войск, сильный властью, какую приобрел он над Игорем, ставший потом воспитателем, спутником Святослава и несчастной причиной братоубийства между детьми его.

Двадцать девять лет княжения Игорева, при управлении дел Ольгой и Свенельдом, произвели важные перемены в образе управления и в порядке дел. Крепкая рука Олега держала под властью его дружину и вождей. Рука Игоря не была столь сильна, и Свенельд является властителем дружин воинских. Но, имея сильную мощь над воинством, он не мог удержать гражданского могущества Ольги. Находим еще новые лица при Игоре: племянников его, Улеба и Якуна. Не знаем, где они княжили, ибо, вероятно, что они были князьями особых уделов. Таким образом, варяжская аристократия, отчасти задушенная Олегом, ожила при Игоре, и Свенельд не мог не уступать ей. Власть Ольги была столь важна, что имя ее вносилось в договоры киевского князя с чужеземными народами, может быть, и потому, что она владела особенным княжеством и могла требовать участия в даях, собираемых киевским князем с народов, ему подвластных. Не это ли произвело особенный удел и супруге племянника Игорева, Улеба?

Другое обстоятельство ведет к новой догадке. Ум Ольги мог постигнуть величие христианской веры, мог понять и важность ее в гражданском быту общества, как учения, смягчающего нравы. Не можем предположить, чтобы Ольга вдруг убеждена была к торжественному Святому крещению, какое совершила она через 10 лет после смерти Игоря. Вероятно, что постепенно узнавала она истины христианского учения и не могла решиться на торжественное обращение при жизни супруга. Она опасалась, может быть, утратить важное влияние свое на дела государственные, если бы оставила господствующую религию, которую держали князья и дружины их, и если бы взяла сторону такой религии, которая, проповедуя смирение и кроткие добродетели, решительно противоположна была вере и мнениям воителей скандинавского происхождения, чьи отцы за сто лет разбойничали на морях и были ужасными христианству. Увидим впоследствии, что отвечал Олег, сын ее, через двадцать лет: он стыдился быть осмеянным дружиной, униженным в глазах ее, сделавшись христианином. Но Ольга оказывала втайне покровительство киевским христианам, в числе которых были многие варяги, презиравшие мнение товарищей. Христиане так усилились в Киеве, что отправляли уже публичное богослужение и построили церковь Св. Илии, о которой упомянуто было выше; им позволялось свободно следовать своим религиозным мнениям и, в случае присяги, совершать клятву по христианскому закону. Может быть, Ольга имела также и

политические причины покровительствовать христианам, ибо в них могла видеть сильную опору своей власти.

Смерть Олега. Олег, по предсказанию волхвов, умирает от ужаления змеи, гнездящейся в черепе любимого его коня

При самом начале Игорева княжения два славянских поколения, не скоро уступившие Олегу, но потом в течение тридцати лет ставшие покорными мечу его, дикие древляне и суличи, отреклись платить дань. Игорь сам пошел на древлян и принудил их платить дань снова; но Свенельд был с ним в походе; здесь оказалась сила его, ибо Игорь оставил себе и дружине только прежнюю Олегову дань и дал Свенельду право собирать с древлян дань особенную, чем оскорбились другие дружины. Свенельд отправился после этого в страну суличей; война с ними продолжалась три года; более всего останавливала Свенельда осада Пересечена, города суличей, но сила решила спор; утомленные суличи согласились на платеж дани, и эта дань отдана была Свенельду.

Великий князь киевский Игорь Рюрикович Старый. Титулярник. XVII в.

В это время узнаем отдельные походы руссов по Волге. Спросив позволение хазарского хакана, руссы пускались в лодках, выплывали в Каспийское море, грабили и разоряли берега Ирака, Табаристана, Азербайджана; возвращаясь, давали часть добычи хазарам и увозили к себе остальное. Преувеличенные рассказы восточных писателей и поэтов показывают нам успехи и неудачи руссов на Каспийском море. Кто были эти руссы? Жители Ростова или новгородцы?

Двадцать девять лет Игорева княжения свершилось, но, кроме усмирения древлян и сулицей, ничем не ознаменовал он себя в глазах современников. Сношения с Грецией продолжались: руссы служили в греческом войске, и даже иногда ладьи их увеличивали собой греческий флот. Но с умножением торговых и военных сношений умножались и беспорядки. Своевольные руссы не хотели уважать договора, требовали лишнего и не исполняли условий. Может быть, и расстроенное, смешенное положение Греции давало им больше смелости. После смерти императора Льва, брат его Александр принял правление, но немного более года царствовал и умер от распутства. Малолетний Константин, сын Льва объявлен был единодержавцем, под опекою своей матери Зои и семи избранных вельмож. Вскоре двое

вельмож, Лев Фока, полководец сухопутных войск, и Роман Лакапин, начальник флота и тайный любовник императрицы Зои, оспорили власть всех других опекунов. Мы видели уже подвиги Симеона, героя болгарского. Он продолжал сражаться с греками, теряя и выигрывая битвы, отражая венгров и другие народы, возбуждаемые на него греками. Случайное торжество над Симеоном дало средства Роману победить соперников; оставя неприятелей, он спешил от берегов Дуная к Царьграду и объявлен был единственным опекуном юного Константина. Но честолюбивый Роман еще не был доволен. Мать императора схватили, заперли в монастырь и постригли. Роман, обвинив Константина с дочерью своей Еленой, не хотел его лишить ни жизни, ни престола, но короновался сам и возвел на престол трех сынов своих: Христофора, Стефана и Константина. Греки с удивлением видели пять императоров вместе и законного императора последним из них. Любя учение, Константин писал книги о правлении государством, а Роман правил делами, доказывая неумение свое. Симеон явился под Царьградом, предписал мир, взял золота, получил титул императора – предмет честолюбивых своих желаний – и удалился с победой. Роман умолял его о мире как грозного царя, и говорил с ним, обернув голову ризой Богоматери, которую взял из Влахернской церкви. Он боялся меча Симеонова, не надеясь на стальной шлем, бывший у него на голове сверх чудесной ризы.

Все это могло возбуждать дикое своеволие руссов. Являлось множество причин к раздорам. Греки не соглашались продавать им самых драгоценных тканей, не желая варваров сравнивать с собою великолепием одежды. Руссы оставались зимовать в Греции и требовали месячины, другие назывались послами и требовали подарков. Грекам казалась слишком великой и сама цена невольников, приводимых в Грецию. Наказание преступивших условия, по разности законов, затрудняло с обеих сторон: руссы казнили у себя греков и не давали удовлетворения. Сношения руссов с обитателями Тавриды открыли новые несогласия. Там обитали хазары, готы и греки. Может быть, сражаясь с другими, руссы нападали и на греков; кроме того, оставались они зимовать в устье Днепра и грабили херсонцев, отправлявшихся в эти места на рыбную ловлю. Статьи обо всем этом находим включенными в договор, какой принуждены были заключить руссы после войны с греками, и можем полагать, что ссоры, по-видимому, останавливавшие торговлю и сношения, были начаты руссами.

Игорь не мог идти по следам Аскольда и Олега; но люди, окружавшие Игоря, были еще те же, с которыми Олег ходил под Царьград; новая война льстила их непобедимой склонности: ходить в дань и приобретать золото железом. За всем тем поход Игоря совершен в последнее время его княжения. Не новые ли соседи останавливали до того времени руссов?

Эти соседи были орды печенегов. Они выдвинулись наконец к берегам Черного моря, заселили приморье, заочевали все земли от Дона до Дуная; вытеснили угров в нынешнюю Венгрию, воевали с булгарами и греками, нанимались в походы и, окружив днепровское устье, раздвинувшись до самых порогов Днепра, препятствовали плаванию руссов, которые должны были сражаться с ними, идя в Грецию и возвращаясь оттуда. Кочуя в своих кибитках, зная только скотоводство и грабеж, печенеги казались варварами руссам, но вместе с тем были и опасными врагами, ибо, с отвагой обитателей азийской степи переплывая на своих легких конях и кожах через реки, они побеждали неприятелей столько же боем, сколько и бегством. Летописи говорят, что еще в 914 году были печенеги под Киевом. Кажется, что с ними дело кончилось тогда миром, но с тех пор печенеги беспрерывно являются то врагами, то союзниками руссов и всегда опасными и гибельными, в войне и в мире.

В 941 году Игорь собрал наконец свои дружины и повел ладьи руссов в Царьград. Этот поход, событие совершенно достоверное, описан греческими, западными и даже восточными писателями. Мы имеем возможность поверить сказаниям наших летописцев.

Летописцы наши сознаются в Игорева не удаче, но рассказывают поход его, изменяя события. Вот что можно почесть истиной: Игорь собрал варягов-пришлецов и киевскую дру-

жину. Он принял в союзники и печенегов, так что все войско его составляло 10 000 человек. Приплыв в своих ладьях к Босфорскому проливу, воины его принялись за грабеж и разорение окрестностей Царьграда. Император Роман, предуведомленный булгарами, не знал, что делать и от страха не спал несколько ночей, ибо греческий флот находился тогда в походе и войск поблизости не было. Наконец успели вооружить несколько старых кораблей, и протовестиарий Феофан, устроив на них машины для мешания греческого огня, вышел против руссов. Руссы надеялись на победу и хотели взять греков живых; но совершенное безветрие дало Феофану средства распорядить метание огня. Огненные потоки полились на руссов; ладьи их горели, тонули; ужаснувшиеся руссы думали, что небесные молнии пожигают их, бросались в воду и погибали, спешили на берег и попадались в руки греков. Часть русских ладей бежала к азиатскому берегу; руссы вышли на Пафлагонское приморье и начали опустошать окрестные страны, мстя убийством и пожарами. Но греческие полководцы уже собрали войско; Феофан явился опять с текучим своим огнем, и – гибель руссов была на этот раз неизбежна. Немногие ладьи их спаслись и бежали в Киев. Множество пленных приведено было в Царьград; повелитель Царьграда хотел над ними показать свое мужество: их всех казнили по велению Романа.

Летописцы наши говорят, что с Игорем было под Царьградом 10 000 ладей и что, прибежав в Киев, Игорь не думал унывать от неудачи, но снова собрал бесчисленное множество кораблей, покрыл ими море, нанял печенегов и устроил сильное сухопутное воинство. Испуганный Роман прислал просить у него мира и соглашался дать ему дань больше Олеговой. Игорь собрал свою дружину, думал и просил совета. «Чего же нам боле? – отвечали ему. – Без битвы золото, серебро и паволоки? Кто знает, чья еще будет победа? И кто советен с морем? Мы не по земле ходим к Царьграду, но по бездне моря». Тогда Игорь согласился на мир, взял дань и пришел в Киев.

Вся эта сказка оказывается невероятною. На следующий год Игорь отправил своих послов в Царьград и заключил с греками новый договор. Этот любопытный памятник вполне сохранился в наших летописях.

Договор был заключен со стороны греков от имени императоров Романа, Стефана и Константина (Христофор уже скончался). Со стороны руссов, от имени самого Игоря, Святослава – сына Игорева, княгини Ольги, племянников Игоревых, Улеба и Якуна, Сфандры, жены Улебова, многих русских князей, поименно; кроме того названо 23 посла от купцов и бирюч русский.

Подтверждая условия Олега о житье руссов за стенами Царьграда, в селении Св. Маманта, и впуске в Царьград по 50 человек, в известные ворота, с приставом, руссы дают волю приставу решать все споры. Кроме подтверждения прежней статьи о плате за нанесенную рану, руссы во всем ограничили себя.

Определено: посылать гостей и послов с грамотами от русского князя. Пришедших без грамоты греки имеют право задержать, а при сопротивлении умертвить. Руссы обязываются не покупать тканей дороже 50 золотых монет и не зимовать ни в Греции, ни в устье Днепра; за украденную вещь положено платить только вдвое, а не втрое; за невольников, приведенных руссами, получать не по 20 златых, но по разбору: за юношу и девицу добрую 10, среднего человека 8, старика и дитя 5 золотых; напротив, руссы платят грекам без разбора за всякого 10 золотых, или цену, объявленную хозяином под присягой. Преступников греческих руссы не должны наказывать, но обязаны отсылать в Грецию для суда и казни. Кроме того, руссы обязались не воевать в Херсонской стороне, не мешать рыболовству херсонцев в Днепровском устье и не пускать дунайских булгаров воевать в Херсонской стране; наконец, по требованию греческого императора давать вспомогательное войско.

Князь Игорь и тяжкая кончина его

Так не договариваются люди, которые могли еще устрашать неприятеля. Договор утвержден был клятвами: варяги-христиане клялись мезтью Бога, судом и погибелью в этот век и в будущий; варяги-язычники: не иметь помощи от бога Перуна, не ушититься щитами своими, быть посеченными мечами своими, погнбнуть от стрел и оружия своего и быть рабами в этот век и в будущий.

Греческие послы явились в Киев и требовали присяги. Игорь, князья, бояре и дружина вышли на холм, где стоял истукан Перун, положили на землю свои щиты, обнаженные мечи, кольца, золото и произнесли клятву, держа хартию договора: «Кто преступит написанное в этой хартии, да будет умерщвлен своим оружием и проклят от Перуна; обещаю хранить любовь правую, да не разрушится она, пока солнце сияет и мир стоит, в этот век и в будущий». Варяги-христиане присягали в церкви Св. Илии. Игорь одарил греческих послов мехами, невольниками и воском.

Итак, поход руссов принес им только стыд и поражение. Он решительно уничтожил морские набеги руссов, увидевших, что всегда встретят они непреодолимые препятствия в покушениях на Царьград. Дружина Игорева была нага и боса, по выражению летописцев. Она жаловалась и с негодованием указывала на дружину Свенельда, богатую и хорошо вооруженную; требовала, чтобы Игорь шел в дань. Престарелый князь отправился к древлянам, покорным, но, может быть, богатым более других. Дань обыкновенная была уже взята от них с излишком. Игорь требовал новой дани; дружина Игорева грабила, кроме того. Древляне платили, терпели. Но едва оставил Игорь землю древлян, как ему показалось все им собранное недостаточным. Он отпустил войско, решась походить еще по земле древлянской. Приведенные в отчаяние древляне выслали к нему послов, говоря: «Зачем опять идешь к нам? Ты взял уже дань». Игорь думал, что древлянская область не Царьград, и поздно увидел ошибку. Древляне напали на него, убили его спутников; несчастный Игорь привязан был к

двум согнутым деревьям и разорван. Высокий холм около Коростеня, древлянского города, означил могилу его.

Известие о смерти Игоря не испугало Киева. Отчаяние древлян не могло иметь важных последствий; им готовилось мщение ужасное. Но прежде всего устроилось правление. Свенельд не хотел или не мог быть князем, ни даже опекуном Святослава, бывшего еще юношей, но имевшего неоспоримое право на Киевское княжество. Власть его мудрой матери была так велика, что Свенельд уступил ей, может быть, и потому, что Ольга умела предупредить всякое начинание злодейства и что при ее правлении не могли вступаться в дела другие варяжские князья. Варяг Асмунд назначен был дядькой Святослава; Свенельд повелевал воинскими дружинами; Ольга правила княжеством.

Она не хотела бесполезных завоеваний. Тридцать лет правления Игоря ослабили связь между русскими владениями. Вероятно, что тогда усилились удельные князья, смирявшие скандинавскую свою гордость и требования при Олеге, мужественном и отважном. Обстоятельства изменились. Уже восемьдесят с лишним лет прошло с того времени, как варяги поселились в Новгороде, и более шестидесяти со времени основания их в Киеве. Было уже поколение руссов, не пришельцев из-за моря, но туземцев, варягов и славян: оба народа уже смешались; образовывалось если не Отечество, то, по крайней мере, родина. Толпы варягов, приходивших из-за моря в Новгород и Киев, остававшихся тут или проходивших далее, в Царьград, уже казались чужеземцами руссам. Нравы смягчались с изменениями различия народов, и руссы киевские отвыкали постепенно от образа мыслей, нравов, обычаев, поверий варяжских. Приходы новых варягов становились беспрестанно менее, ибо и в самой родине их, Скандинавии, постепенно учреждались тогда государства, стремившиеся к самобытности и гражданскому порядку. Русь представляла уже не дикую страну, но области, защищенные оружием, и хотя грубыми, но твердыми общественными постановлениями. Такое состояние Русской земли, останавливая предприятия варягов, представляло этих странствователей в глазах руссов бродягами; неудачи покушений на Царьград и поселения печенегов на Днепре, отнявшие средства к морским набегам, ясно показывали руссам, что жизнь варяжская уже не годится для них. На западе от них образовались также гражданские общества, грозившие им не слабым сопротивлением диких небольших племен, но замыслами нападений сильных, требовавших теснейшей связи народной, большей крепости общественных сил. Ольга видела, понимала все это, и десять лет ее опекунства ознаменованы были подвигами, едва замеченными в летописях, не ознаменованными ни кровопролитием, ни нападениями на чужие земли, но важными и великими, ибо, когда Святослав вступил в управление руссами, он нашел совсем другое расположение общественных связей и дел против существовавшего при отце его.

Великая княгиня Ольга. Фреска Архангельского собора Московского Кремля

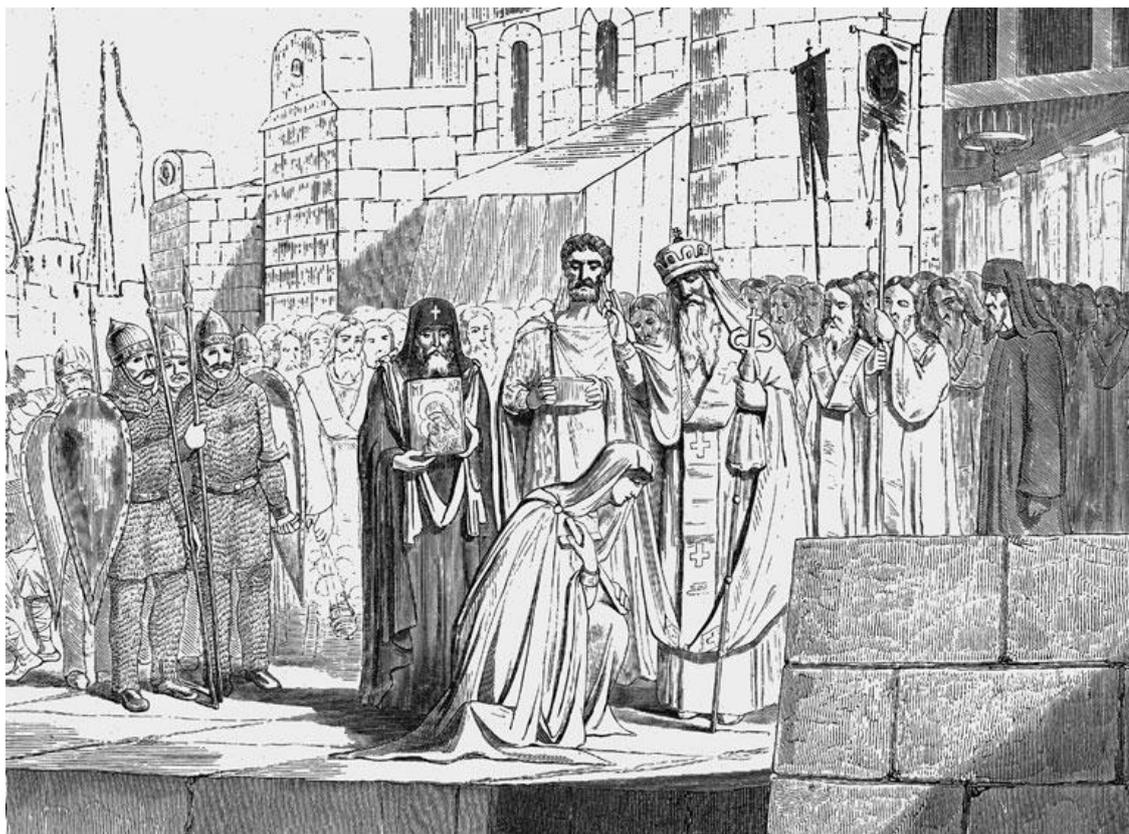
Предание, украсившее вымыслами поэзии брани и победы первобытных руссов, превратило в басню мщение Ольги древлянам. Из всего рассказа летописей можем извлечь только одно: древляне своим отчаянным сопротивлением заставили Ольгу мстить им ужасным образом. Олег и Игорь завоевали древлянскую землю, брали дань, но оставляли ей отдельную самобытность. Древляне имели своих князей. Ольга покорила древлян и сделала землю их Киевской областью, учредила свой суд и расправу (свои уставы и уроки). Древлянский князь погиб, и таким образом область древлян сделалась важным подкреплением силы Киевского княжества.

Сношения с Грецией ознакомили руссов с верой, законами и государственными постановлениями Греции. Здесь руссы хорошо узнали новый, неизвестный им дотоле образ правления, льстивший честолюбию владетеля и гражданам дававший более уверенности в благоденствии, нежели феодальная, военная система варягов. Власть, соединенная в особе одного государя, у коего все жители послушных ему областей подданные, а не участники в правлении, не разрушители его гражданского и военного могущества, возвышала славян, уничтожала аристократию варягов и уравнивала дружины княжеские с другими гражданами. Взаимная польза вела, следовательно, к одной цели и властителя, и народ. Здесь начало нового

образа правления на Руси, и Ольга успешно предприняла и продолжала его. Ей хотелось укрепить Киев и северные области Руси союзом более прочным. Мы заметили уже отделение Новгорода при Олеге, и потом, в течение шестидесяти лет, не видели никакого близкого отношения Новгорода к Киеву, кроме условной дани. В эти шестьдесят лет Новгород положил начало республиканской форме своего правления и своему посадничеству, между тем как киевские князья покоряли окрестности Киева. Наконец, между Киевом и Новгородом было столь мало гражданских отношений, что новгородцы почти не считали себя подвластными Киеву. Ольга видела опасность такого положения дел, расторгавшего владения руссов, и, подкрепляемая сильной дружиной, могла предложить Новгороду покорность более значительную. По усмирении древлян Ольга мирно отправилась в Новгород. Летописи говорят, что она установила погосты, оброки и дани по рекам Мсте и Луге. Устав Ярослава, через пятьдесят лет после Ольги составленный, поясняет это сказание. Находим, что вся новгородская область разделена была на восемь областей, занимая пространство от Онеги до Чудского озера и от Ладоги до Волги. В числе этих областей поименованы: Лужская и Яжелбицкая. Следовательно, Ольга, не мешая уставам Новгорода, определила только яснее области, и права и обязанности новгородских граждан к Киеву, бывая сама в Изборской, или Псковской, и в Новгородской областях, таким образом соединяя теснее Киев, Древлянскую область и Новгород. Но она не увеличила дани новгородской. Полоцкое владение тогда отделялось совершенно от Киева; Чернигов и область суличей были крепки Киеву; Вышгород считался собственным поместьем Ольги. Ничего не знаем о Ростове и Муроме; но, кажется, и эти отдаленные городки принадлежали Киевскому княжеству. Новая система правления проникла, следственно, повсюду, скрепляя части в единое целое.

Предание не сохранило нам других уставов и учреждений Ольги, стремившихся к укреплению сил русского княжества и единодержавию. Нам неизвестны дела ее до 955 года. Святослав стал уже юношей мужественным и крепким, и Ольга, передавая сыну дружины, предводимые опытным Свенельдом, вероятно, уступала ему постепенно и всю княжескую власть, сама приближаясь к летам преклонным и желая успокоения в старости.

Тогда решила она исполнить намерение, издавна таившееся в душе ее: принять торжественно христианский закон. Хотела ли Ольга путешествием своим в Царьград придать более важности своему обращению и действовать чрез то на умы подданных, полагая, что тогда впечатление сильнее проникнет в сердца язычников, или греки хотели придать более значения своему влиянию на Русь, хотели видеть мать русского князя в чертогах императора и в самом обращении ее сыскать новое средство для своей политики? Не знаем, но, вероятно, то и другое было причиной путешествия Ольги; последнее, впрочем, более правдоподобно. Ольга могла знать характер Святослава: гордый, непреклонный, суровый, и тщетно было ей надеяться укротить нрав сына великолепием, величием обряда. Напротив, в летописях германских находим известие о посольстве Ольги к императору Отгону с требованием священника и можем видеть, что политические виды папы и Царьградского патриарха устремлялись тогда внимательно на Русь и деятельно сражались между собой. Отгон отправил духовную особу в Киев, но поздно: Ольга была уже тогда в Царьграде, где ласковый прием двора показывает нам, что греки искали дружеского расположения Ольги.

Царьградский патриарх благословляет кн. Ольгу на возвратный путь в Киев

Константин Порфирородный царствовал уже с сыном своим; он сам описал нам прием Ольги в Царьграде. Роскошный Феофилакт, сын Романа, гордый, сластолюбивый вельможа (который имел в конюшнях своих 2000 лошадей и кормил их миндалем и шафраном), был тогда патриархом и совершал обряд крещения. Император был крестным отцом. С благоговением принимая Святое крещение, Ольга получила имя Елены, может быть, надеясь быть тем же для русских, чем была царица Елена для Византии: благовестницей святой веры. Надежды ее не сбылись.

Кажется, что по прибытии Ольги в Царьград вышли некоторые недоразумения и споры в обрядах, и она принуждена была несколько времени оставаться в царьградской гавани, оскорбляясь поступками греков. Варяжская кровь еще не застывала в ее жилах. Обряды царьградского двора огорчали Ольгу, но они казались важнее всех политических отношений грекам, как, обыкновенно, кажутся они важны, когда истинная сила и величие престола падают. Впрочем, император принял Ольгу дружески и чествовал ее как княгиню Руси. Сопровождаемая русскими послами, русскими купцами и вельможами греческими, она торжественно посетила императора, беседовала с ним, была проведена от него к императрице, обедала с императорским семейством, но сидела за столом с придворными; свита ее и все руссы должны были кланяться до земли, и сама Ольга поклонилась императору. Подарки, поднесенные ей и руссам, были ничтожны. На другой день состоялся обед у императрицы, и Ольга сидела с нею и невесткою императора, супругой Романа, соправителя престола, за одним столом. Можем думать, что она требовала этой почести, оскорбленная тем, что прежде заставили ее сидеть в ряду с подданными греческого императора. Летописи наши прибавляют рассказы к путешествию Ольги в Царьград, говорят, что император влюбился в нее, хотел на ней жениться и что Ольга умела перехитрить (переключать) его. «Владыко! – говорила Ольга, благословляемая патриархом при возвращении в Киев. – Сын мой и люди мои – поклонники идолов: моли, да соблюдет меня Бог от всякого зла!» Она возвратилась в Киев

и отвечала на требование греков, напоминавших ей обещание прислать подарки и войско в помощь грекам: «Пусть царь ваш постоит у меня столько же на Почайне (речка в Киеве), сколько я стояла в Царьградской гавани; тогда пришлю обещанное».

Глава 3. Руссы-завоеватели. Борьба с Грецией. Соединение русских княжеств при Владимире

С тех пор старость и благочестивые занятия отвлекали Ольгу от управления русским княжеством. Святослав, надежда руссов, возмужал и был любим дружиною, сравнивавшей его с легким леопардом. Он не препятствовал престарелой матери своей принять закон христианский, не препятствовал никому следовать ее примеру, но сам не внимал ее советам и увещаниям. «Предать ли мне себя на посмешище дружине моей?» – говорил он с досадою, когда мать вещала ему об истинах христианской веры. Напрасно Ольга, зная народ, говорила, что все последуют его примеру. Ей надо было умолкнуть, поручить воле Бога спасение сына и только молиться за него и Русь, еще дикую и не православную. Приученный к оружию Свенельдом и руководимый этим вождем воинских дружин, Святослав хотел действовать и не мог терпеть праздного мира. Он был воин уже русского рода: не знал моря и первый начал воевать на земле. Дед его покорил только Новгород, отец – окрестные места около Киева; Святослав хотел большего. Воспитанный сурово, он не возил с собой съестных припасов, котлов и шатров: спал на войлоке, подложка седло под голову, пек на углях конину или мясо убитого им зверя и ел в кругу своих воинов, следовавших примеру князя. «Иду на вас!» – посылал он сказать в ту страну, куда шел с войском, не боясь приготовлений неприятеля. Греки, узнавшие его на Дунае, говорят, что он был среднего роста; голубые глаза, плоский нос показывали в нем потомка варягов, а толстая шея, широкие плечи и стройный стан – крепость его и силу. Голова была у него обрита, и только впереди оставлен был один локон волос; борода также была обрита; густые, длинные, висячие усы покрывали верхнюю губу; вид его был мрачен и дик; таковы были и жизнь и дела его.

На берегах Оки, в лесах, и ныне еще мрачных и дремучих, обитало поколение славян, производившее себя от праотца Вятка, будто бы передавшего имя свое потомкам, называвшимся вятичами. Радимичи почитались их родичами, но легко согласились платить Олегу дань, которую прежде давали хазарам. Вятичи признавали себя данниками хазаров, но не покорялись руссам, как радимичи. Святослав внес оружие на землю вятичей. Они поддались силе его оружия, но еще не признали власти Киева. Тогда Святослав начал гораздо важнейший поход: он вступил и землю самих хазаров. Олег уже не страшился этой падающей державы и объявлял себя врагом хазаров. Он покорял уже славянские народы, платившие дань хазарам. Теперь, когда печенеги заняли хазарские области на юге, греки теснили хазаров в Тавриде, а половцы на Волге, Святослав напал на их донские волости. Сам хазарский хакан выступил против него; но битва жестокая и упорная была выиграна руссами; город хазарский Саркел, или Белая вежа, был взят, разорен и разрушен навсегда. Тень хазарского государства оставалась некоторое время на Волге и в Тавриде. Вскоре увидим совершенное падение таврических хазаров; волжские исчезли, не замеченные историей. Святослав шел далее к Кавказу, разбил орды яссов и касогов и завоевал Тмутаракань, полуостров, где в древности была греческая Таматарха, а впоследствии удельное княжение внука Святослава и, в течение 150 лет, русское владение. Место это могло казаться важным, доставляя руссам средства брать дань с окружающих народов без перехода через земли печенегов, занимавших северные берега Азовского и Черного морей, и в то же время ставя Тавриду в опасность от нападения руссов с двух сторон. Святославов обратный поход ознаменован был совершенным покорением вятичей.

Мирно и крепко было между тем киевское владение: данники раболепно покорялись киевлянам, и Святослав мог отважиться на другие предприятия. Вероятно, что и сам поход его на хазаров был следствием сношения с греками. Печенеги служили грекам всегдашним

орудием против других народов, подкупаемые греческим золотом. Греки видели и в Свято-славе такое же орудие.

Константин Порфирородный уже скончался. Воцарился сын его, Роман, ускоривший, как все полагали, смерть отца своего отравой. Прекрасный собой, он был государем ничтожным, и яд, данный ему супругою его Феофанией, женщиной низкого рода, возведенною на престол только за ее красоту, прекратил дни Романа. Два малолетних сына, Василий и Константин, и две дочери, Анна и Феофания, были плодом неблагословенного брака его с Феофанией. Оба сына Романа облечены были в багряницу императорскую; Феофания объявлена их опекуншей. Но она видела невозможность поддержать бремя правления и отдала руку и престол счастливому завоевателю Крита, полководцу Никифору Фоке. Скупой, суровый, нелюбимый двором, народом и скоро опостылевший развратной Феофании, Никифор царствовал шесть лет и, видя слабость, падение Халифатства Сарацинского, устремлял все свое внимание на обратное завоевание греческих владений в Азии. Булгаров уговаривал он защищать Грецию с севера и препятствовать вторжению венгров в греческие владения. Симеона, царя болгарского, уже не было; сын его, Петр, царствовал в Булгарии. Слабый и нерешительный, он колебался, и Никифор, разгневанный несогласием, решил наказать его. В Киев отправился патриций Калокир предложить Святославу поход на Булгарию, вручив ему много золота и обещая еще более при успехе. Святослав решил немедленно начать предполагаемый набег, собрал свои дружины и явился на Дунай. Булгары не могли противиться и бежали от руссов, которые с диким криком, закрываясь щитами, поражали их длинными копьями. Разбитое воинство болгаров заперлось в Доростоле, болгарской столице; опустошение разлилось по Булгарии; царь Петр умер в горести и отчаянии. Легкое завоевание Булгарии, казалось, упрочивало эту землю Святославу. Тайные козни терзали между тем византийский двор. Против императора Никифора таились заговоры. Калокир, посланник его, уже друг Святослава, обещал отдать всю Булгарию руссам, если Святослав пособит ему овладеть греческим престолом. Победителю хазар и болгар казалось возможным такое предприятие. Он основался в дунайском Переяславце (древнем Марцианополе) и не слушал послов Никифора, требовавшего, чтобы руссы выступили из Булгарии. Печенегии помогали Святославу; он собирался уже идти на Царьград и вдруг получил известие из Киева, что толпы печенегов едва не овладели этим городом. Вероятно, что нападением печенегов греки хотели отвлечь Святослава, не имея еще средств начать с ним войну. Тогда Антиохия была взята сарацинами, и дела греков в Азии приняли оборот неблагоприятный. Никифор спешил помириться с новым болгарским царем Борисом, укрепил дружбу брачными союзами греческих царевичей с болгарскими царевнами и готовился помогать булгарам, послав греческое войско.

Князь Святослав ведет дружину в Адрианополь в 970 г. Гравюра XIX в.

Известие из Киева заставило Святослава покинуть на время Булгарию. Дружины его остались в Переяславце и Доростоле. Сам Святослав спешил в Киев.

Нападение печенегов было уже отражено хитростью воеводы Претича. Сказав, что малый отряд, им предводительствуемый, составляет передовое войско Святослава, идущего с Дуная, Претич устрасил печенегов грозой имени своего князя, поменялся оружием с печенежским начальником, в знак дружбы, и заключил мир. Святослав прискакал в Киев, обнял престарелую мать и детей своих и слышал справедливые упреки Ольги и киевлян. «Ты ищешь чужой земли, отказавшись от своей (чужье земли ищещи, своей ся охабив): едва не взяли печенеги и мать и детей твоих. Без твоей обороны печенеги придут опять: или не жаль тебе старости матери и юности детей?» Так говорила ему Ольга. Святослав обратился

оружие на печенегов, разбил их и помирился с ними: мир на мече казался ему надежным, ибо тогда сила боялась только силы.

Но Киев не люб был Святославу: житье в роскошной, цветущей Булгарии, надежда владеть Дунайской землею, мысль – быть победителем Царьграда, и еще более: возвести оружием своим нового царя на колеблющийся царьградский престол, обольщали его. Не внимая советам матери и дружин, он хотел поселиться в Дунайском Переяславце. «Там хочу жить я, – говорил Святослав, – там среда земли моей, ибо там вся благая сходятся: от греков везут паволоки, золото, вина и овощи; от чехов и венгров серебро и коней; из Руси шлют меха, воск, медь и невольников». Ольга, уже дряхлая и больная, молила сына не оставлять ее при последнем издыхании. «Похорони меня и тогда иди куда хочешь», – говорила она и через три дня скончалась, исповедуя закон христианский. Она заказала не творить над могилою ее тризны и была похоронена христианским священником. Жена мудрая, утренняя звезда пред солнцем и заря пред светом, как говорит летописец. Российская церковь причла ее к лику святых, но потомство не оценило ее гражданских подвигов и не умело подражать ей.

Варяжской аристократии и уделов не было уже в Руси нигде, кроме Полоцка. Было только княжество Святослава в Киеве, заключавшее в себе Чернигов, Переяславль, Смоленск и другие города окрест Киева, в бывших землях полян, северян, радимичей, кривичей, суличей и древлян. Новгород, прежние местопребывания братьев Рюриковых: Изборск и Белоозеро, и другие города на Севере составляли Новгородскую область, которую Ольга, может быть, не могла, а Святослав не думал покорить совершенному владычеству Киева. Имея двух юных сынов и решаясь навсегда оставить днепровские берега, быть тем же для Киева, чем был для Новгорода Олег, Святослав решился разделить русское княжество. Старший сын Святослава, Ярополк, получил Киевскую область; младший, Олег, Древлянскую область. От кого из них зависели земли суличей, радимичей, северян и вятичей или Святослав оставил детей правителями только двух небольших областей, назначив в другие простых наместников, не знаем, но Святослав считал Русь своим владением, это мы знаем из слов его. У Святослава был еще сын Владимир от Малуши, ключницы Ольгиной, дочери любечанина Малха. Добрыня, брат Малуши, советовал новгородцам просить Владимира к себе на княжение. Добрыня был посадником Новгорода впоследствии, и мы понимаем причину, побудившую новгородцев просить себе князя. Принимая сына Святослава, Новгород мог тем более утвердить свои права и, платя условленную дань, считаясь владением киевского князя, имея наместником сына его, быть безопасным от произвольной дани и посещениями своего киевского властителя и его дружин, тяжких благосостоянию жителей.

Права новгородцев были одинаковы так, что когда послы новгородские явились в Киев, Святослав отвечал им: «Едва ли кто пойдет к вам». В самом деле, Ярополк и Олег отреклись. «Если вы нейдете, то мы сыщем себе другого князя», – сказали новгородцы и просили дать им Владимира. «Вот по вас князь!» – отвечал Святослав, и юный Владимир, с Добрыней, отправился в Новгород. Как дитя, рожденное от рабыни, Владимир без стыда мог быть ограничен в своей власти: гордость Ярополка и Олега не терпела его.

Тогда Святослав спешил исполнить свое намерение: кончить завоевание Булгарии и идти к Царьграду, чего друг его, честолюбивый Калокир, ожидал нетерпеливо. Греки, может быть, думали, что Святослав уже не воротится на Дунай, и ободренные этой надеждой булгары осмелились напасть на оставшихся там руссов; кажется, что они завладели снова даже Переяславцем. Возвращение Святослава в Булгарию изменило обстоятельства и сделало положение дел опасным для греков. Печенеги и венгры не шли в союз с ними и усилили своими ордами войско Святослава. Стремительным нападением рассеял он слабое сопротивление булгаров; снова Переяславец и сам юный царь болгарский Борис были в его руках. Мечты Калокира могли осуществиться, ибо греческая империя находилась в великом замешательстве. Развратная Феофания сама ввела убийц в императорские чертоги; Никифор пал

под мечами убийц-рабов и товарища своего Иоанна Цимисхия. Аравитяне грозили Греции с Востока; голод свирепствовал в Царьграде; духовенство восстало на Иоанна, требуя возвращения прав, отнятых у церкви Никифором. Сами небесные знамения приводили греков в робость, и мы не удивляемся, что присутствие грозного Святослава и толпы разноплеменных варваров на Дунае ужаснули греков. Митрополит Иоанн, изъявляя горесть о смерти Никифора, в эпитафии ему говорил: «Восстань, государь! На нас стремится русская рать». Другие сравнивали Святослава с Ахиллесом, выводя из Арриана, что Ахиллес был также скиф, из окрестностей Меотийского моря, изгнанный впоследствии в Фессалию. «У него также были голубые глаза и русые волосы; он носил такой же плащ, также был безумно отважен, горд и вспыльчив; и Святославу, так же как Ахиллесу, можно приписать стих Омира: «Тебе всегда приятны споры, раздоры и битвы». Смешивая мифы древних эллинов со Св. Писанием, греки находили в имени руссов ужасающее предзнаменование, говорили о храбрости, силе и безумной отваге руссов, читая в книге пророка Иезекииля ужасное предвещание: «Се аз навожу на тя Гога и Магога, Князя Росс».

Опасения греков в самом деле могли быть не напрасны. Но император Иоанн был мужественный человек, у которого в малом теле таилась великая душа. Убийством проложив себе путь к престолу, он загладил злодейство силой ума и меча, ибо ум у него был соединен с необыкновенной телесной крепостью и деятельностью. Он обвинил в убийстве Никифора одного из своих участников и дал его на растерзание народу, удалил Феофанию, отдал духовенству все отнятые его права и был венчан на царство при всеобщей радости. Иоанн оставил малолетних Константина и Романа соправителями и сочетался браком с теткою их, дочерью Константина Порфирородного. Собранные отовсюду припасы привезены были в Грецию на собственные огромные сокровища Иоанна; вельможи царьградские осыпаны были от него милостями и наградами; все ожило в деятельной надежде. Тогда из Азии получили отрадные вести: аравитяне были разбиты; Иоанн спешил спасти Грецию от руссов. Он готовил флот, собирал войско, но между тем хотел еще испытать мира. Греческие послы явились к Святославу, благодарили, что он исполнил договор с Никифором, наказал Булгарию, и сказали, что греки готовы заплатить ему обещанное по договору, но за то он должен оставить Булгарию немедленно. «Выкупите ее, – отвечал Святослав, – заплатите мне за каждый город, за каждого пленника или переселяйтесь в Азию: нам не ужиться на одной земле». Греческие послы желали знать количество требуемого откупа; Святослав потребовал безмерные суммы. Иоанн прислал к нему еще раз послов. «Бог был свидетелем договоров и мира между нашими предками, и, как христиане, мы не хотим разрывать мира, – говорили снова греческие послы. – Идите в свою землю друзьями; иначе не мы, а вы будете виною разрыва, и мы принудим вас уступить, ибо надеемся на помощь Бога. Вспомни, Святослав, участь Игоря: он приходил со множеством ладей к Царьграду и едва ли с десятью возвратился домой; вспомни смерть его. Тебе не возвратиться в Русь, если император наш и воинство римское выступят против тебя». Святослав не потерпел столь гордых речей. «Скажите вашему императору, – отвечал с гневом князь руссов, – что он напрасно хочет трудиться: зачем ему приходиться сюда? Мы скоро поставим вежи свои перед Царьградом и покажем ему, что мы не наемные работники греков, но воины. Напрасно считает он нас женщинами и пугает как детей».

Война смертельная была решена. Святослав не знал еще, что в Иоанне найдет он достойного противника. Руссы, болгары, венгры, печенеги выступили из Булгарии, начали грабить и разорять Фракию и явились даже пред Адрианополем; но вскоре Вард, греческий полководец, напал на них, развлек силы их и успел прогнать за Гемус. В ужасе бежали они до самого Дуная, оставив горные проходы Гемуса незанятыми.

Тогда, раннею весною, Иоанн выступил с воинством и, обрадованный свободным проходом в горах, спешил провести своих воинов через теснины Гемуса. Он сам шел впереди со

своим полком бессмертных, за ним следовали остальные войска. Тихо перебравшись через горы, Иоанн спешил к Переяславцу. Корабли его, начиненные греческим огнем, уже плыли к Дунаю. Нечаянное нападение греческих войск не испугало Свенельда, начальствовавшего в Переяславце. Греческая конница смяла руссов и принудила их закрыться в городе. Святослав был тогда в Доростоле, и Калокир поскакал к нему с известием. В самую Страстную пятницу Иоанн осадил Переяславец; жестокое сопротивление руссов не помогло им. Греки овладели городом; царь Борис взят был в плен с женою и с детьми. Руссы и союзники их заперлись в царском дворце, сражались и отвергали помилование. Тогда греки зажгли дворец; руссы выступили из него и, окруженные отовсюду, почти все легли на месте; немногие спаслись со Свенельдом и принесли к Святославу весть о потере Переяславца. Он не уныл от первой неудачи, собрал дружины руссов, союзников и ждал приближения греков. Между тем Иоанн объявил свободу, мир и союз Борису. Булгары оставляли Святослава и сдали грекам Плискуву, Динею и другие города. Святослав счел этот поступок изменой, казнил за то триста знатных булгаров и ждал Иоанна в Доростоле.

23 апреля Иоанн пришел к этому городу и едва успел устроить свое воинство, как воины Святославы, сомкнув щиты и копья, устремились на ряды греков. Целый день кипела битва; несколько раз (двенадцать, по словам греков) счастье переменялось. К вечеру сам Иоанн кинулся с конницей, воскликнув: «Докажем свою доблесть!» Руссы были сбиты, отступили и заперлись в городе. Греки укрепили рвом стан свой и начали осаду Доростола.

Не будем описывать трехмесячной борьбы Святослава с героем греческим. Святослав повелевал дикими, разнородными толпами, и сами руссы, сильные и отважные, не могли выдерживать битв правильных и стройных. Против него было войско, правильно устроенное, ободряемое примером мужественного государя – отличного воина, снабженное оружием и запасами, подкрепленное флотом, пресекавшим всякое средство осажденным доставать припасы. Голод, недостатки усиливались в городе. Один из главных полководцев Святослава пал в битве; Икмор, первый богатырь русский, был убит, но Святослав не уступал. В бурную ночь успел он запасти Доростол съестными припасами, отбивал приступы, выходил в поле, иногда побеждал, но ряды воинов его редели. Греки сказывают, что руссы выходили еще из города по ночам, сжигали тела своих воинов, закалывали в жертву им пленных и топили в Дунае петухов и младенцев. Думая, что воин, умерший в плену, будет рабом победителя в будущей жизни, русс убивал сам себя, не сдаваясь в плен, если не было уже возможности спастись.

Все средства спасения наконец истожились; оставалось одно: смерть. Святослав созвал воинов на совет. Положение было отчаянное, и мнения различны. Все решило, наконец, что надобно мириться и просить у греков свободного пропуска в Русь. Глубоко вдохнув, Святослав отвечал: «Итак, погибнет честь русского оружия, без пролития крови донныне покорявшего области, легко побеждавшего соседей. Нет! Помня храбрость предков наших, веря, что мы до сих пор были непобедимы, сразимся еще раз: победа или смерть». Так передают греки речь Святослава; не ее ли передал нам летописец наш короче и выразительнее: «Уже нам некуда деться! Волею или неволею противостанем, не посрамям земли Русской, но ляжем здесь костьми: мертвые не стыдятся, а побег не спасение, но только стыд принесет нам; станем крепко. Я пойду перед вами: если глава моя ляжет, спасайтесь!» «Где твоя глава ляжет, – воскликнули воины, – там и мы наши головы положим!»

Есть известия, что Иоанн предлагал Святославу единоборство и что Святослав отвечал: «Лучше греческого царя знаю, что мне делать. Есть много средств умереть: пусть выбирает какое угодно». Повествование сомнительно: положение Святослава скорее могло его заставить искать средства к спасению в единоборстве, а не победительного императора греческого, и притом такие битвы более известны были скандинавам, нежели грекам.

Июля 24-го вспыхнула последняя битва. Она была ужасна. При заходе солнца руссы вышли из города и яростно устремились на неприятелей. Анемас, греческий силач, пробился до самого Святослава, ударил его копьем и сшиб с ног, но дружина русская окружила Анемаса, и он пал, пронзенный копьями. Сражение усилилось; греки бежали, руссы преследовали их; сам Иоанн бросился в пыл битвы и не берег себя. Тогда вдруг разнесся слух между греческими воинами, что благочестивые люди видят перед воинством всадника на белом коне, что он поражает и гонит руссов. «Святой Феодор Стратилат за нас!» – кричали греки и бросились в битву с новой бодростью. Поднялся вихрь; полил дождь в лицо руссам; греки видели явную помощь небес; сам Святослав, истощенный, раненый, бежал в город, горел гневом, стыдом, не спал всю ночь, а на другой день послал просить мира. Иоанн ждал только этого предложения, согласился немедленно и отправил запасы хлеба к осажденным. Свенельд договаривался с Иоанном; Феофил Синкель, посланный к Святославу, написал договор на хартии и приложил печати.

Этот договор сохранен в наших летописях: он краток, таков, какого победитель может требовать от побежденных. Все гордые мечты Святослава погибли. Перуном и Волосом клялся он «никогда не помышлять о нападении на греков и на все подвластное им: Херсонскую область и болгарскую землю; не идти на них ни со своим войском, ни с наемным, не подговаривать других к нападению и, напротив, быть врагом всякого врага греков».

Ничего не было сказано о торговле, условиях, посольствах: так не договаривались и разбитые под Царьградом руссы. Может быть, что Святослав, заключая мир, клянясь быть желтым, как золото, при нарушении договора, клялся в то же время сам себе мстить грекам, желал только спасения; может быть, в шуме военной тревоги некогда было и договариваться подробно: прежние подробные договоры заключались особыми послами, в мирное время. Но император греческий шел на мир, отпускал Святослава. Чего же еще могла стоить грекам победа решительная, если они соглашались выпустить из рук свирепого князя русского? Впрочем, греки могли надеяться, что начатое коварство решить силой: мир с греками сорил Святослава с союзниками его. Печенеги брались погубить Святослава. Кроме того, мир прислонил тишину Булгарии и Греции в то время, когда Иоанну надобно было спешить в Сирию и Палестину, надобно было усмирять мятежи, возникшие в Греции без него.

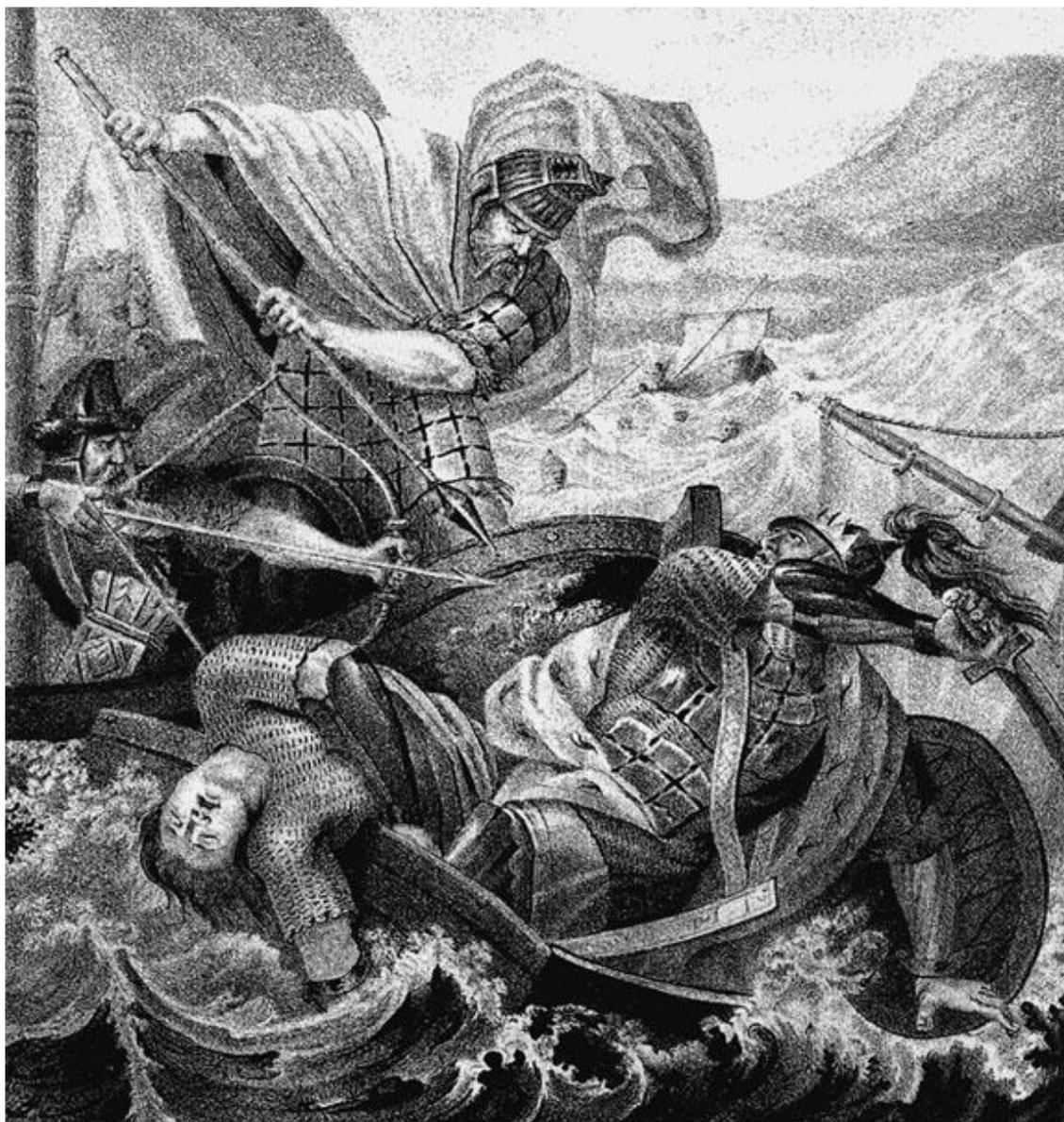
Святослав желал видеть своего противника и победителя. Иоанн, в позлащенном вооружении, окруженный всадниками, одетыми в блестящие доспехи, выехал на берег Дуная. По реке плыла простая лодка, наряду с другими гребцами сидел человек в белой, ничем от других не отличной одежде и работал веслами: это был Святослав. Сидя на скамье своей, он глядел некоторое время на Иоанна, сказал несколько слов о мире и поплыл обратно.

Иоанн с торжеством возвратился в Грецию и в блестящем триумфе въехал в Царьград, держа в руках венцы и скипетры. На торжественной колеснице везли икону Богоматери, взятую им из Булгарии; короны и багряницы гордого Симеона Булгарского украшали эту колесницу; жалкий внук Симеона, царь Борис, шел за ней. Он лишен был потом царского венца и остался патрицием при дворе греческом, откуда бежал после смерти Иоанн. Булгария обращена была в греческую область; Доростол, столицу Булгарскую, переименовали Феодорополем (в честь Св. Феодора Стратилата, коего имя и явление спасло греков в крайности битвы), и – слава Булгарии погибла с тех пор невозвратно. Напрасно отважный Комитополь хотел восстановить болгарское царство; тщетно еще около четырех веков сохранялось имя Булгарии, пока с дочерью Сусмана в гареме Амуртовом погибла и сама тень самобытности болгарской. Все успехи болгаров в течение следующих четырех веков были мгновенные и случайные.

Заклучив мир, отдав пленных, Святослав поплыл на родину в своих ладьях, с малою дружиною. Кажется, что Святославу тяжело было возвращаться в Киев. Печенеги засели уже в Днепровских порогах и ждали его; Свенельд советовал ему идти берегом; Святослав не

слушал Свенельда и остался зимовать в Белобережье, на устье Днепра. Зимой недостаток припасов дошел до того, что конь продавался по полугривне. Терпеливо снося все труды и бедствия, весной Святослав поплыл к Киеву; тогда печенеги напали на него, и Святослав пал в битве... Свенельд пробился с остальной дружиною и дошел благополучно в Киев.

Так погиб Святослав, явление своего века и народа столь же блестящее, как Александр и Пирр, Густав Адольф и Карл XII, удивляющие метеоры, ярким, но бесполезным светом озарившие мир, им современный! Летописи говорят, что Куря, хан печенежский, снял с головы Святослава череп, оковал в серебро, пил из него, и написал на нем: «Чужого ища, свое потерял». Можем не верить подлинности печенежской апофегмы, но она была кстати Святославу.

Кончина Святослава

Мы видели его самовластно управлявшего и располагавшего русскими владениями. Кроме Полоцка и севера Руси, где были особые отделы правления, кажется, что при Святославе уже решительно не было удельных светлых князей. Он один ходил на хазар и болгар, отдавал сыновьям области, самовластно хотел переселяться в Булгарию и заключал договор с греками, не упоминая русских князей. Но единодержавие, это единственное спаси-

тельное средство образовать полудикий народ, сам ли Святослав умел его присвоить себе? Напротив: десять лет правления Ольги укрепили киевское княжество, а десять лет княжения Святослава только разрушали союз народов необразованных и вещественно все еще сильных в сравнении с киевскими дружинами. Увидим, как ненадежно было отдаленное покорение вятичей; сами радимичи восставали против Киева. Походы непрерывные, шум оружия были милее гражданской деятельности Святославу. Современники любили его, хотели оправдывать все его неудачи и даже пристрастно передали нам повествование о походе его в Булгарию, изображая его победителем греков, Ахиллесом, презирающим дары и с радостью схватившим оружие, от Цимисхия присланное. Поэзия не забудет Святослава.

Юный, слабый душой Ярополк, князь Киева, узнал о смерти отца своего и не думал о правах на другие русские княжества. Свенельд – престарелый воевода отца и деда его, управлял имениями князя. Олег, брат Ярополка, княжил в Древлянской области; Владимир был в Новгороде. Пять лет прошло до события, имевшего важные последствия.

Лют, юный сын Свенельда, заехал с охотой своей в княжество Древлянское. Олег, князь древлянский, встретился с ним; началась ссора: Лют был убит. Свенельд запылал мщением. «Возьми область брата своего», – говорил он Ярополку. Через два года дружины Ярополка двинулись в Древлянскую область; Олег выступил из Вручая города, где княжил; началась битва; древляне одолели, и Олег побежал со своими дружинами. К воротам города вел мост; беглецы теснились, падали в ров. Ярополк вошел во Вручай и объявил Древлянское княжество своей областью. Стали искать Олега: его видели упавшего в ров с моста; полдня вытаскивали из рва трупы; несчастный сын Святослава был найден наконец, мертвый, изувеченный, и положен на ковер. Ярополк пришел к трупу его и заплакал: «Смотри: этого ли ты хотел!» – сказал он Свенельду. Олега похоронили подле Вручая.

Владимир слышал в Новгороде о гибели Олега. Или не имел он права принуждать новгородцев, имевших свои уставы, идти на войну по воле князя, или новгородцы не хотели идти с ним. Владимир оставил Новгород, бежал за Балтийское море и через два года возвратился с толпами варягов. Наемные воины со всех сторон Скандинавии собрались к нему и сделали Владимира страшным. Он нашел уже в Новгороде Ярополковых наемников и с насмешкою отослал их в Киев: «Скажите брату моему, что я иду на него; пусть готовится», – говорил он и спешил нанести новую обиду Ярополку.

Ярополк имел уже супругу – красавицу, греческую монахиню. Святослав захватил ее в Булгарии и подарил Ярополку. Но Ярополк искал другой супруги и сватался за дочь князя полоцкого, Рогволода. Мы упомянули уже об отделении сего княжества от системы руссов южных и северных.

Полоцк был в числе областей, где сели Рюриковы сопутники, наместники, как говорят летописи, думая, что все товарищи варяжского князя были подвластны ему: мы объяснили уже власть и отношения этих князей к главному их повелителю, следовательно, не удивимся, что при удалении Олега на юг, отделении от Новгорода и слабости Игоря, князь полоцкие решительно отпали от власти великих князей русских. Но летописи говорят об отдельном пришествии Рогволода в Полоцк из-за моря, вместе с варягом Туром, основавшимся в Турове. Может быть, Рогволод наследовал княжение после прежних полоцких князей. История западной от Киева стороны и новгородских областей сливается с историей русской только со времен Владимира.

В то же время, когда Ярополк сватался за дочь полоцкого князя (ее звали Рогнедой), явились и Владимировы послы. «Не хочу разуть сына рабы!» – отвечала Рогнеда. Упрек за рождение от рабыни должен был усилить гнев Владимира, униженного предпочтением брата, уже врага его. Варяги выступили из города; с ними были союзники: новгородская дружина. Они явились к Полоцку, когда готовился свадебный поезд в Киев. Полоцк был осажден, взят, Рогволод и два сына его убиты, и близ трупов отца и братьев Рогнеда сде-

лалась наложницею Владимира. Не верим другим, еще более ужасным подробностям сего события; но память о несчастной Рогнеде, названной Гориславой, долго хранилась в потомстве. Через 200 лет рассказывали на Руси, как Горислава хотела мстить Владимиру, и сими ужасными событиями объясняли ненависть полоцких князей к киевским. Мы не находим уже имени Свенельда, виновника несчастных междоусобиц. Новый вельможа, Блуд, владел доверенностью Ярополка, слабого, робкого в опасности. Не смея выступить против Владимира, окопавшегося в стане между Дорогожичем и Капичем близ Киева, Ярополк заговорил в Киеве с Блудом. Киевляне хотели защищать князя. Но измена всегда гнездится подле малодушного властителя. Блуд сговорился с Владимиром и готовил погибель Ярополку. «Если убью моего брата, ты будешь мне отцом, – говорил Владимир. – Не я начал бить братьев, я страшился собственной гибели и только защищаю себя». Умев сделать Ярополку подзрительной верность киевлян, Блуд уговорил его бежать в Родню. Там окружили его дружины Владимира, который занял Киев, покорившийся ему после бегства Ярополка. Голод свирепствовал в Родне до такой степени, что память о нем осталась пословицей. Тогда Блуд начал уговаривать Ярополка мириться с Владимиром, изъявить ему покорность, удовольствоваться тем, что даст Владимир. Легковерие Ярополка было столь велико, что он, провожаемый Блудом, решился ехать в Киев. Напрасно другой приближенный Ярополка, Варяжко, говорил ему, что он идет на смерть, советовал лучше бежать к печенегам и нанять их. Ярополк не слушал Варяжки, явился в Киев и доверчиво шел в терем, где Владимир с дружиной своею ожидал его. Едва Ярополк переступил через порог, как Блуд затворил двери, не впустил спутников его, и два варяга подняли Ярополка на мечи. На глазах Владимира пал брат и оставил его полным владыкой Руси. Красавица-монахиня, жена Ярополка, уже беременная, сделалась наложницею Владимира. Современники, во всем видевшие таинственность судеб, приписали сему поступку гораздо больше важности, чем убийство брата. «Плод, зачатый во грехе, принес плоды горькие», – говорили они, видя, как сын Ярополка свершал кровавую месть судеб над сыновьями Владимира.

Братоубийство совершилось; Киев повиновался Владимиру; оставалось наградить помощников. Наемные варяги требовали золота, но Владимир, хитрый и осторожный, проводил их обещаниями, пока собрал силы противиться, и варяги просили наконец только позволения идти в Грецию и наняться там на службу греческому императору. Оставив добрых и смышленных, он отпустил всех других, но просил греческого императора рассеять их и не пускать в Русь, как людей буйных. Добрыня получил снова посадничество новгородское и ознаменовал торжество свое воздвижением Перунова истукана на берегу Волхова.

Дела Владимира не казались ужасными руссам. Роскошный, великолепный, ласковый с народом, любимый дружиною, он спешил устроить безопасность Киева, угрожаемую отовсюду: печенеги разоряли области киевские; вятичи отрекались от дани; даже радимичи, мирно жившие до этого, не повиновались. Так слабы еще были связи русского государства, так ободрили всех смерть Святослава и междоусобия в Киеве! По два года ходили дружины Владимира на вятичей и принудили их к прежней дани. Воевода Волчий хвост легко усмирил радимичей; рать с печенегами была во все время княжения Владимира. Оградив себя от набегов их, Владимир хотел утвердить безопасность Древлянской области. На запад от нее обитали дикие ятвяги: он покорил их, и обратил оружие на обитателей червенской области, граничившей на юге с Древлянскою областью. Там были уже города Перемышль, Червень, и впоследствии образовалось сильное княжество Галицкое. Такими успехами снова укрепилась разрушавшаяся мощь Киева. Вскоре Владимиру повиновались Киев и области: Полоцкая, Ростовская, Древлянская, Волынская и Тмутараканская. Новгород признавал себя городом, зависящим от Киева, и платил дань.

Желая вернее отвратить опасность нечаянных владений печенежских, Владимир вывел переселенцев из других областей, расселил их по Десне, Остеру, Трубежу, Суле, Стугне и

основал несколько новых городков при селениях. Защищая таким образом Киев, в самих переселениях жителей Владимир мог иметь в виду смешение родов, все еще диких и раздельных.

Заметим самое важное обстоятельство в делах Владимира. Он первый начал решительно отходить от скандинавских обычаев, и понимаешь, что он властитель не малочисленных варягов, но смешанных с ними многочисленных славянских племен. Рюрик, Олег, Игорь и Святослав – все, кроме Ольги, действовали как будто пришельцы; только мыслили о сборе дани, о набегах и походах. Владимир понял, что туземцы должны составить его истинную силу и могущество. Удалив дружины пришлых варягов, он окружил себя руссами и славянами. Двое сыновей его названы были славянскими именами. Славянский язык, бывший уже в общем употреблении и превозмогавший язык варяжских пришельцев, совершенно возобладал над Русью и всеми подвластными ей племенами. Варяжская аристократия не существовала, но следы ее оставались в независимости воинских дружин и силе полководцев, еще напоминая феодализм варягов; Владимир вполне заменил его азиатской монархией, сходной с основными нравами славян. Дружина воинская и бояре Владимира стали не товарищи, но решительно подданные его. Различие между славянином и руссом исчезло; остались только свободные люди и рабы их. Воля князя возводила в чиновные звания. Многочисленное семейство Владимира давало ему способы ставить начальниками главных мест Руси своих сыновей. Тогда явились не уделы, но области, правимые детьми одного самовластного государя. Если первая супруга Владимира была Рогнеда, от которой родились Изяслав, Мстислав, Ярослав и Всеволод, а вторая – греческая монахиня, мать Святополка, то, когда в 990 году сыновья Владимира отправились в назначенные ими области, самому старшему из них было не более девяти лет; такое дитя не могло быть правителем, но Владимиру надобно было имя его сына, пресекавшее все покушения к прежней системе уделов. Так образовалась совершенно новая, Восточная система правления.

Поклонение Перуну

Еще важное дело замечаем в действиях Владимира. У славян владетель был и священником своего народа; Владимир сделался первосвященником киевлян. Рюрик, Олег, Игорь и Святослав кланялись Перуну и Волосу; Владимир сделал более: он сам воздвиг истуканы Перуна, Хорса, Дажбога, Стрибога, Семарглы и Мокаша в Киеве. Истукан Перуна был деревянный, с серебряной головой и золотыми усами. Кровавые жертвы приносимы были по повелению Владимира перед идолами, и после покорения ятвягов совершена была даже необыкновенная жертва: решились заклать пред богами девицу или юношу; бросили жребий на жителей Киева, и он пал от юного варяга, христианина. Его исторгли из объятий старика и убили во славу Перуна.

Так Владимир овладел сердцами народа и умел остаться навсегда даже в поверье народном. Прежние князья перешли к потомству в исторических сказаниях; Владимир пережил себя в народной памяти, как Альфред и Артур у англичан, Карл Великий у французов, Канут у датчан. Угощая дружины и народ, он выкатывал для них по триста вар меду, чествовал в тереме своем бояр, гридней и дружину трапезою еженедельно, расставлял столы и брашны для киевлян. «Серебром и золотом не найти мне дружины, а дружиною найду я серебро и золото», – сказал Владимир, слыша, как однажды гости его подпили и говорили, что стыдно им есть деревянными, а не серебряными ложками: немедленно выковали для них серебряные ложки. Думаем, что на пиршествах Владимира раздавались и песни славянских бардов, коих отголоски долетели до позднейшего потомства, ибо хотя песнопения, дошедшие до нас, где говорят нам о пирах, гульбе, богатырях Владимира, явно сочинены в позднейшие времена, но основание их, видимо, принадлежит древнему веку. «Сказка сладка, а песня быть», – основное поверье русских. Гуслиеры славянские, которых видели греки в VI столетии, велись долго между славянами, и следы Баянов, которые, как изображает поэзия русская – словно по золотой цепи, идя в одну сторону, заводят песни, идя в другую, говорят сказку, – остались донныне в быту нашем. Словом, Владимиром началось самобытное государство, в ряду других государств, тогда уже окружавших Русь. Не будучи искателем чуждых земель, Владимир крепил мечом свою землю; расточал собираемые богатства в народе, а не копил их в своей казне, не обогащал им только воинской дружины своей, отделявшей князей от остального народа.

Простив ему кровавое вступление на княжество, подданные прощали веселому, разгульному князю порок, снедавший его не менее властолюбия: сладострастие. Кроме Рогнеды и гречанки, нам известны еще три супруги его: богемка, мать Вышеслава; другая супруга, мать Святослава и Судислава, и уроженка Булгарии, мать Бориса и Глеба. В Вышгороде гарем Владимира состоял из 300 наложниц, в Белгороде также из 300 и в Берестове из 200. Недовольный тем Владимир не дорожил ни узами супружества, ни невинностью, отнимал жен, увозил дев – был женолюбец, как Соломон, по словам летописей.

Но утомление страстей вело Владимира к желанию величия более прочного. Он восхотел чести и славы, более знаменитой, нежели та, которой довольствовались предшественники его. Сею жаждою души Владимира исполнились над Русью тайные судьбы провидения.

Глава 4. Введение христианской веры. Новое разделение и соединение русских княжеств при Ярославе

Сношения с греками не прерывались при Владимире: он знал состояние Греции; греки знали события в Руси. Они могли видеть во Владимире повелителя страны, принимавшей более и более гражданскую образованность, могли надеяться найти в нем союзника мощного и сильного. Император Иоанн Цимисхий уже не существовал, погибший от яда, поднесенного ему злодеем. В годы зрелой юности Василий и Константин, дети Романа, приняли правление, но опеку над ними не кончилось смертью Цимисхия. Человек ничтожный, но хитрый, он умел овладеть умами царственных юношей и правил государством: еще 12-ти лет, Василий, храбрый и благоразумный, знал только забавы дворские; Константин навсегда остался государем только по счету. В это время сарацины усилились в Азии, где два полководца греческие бунтовали и думали даже о багрянице царской. Булгары, не страшась юного царя, приобретшего впоследствии своими победами прозвание ужаса булгаров, ободрились, восстали, делали набеги даже до самых стен Царьграда. В это время опекун царский мог отправить к русскому князю, преемнику Святослава, посольство для испрашивания помощи.

Другое дело, весьма значительное, вмешалось в это сношение. Уже христианство было распространено в западных государствах, соседствовавших с Русью. Среди них только Русь оставалась во тьме идолопоклонства, и тем сильнее устремлялись на нее виды соперничающих владык христианства: патриарха Царьградского и Папы Римского. Сильным влиянием своим на Германию латинский первосвященник успел уже присвоить себе власть над Церковью Моравии, где последователи церкви Греческой были преследуемы и гонимы; успел, кроме того, сделать важное умножение паствы своей в Польше, крещенной латинскими проповедниками. Виды его простирались на Русское государство, и сношения, при Ольге начавшиеся, поясняет посольство русских к германскому императору в 973 году. Следы сношений с папой, имевших целью введение христианства в Россию, находятся в наших летописях. Мог ли греческий патриарх не ревновать к своему сопернику, уже отнявшему Моравию? Вероятно, что он употребил все средства для убеждения русского князя принять христианскую веру и принять ее от Греческой церкви.

Утомленный пылками страстями и честолюбивый Владимир обладал таким умом, который мог показать ему все выгоды обращения в христианство. Истины христианской веры, светлые и благие, согревающие земное бытие и открывающие небо за гробом, могли ярко освещать ум Владимира. Летописи наши передают нам огромный рассказ об испытаниях веры, беседах греческих проповедников с Владимиром и убеждении князя этими беседами. Рассказ выдуман, но основные черты его замечательны. Любя сладострастие, Владимир готов был сделаться мусульманином, но запрещение вина казалось ему запрещением тяжким. «Вино – веселие Руси; мы не можем не пить его», – говорил он. Иудейский закон не нравился ему, как закон народа рассеянного и бедствующего. Кроме того, греческие проповедники изобразили ему в отвратительных красках и мусульман, и жидов.

Константин Порфирородный за 40 лет до Владимира, говорил, что варвары – руссы, хазары и турки – всего более стараются выведать у греков тайну греческого огня, достать греческие одежды греков и вступать в брачные союзы с императорами греческими. Он объяснял сыну своему, как должно ему отговариваться от всех их требований, как должно говорить, что греки не могут давать иноплеменникам одежды, отличающей великих императоров Царьграда; что ангел принес с неба тайну греческого огня и что христианские государи, императоры Царьграда, не могут быть в родственном союзе ни с кем из ино-

племенных, тем более с язычниками. Немногие примеры нарушения этого правила греки оправдывали хитрым образом, утверждая, что по особым, великим причинам члены императорского семейства и сами греческие императоры могут жениться на дочерях язычников, очищая их крещением. Таким образом, христианская вера делалась условием родства с греческими императорами. Владимир понял это, увидел новое средство к почестям и объявил, что готов принять закон христианский, но требует руки греческой царевны, сестры Василия и Константина. «Тогда крещусь», – говорил он.

Владимир лучше Святослава знал свойства народа, и если должно почесть его и первосвященником славянского идолослужения, то тем легче мог он сделать новую, важную перемену. «Придайте ума советом вашим, – говорил Владимир своим боярам и дружине. – Что вы мне скажете? Греки беседовали со мною: они хулят все другие веры и хвалят свой закон. Много они мне говорили о создании, бытии мира и будущей жизни; хитро говорят они; любо и чудно слушать их». «Никто не хулит своего, а всякий хвалит, – отвечали советники Владимира, – но если бы не хорош был закон греческий, то Ольга, бабка твоя, мудрейшая из всех человек, не приняла бы его». И так, воле князя ничто не противилось. «Где примем крещение?» – спросил Владимир. «Где тебе угодно», – отвечали ему.

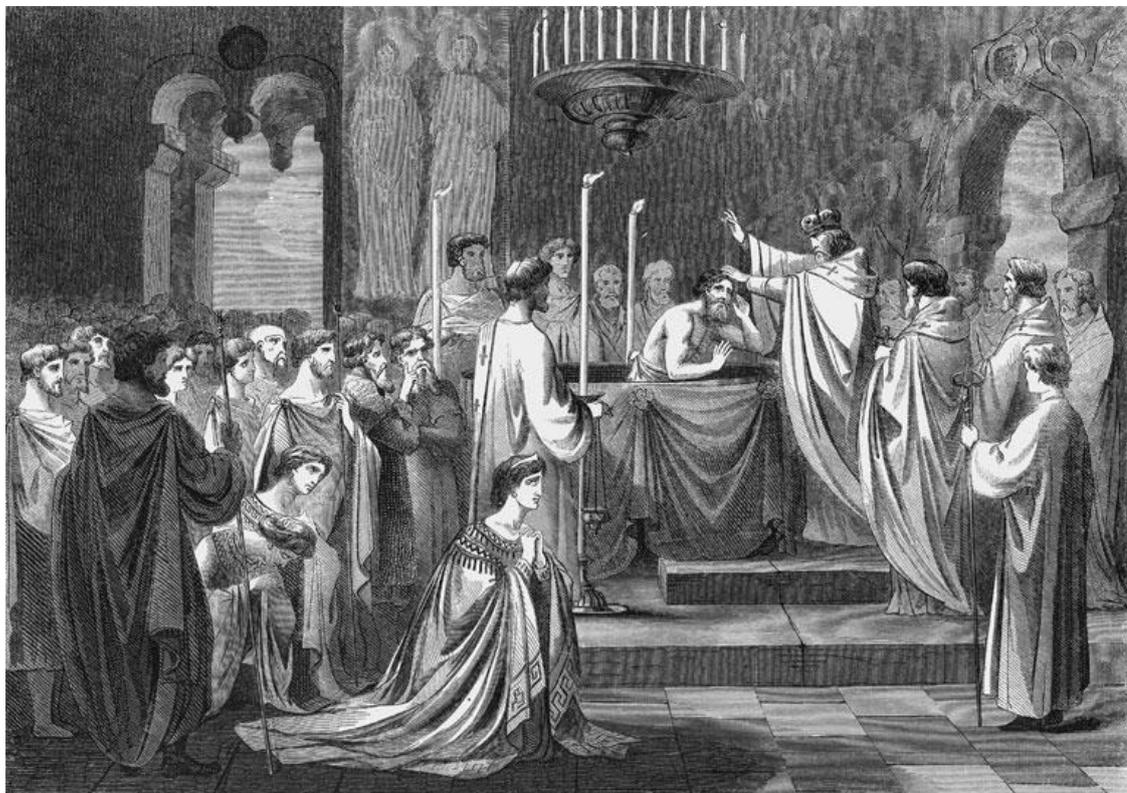
Думаем, что предложение Владимира сначала изумило греков. Предложение отдать греческую царевну за варвара, скифа, убийцу родного брата ужаснуло греческих царей и двор их. Василий, набожный, в старости носивший власяницу инока под царской багрянницей, не пивший вина и не евший мяса, мог и в зрелых годах усердно желал причастия славе апостолов, проповедников Евангелия, мог ревновать просвещение христианством другой земли, где некогда, по преданиям, шествовал апостол Андрей. Патриарх Царьградский также мог разделять это желание, усиливаемое враждой к папе. Но ни ревность к святой вере, ни политические выгоды не могли убедить Царьградский двор согласиться на желание Владимира. Не знаем, что отвечали ему; но на следующий год хоругви руссов возвелись в стране, дотоле не испытывавшей вполне силы русского оружия. Ладьи руссов и сам Владимир явились под Херсоном, главным из греческих городов в Тавриде: единственный поход Владимира как завоевателя чуждых, отдаленных областей.

Таврида знала руссов, обладателей Тмутаракани и грабителей греческих судов в устье Днепра, но в первый раз увидела она ополчения руссов, некогда грозившие Царьграду. Херсон никогда не был крепким городом; жители его заперлись, однако ж, в стенах своих. Руссы обложили их. «Сдайтесь, – говорил Владимир херсонцам, – или три года буду стоять под стенами вашими». Началась осада; измена, привычное оружие Владимира, скорее трех лет решила участь Херсона. Житель этого города, иерей Анастасий, успел уведомить Владимира, что стоит только перекопать водопроводы, снабжающие город водой, и Херсон будет в его руках. Владимир исполнил совет; Херсон, томимый жаждой, сдался; руссы заняли город.

Тогда явились в Царьград послы от князя русского, как покорителя знаменитого греческого города, и переговоры продолжались недолго. «Херсон принадлежит мне, – говорил Владимир. – Я крещусь, если отдадите за меня сестру вашу, ибо вера и богослужение ваше мне любы; иначе увидите меня под Царьградом». Царевна Анна, требуемая Владимиром, лучше хотела умереть, нежели ехать в Херсон к жениху своему, и горько плакала, садясь в корабль, долженствовавший навсегда разлучить ее с великолепием Царьграда, родиной и надеждами счастья. «Бог избирает тебя, да обратишь в святой закон его Русскую землю. Или ты не знаешь, сколько зла причинили уже руссы Греции, и если не согласишься, сколько причинят они еще», – говорили братья, расставшись с ней.

С радостью встретили царевну в Херсоне. Владимир занимал дворец, находившийся на городском торжище. Церковь христианская была между этим дворцом и другим, где оставались царевна, сановники, пресвитеры цареградские и свита ее. Церковь эта казалась таинственным символом, разделяющим язычника от христианки. Крещение русского князя

было совершено немедленно. Летописи рассказывают чудо: у Владимира болели глаза, так что он не мог ничего видеть, но когда епископ херсонский с пресвитерами цареградскими совершили торжественное крещение Владимира, он прозрел мгновенно.

Крещение Владимира

Достопамятное таинство крещения совершено было в церкви, о которой мы упомянули. Владимир принял христианское имя Василий. Бояре и дружина его крестились по примеру князя своего, а брак греческой царевны с Владимиром сделал руссов друзьями греков. Часть войск Владимира отправлена была в Грецию, на помощь цареградским императорам против мятежника Склира. Владимир отдал Херсон грекам, как вено за свою супругу, и велел созидать в Херсоне церковь в память своего пребывания.

Верим благоразумному пастырю, но передаем предание, современное великому событию.

С победой, как родственник знаменитого дома цареградских императоров, Владимир прибыл в Киев, преображенный духом. С ним были супруга-христианка, бояре и дружина – христиане, священники цареградские и херсонские. Не трофеи воинские, не золото, отнятое оружием, но святые мощи, благословенные иконы, священные сосуды, книги, закон истинный в сердце и славу апостола Русской земли в грядущих веках нес Владимир на родные днепровские берега.

Были и есть примеры действия святой благодати над язычниками, принявшими божественный закон. Приступая к купели возрождения с сердцем закослелым, по расчетам корысти, они воспринимали преобразование ума и сердца от этого источника жизни. Почти всегда новообращенные христиане становились самыми жаркими поборниками святой веры, если только меч не сверкал над крестом, их осенявшим; в этом последнем случае человек ожесточается потерей свободы и воли, ибо тогда с верой налагается на него иго рабства. Но мы знаем, что среди бродящих орд Азии и диких поколений Европы по голосу веры являлись мученики из людей, едва узнавших веру христианскую. Таково было действие веры и

на Владимира. Он искал земной славы, но с крещением преобразился в христианина умом и сердцем, и все для него изменилось. С ужасом увидели киевляне ниспровержение и бесчестие идолов: двенадцать человек повалили истукан Перуна, привязали его к хвосту коня, волокли через Киев, били палками и бросили в Днепр; других идолов жгли, рубили. Киевляне плакали, недоумевали, когда бирючи, ходя по Киеву, возвещали, что князь велит всем жителям Киева являться на берег Днепра и что неявившийся подвергнется его гневу.

На другой день открылось великое зрелище. Берег Днепра был покрыт народом. Уже киевляне знали, зачем были призваны, и не противились велению князя. «Если бы не добр был греческий закон, князь и бояре не приняли бы его», – говорили они друг другу, видя Владимира, торжественно идущего с знаменами веры, при пении ликов, предшествуемого священниками, и с ним княгиню Анну, бояр, старцев, дружину, с благоговением преклоняющихся перед крестами и иконами. Осветили Днепр, народ вошел в воду, и крещение было совершено. «Бог, сотворивший небо и землю! – восклицал Владимир, возводя очи и руки к небесам. – Призри новые люди сии; даждь им увести тебя, истинного Бога, и утверди веру в них!»

Немедленно приступили к строению церквей на тех местах, где были требища идолов: на холме Перуновом срублена была деревянная церковь Св. Василия. Во все города посланы были повеления князя ниспровергнуть идолов и строить церкви: никто не ослушался, везде народ крестился по повелению князя.

Крещение киевлян

Но все ли новые христиане понимали важное таинство, над ними совершенное? Не думаем. Как варяги приняли веру славян, так теперь руссы приняли веру греков. Кто мог объяснить им истины христианства? Кто из них мог понять их при изъяснении грека, едва знавшего язык славянский? Сами греки могли ль назваться христианами, понимавшими закон христианский? Схоластические споры давно уже затмили в их умах истины религии, обряды

заменяли для них ее сущность, и благотворное действие веры должно было тихо и медленно прозябать на новой ниве, готовой к плодам благодатным, но невозделанной.

Владимир хотел двумя средствами действовать на народ. Божественная служба производима была по славянским переводам церковных книг, сделанным для моравов и болгар. Надобно было распространить между руссами и сделать известным малопонятный язык церковных книг, научить руссов грамоте, и Владимир велел учреждать училища для этих предметов. Матери плакали, видя своих детей, отводимых в такие училища, считали их мертвыми, но не смели противиться. Из этих рассадников рассеивались семена учения в народе. Кто знает уважение даже нынешних простолюдинов наших к грамотному, тот поймет, каково должно было быть это уважение за девять столетий, какое почтение тогда внушал такой человек. Другое средство, употребленное Владимиром, была власть, данная духовным особам. Священник сделался судьей, страшным в глазах каждого, ибо Владимир отделил суду их важную часть законодательства. Кроме неподсудности духовных людей ни князьям, ни боярам, суду их предоставлены были браки, разводы, прелюбодеяния, похищения и насилия девиц, волхвованье, колдовство и укор каким-либо из означенных преступлений, ссоры и драки между родителями и детьми, церковная татьба, ограбление мертвецов, непристойные деяния в церквях и неприличное употребление святых предметов, детоубийство, идолопоклонство. Все эти статьи составляли нововведения, и, естественно, должны они были подлежать суду людей, знавших правила, по которым должно было поступать. Но таким образом передавалась духовенству власть обширная, и доныне остались у нас в народе следы страха, какой наводил духовный суд на всех мирян.

Этого было недовольно. С Владимиром прибыл в Киев херсонский иерей Анастасий, передавший в руки его Херсон, и вероятно, что этот хитрый грек умел овладеть доверенностью князя, ослабляя в то же время непосредственное влияние царьградского духовенства. Анастасий был первым духовным сановником при Владимире и убедил его воздвигнуть великолепную церковь. Не щадили издержек: выписывали из Греции мозаику, мрамор, порфир, употребляли золото и драгоценности. Призваны были мастера из Греции; строение продолжалось восемь лет, и в 996 году Владимир вступил в этот храм, озаменованный именем Богоматери. Здесь, с радостью взирая на великолепие и благолепие храма, он установил платеж десятины со всех своих доходов в пользу духовенства и церковь назвал Десятинною. Анастасий вводил на Руси все преимущества, какими пользовалось духовенство в других землях, и не делил власти своей с Царьградом. Греки не противились, кажется, этим распоряжениям и давали свободную волю Анастасию, предоставляя времени преодоление его силы.

Дети Владимира оказывали такое же рвение к христианской вере, как и сам Владимир. Они были уже правителями в разных областях, зависевших от Владимира: Вышеслав в Новгороде, Изяслав в Полоцке, Ярослав в Ростове, Глеб в Муроме, Святослав в Древлянской земле, Всеволод во Владимире, Мстислав в Тмутаракани, Святополк в Турове. Вышеслав скончался в юных летах, и Ярослав переведен был в Новгород; Ростов был отдан Борису. Летописи не упоминают о детях Владимира Судиславе, Станиславе и Позвизде; вероятно, первый оставался в Киеве, а двое других умерли в детстве. Борис, любимый сын Владимира, был христианином пламенным: знал церковные книги, любил молитву и пение духовных песен; Ярослав новгородский был также ревнитель православия; Мстислав и Глеб ознаменовали себя подвигами благочестия.

Благотворение к бедным было следствием обращения Владимира. Слыша слова Евангелия: блаженни милостивыи, он позволил всем неимущим приходить в терем княжеский, где довольствовались их трапезой и деньгами; учредил особые телеги, на которых возили по Киеву хлеб, мясо, рыбу, овощи, мед и квас в бочках, раздавая немогущим идти на княжеский двор. Он учредил советную свою думу из духовенства, бояр и избранных старцев, совето-

вался с ними о суде и делах гражданских: так, по их совету введена была смертная казнь преступникам вместо виры, но сопротивление граждан принудило отменить ее и ввести по-прежнему окуп; для сбора таких окупов учредились приставы и особые дружины.

Бесперывные набеги печенегов и поход в Червенскую область составляют все внешние дела княжения Владимира до 1014 года. Родственный союз Святополка, князя туровского, с польским королем утверждал дружбу руссов с этим государством, уже сильным при владычестве Болеслава, государя мужественного, соединившего под свою власть уделы детей Мечислава, братьев своих, давшего законы Польше, воевавшего с немецким императором и умевшего противиться могуществу Генриха II. Святополк и Борис были в Киеве, когда Владимира оскорбило неповиновение новгородцев.

Он владел землями от Балтийского моря до Карпатских гор в Венгрии и от Богемии до Волыни. Оттон III (в 1000 г.) гостил у него в Гнезно, утвердил ему титул короля и признал его независимым от всех обязанностей вассала Германии. Но важнейшая услуга Болеслава Польше состояла в гражданском устройстве земли польской: он разделил ее на поветы, или города (*civitates, burgi*), построил при городах замки, или крепости (*castellum, castrum*). Болеслав старался собрать с собой народ в города, в крепостях установил кастелянов, или старост, составил при себе совет из 12 вельмож (*consilarii*) и определил звания народные. Тогда начались звания рабов, крестьян и шляхты. История Польши связана непрерывно с русскою до самого появления Литвы. Мы должны наблюдать ее. О браке Святополка с дочерью Болеслава говорят западные писатели (см. Карамзина, Ист. Г. Р., т. II, пр. I)...

Здесь появляются первые явные следы народной вольности, сделавшей впоследствии Новгород сильным и могущественным. Уже давно Новгород не зависел от Киева, управлялся посадниками, вел отдельные войны и повиновался киевскому князю на условиях. Но обогащаясь торговлей, владея обширными землями от Белоозера до Эстонии и от Невы до Смоленской области, новгородцы не захотели наконец платить дани, 300 гривен, установленной еще Олегом. Ярослав принужден был повиноваться голосу новгородского веча и посадников, не смея явиться раздраженному Владимиру. Неповиновение оскорбило князя киевского, видевшего в новгородцах бунтовщиков. Он велел готовить пути, собрал войско, сам выехал из Киева и не возвращался в него. В Берестове тяжкая болезнь постигла его. Слыша о набеге печенегов, он отправил Бориса ростовского против них и скончался 15 июля.

Бояре, бывшие в Берестове, скрыли смерть Владимира, ночью привезли в Киев тело его и поставили в Десятинной церкви. Летописец рассказывает причину: Святополк, князь туровский, был тогда в Киеве, тайно сносился с боярами, и когда гроб Владимира показан был народу в Десятинной церкви, Святополк уже объявил себя киевским князем, наследником отца, и принял все необходимые меры. Из казны княжеской раздавали киевлянам дары; к Борису, повелителю сильного войска, отряженного против печенегов, отправлены были послы с известием о смерти Владимира и начала княжества Святополка. Но миролюбие Бориса не могло еще уверить в безопасности нового властелина, и, отправив послов с ласкою и дружелюбием к Борису, сам Святополк тайно явился в Вышгород избрать убийц. Путша, вероятно, знатный вышгородец, был начальником злодеев, коих имена с ужасом рассказывает летописец. Узнав о кончине родителя, Борис заплакал и печально внимал обещаниям Святополка, что за мир и согласие удел его будет увеличен. Кроткий князь отвечал, что и без того повиновение старшему брату он почитает обязанностью, и отверг предложение воинов своих идти в Киев и овладеть престолом. Остановись на берегах Альты, Борис отпустил дружины к Святополку, остался с немногими верными воинами, как будто желая доказать, что он ничего не ищет. Смирение и добродушие не спасли его: уже из Вышгорода скакали убийцы. Ночью приблизились они к шатру Бориса, который пел заутреню, и был поражен копьями, когда помолился за Святополка и лег на одр свой. Верный слуга его, богемец Георгий, хотел защитить князя и был поражен вместе с ним; злодеи позавидовали золотой гривне,

которой Борис некогда наградил Георгия, не могли сорвать ее скоро и отрубили голову уже мертвому Георгию; другие спутники Бориса также были убиты; тело Бориса завернули в шатер и на телеге привезли в Вышгород; Борис еще дышал; здесь его дорезали и тайно похоронили в вышгородской церкви Св. Василия.

Между тем Глеб муромский ехал в Киев, по уведомлению Святополка, что Владимир болен и желает видетсья с ним. Путь из Мурома был тогда водою; Глеб ехал по Волге, но в одном месте хотел проехать верхом по берегу, упал с коня, ушиб ногу и принужден был остановиться на Днепре. Здесь прискакал к нему посланник от Ярослава с известием о смерти отца и убиении Бориса. Предслава, сестра Ярослава, послала в Новгород весть о сих печальных событиях. Нерешительный Глеб оплакивал еще отца и брата, когда убийцы окружили ладьи его. Горясер, начальник злодеев, объявил смерть Глебу, и Глебов повар пронзил несчастного князя ножом; тело Глеба брошено было на берегу, но потом взято и похоронено вместе с телом Бориса в Вышгороде.

Другие убийцы спешили в Древлянскую область; Святослав, князь этой области, узнал умысел и скрылся, но за ним гнались, и он пал под мечом злодеев.

Ярослав слышал обо всем в Новгороде и не знал, на что решиться. Он готовился воевать с Владимиром; наемные варяги призваны были новгородцами. Буйные воины сии не могли ужиться с гражданами, оскорбляли жен их, даже грабили дома, и в жилище новгородца Парамона дошло до драки; в мятеже народном убито было множество варягов. Оскорбленный Ярослав пригласил к себе нескольких знатнейших новгородцев, и по его приказанию они были перерезаны. Это взволновало Новгород. Ночью пришло известие от Предславы. Собралось вече; к удивлению народа, Ярослав явился туда, смиренный, печальный, плакал о гибели новгородцев, своей любимой дружины, объявил о кончине отца, убиении братьев и просил помощи. Новгородцы простили ему убийство и спешили собирать войско. Тысяча варягов и несколько тысяч новгородцев собрались под знамена Ярослава; он выступил к Киеву.

Святополк знал намерения брата. Киевское войско, усиленное наемными печенегами, сошлось с новгородцами близ Любеча; оба князя медлили: три месяца прошло в бездействии; наступила осень, реки замерзли. Киевляне начали смеяться над хромым Ярославом и дразнили новгородцев; оскорбленные насмешками новгородцы просили князя начать бой, рано поутру переехали Днепр, оттолкнули ладьи от берега и обрекли себя на смерть или победу. «Сами убьем того, кто отступит!» – кричали они и напали на беспечных киевлян. Всю ночь в стане Святополковом пили и гуляли. Святополк мужественно встретил, однако, неприятеля, сражался храбро, но был разбит и бежал к Болеславу в Польшу. Ярослав пошел в Киев, занял его и объявил себя Великим князем.

Он не ожидал, чтобы Святополк нашел помощников в Польше, и, может быть, он в самом деле не нашел бы их, ибо король польский все еще занят был войной с германским императором. Послы императора явились в Киев и предложили Ярославу нападение на общего врага. Ярослав хотел устроить Болеслава, вступил в его владения, осаждал какой-то город и возвратился без успеха. На другой год польский король помирился с императором и вошел в Русь с сильным войском. С ним был Святополк. Ярослав встретил их на Буге, был смят внезапным нападением храбрых неприятелей, разбит и, не смея бежать в Киев, только с четырьмя воинами ускакал в Новгород. Он не смел уже требовать помощи новгородцев, думал бежать за море к варягам и готовил себе ладьи. «Мы сами можем еще биться с Болеславом», – сказал унывшему князю посадник Константин, сын Добрыни. Новгородцы сделали денежный сбор, послали за варягами и готовились в поход.

В Киеве совершились между тем события неожиданные. Святополк и союзник его пришли в Киев, где Анастасий с духовенством и народом встретил их как победителей. Святополк думал, что дело Болеслава кончилось, но польский король только начинал. Дру-

жины его остались зимовать по русским городам и селениям; сам Болеслав владычествовал в Киеве, принудил Предславу быть своей наложницей и тесно подружился с Анастасием. Изменник не знает меры в вероломстве; предав родину свою, вероятно, Анастасий хотел предать Болеславу новое свое отечество. Но Святополк успел предупредить умыслы. По его повелению оставшиеся на зимовку в Руси дружины Болеслава были изменнически перерезаны: безумное дело, говорят летописцы; но сие безумное дело принудило Болеслава бежать из Киева; он захватил с собою бояр, увез Предславу, сестру ее Марию и богатства. Анастасий не смел остаться и бежал с Болеславом.

Довольно убийств, измен и деяний отвратительных; но князя киевский и новгородский не хотели мириться. Киев и Новгород еще раз сразились. Печенеги подкрепили Святополка; наемные варяги – Ярослава; дружины обоих сошлись на Альте. Там, где кровь Бориса обагрила землю, стал Ярослав и молился: «Кровь брата моего вопиет к тебе, Владыко! – воскликнул он. – Мсти ее, как мстил кровь Авеля: порази врага; положи на нем, как на Каине, стенание и трясение». Завязался бой. Такой битвы и не бывало на Руси, говорят летописцы: воины схватывались за руки и резались отчаянно; трижды уступали друг другу новгородцы и киевляне; наконец Ярослав победил, Святополк бежал, сделался болен, бредил: ему казалось, что за ним гонятся. «Бегите, бегите, о! женут, женут по нас!» – кричал он людям, которые несли его на носилках. Святополк не смел уже идти в Польшу; Болеслав, занятый другими делами, не воевал русских земель, но не отпускал взятых им в плен, не отдавал захваченного в Киеве и, завладев Червонною Русью, конечно, не простил бы зятю гибели польских воинов. Святополк бежал в Богемию; болезнь его усилилась, и на богемской границе несчастный скончался в дикой пустыне; там был он похоронен и – обременен проклятием потомства...

Рассказ о событиях после смерти Владимира кажется весьма темн, если не поясним его сообщением обстоятельств. Летописец видел в Святополке убийцу святых князей Бориса и Глеба, проклинал память его, называл его окаянным и был явно пристрастен.

Мы не знаем, оставил ли Владимир какой-нибудь устав об уделах детей своих. Уже 25 лет прошло после отправления их в уделы, и дети Владимира, при старости отца, вероятно, почитали себя уже не наместниками старого князя, но самобытными князьями. Сопротивление Ярослава доказывает это предположение. Но если и положим, что Ярослав действовал невольно, по требованию новгородцев, то есть известия, что и Святополк хотел также независимости. Тем вероятнее, что по смерти Владимира каждый из сыновей его мог утвердиться в сем образе мыслей; увидим, что впоследствии брат Ярослав объявит ему свои требования на дележ наследия по равной части. Что иное означает обещание Святополка Борису: прибавить еще к уделу, данному отцом? Но титул великого и наследство главного княжества должны были быть долей старшего в семействе: по смерти Вышеслава и Изяслава Святополк был старший брат, следовательно, он имел все права на Киев и Великое княжество. Ярослав нарушил уставы, противоборствуя ему. Он заступился за смерть братьев, но искать смерти брата, облитый кровью новгородцев, которые погубили людей, призванных им против отца. Словом, в борьбе двух братьев Святополк является едва ли не правее Ярослава; по крайней мере, дела обоих равно кровавы и ужасны. Кажется, что Ярослав понимал это и что только решительность новгородцев доставила ему победу при Любече, где три месяца стоял он в бездействии, вероятно, переговаривая со Святополком. Киевляне нимало ни гнушались Святополком, сыном князя, восшедшего на престол братоубийством, шли с ним охотно, насмеялись над Ярославом и покорялись победителю: сила казалась тогда правой – и когда она не была такой? – а для приобретения силы князя ничего не почитали непозволительным. Построение церкви успокаивало совесть; кровь за кровь требовала мщения. Не смеем объяснять смерти трех сынов Владимира мщением за смерть Ярополка от человека, признанного уже за сына Владимиром, и, вероятнее, находим причину смерти

Бориса и Глеба в какой-нибудь личной ненависти к сим князьям: они были любимые дети Владимира, а Святополка он не любил. В этом признается летописец.

Святополк Окаянный

Управление Киева Древлянской областью могло быть причиною смерти Святослава, который, не дожидаясь убийц, бежал. Борис, начальник дружин воинских, любимый ими, мог возбуждать подозрения Святополка. Точно ли по призыву Святополка ехал Глеб в Киев? Почему только на него и Святослава, ближайшего к Киеву владетеля, пало мщение Святополка и почему бежал Святослав? Вопросы нерешенные, но они заставляют нас изменить мнение о Святополке.

С ужасом взирая на мученическую кончину Бориса и Глеба, юношей добрых и прекрасных, не можем не заметить в Святополке ума, деятельности, храбрости. Он умел обо льщать народ, умел сражаться, находить союзников и средства, и если незаконное рождение и свирепый нрав были причиной его злодейств, он достоин сожаления, а не проклятия. Поверим ли летописцу, что даже могила его поглощена была землей и из бездны, куда упала она, исходил смрад?

Должны ли верить и великодушию новгородцев? Они шли защищать Ярослава, но он утвердил навсегда их права, дал им льготные грамоты, освободил от дани, был первым князем, законно признавшим их вольность, сделался через то любезным их памяти, и великодушие Новгорода поясняется политикой, не представляя романтических несообразностей в грубые, полудикие века. Разбитый Болеславом, Ярослав не думал уже требовать помощи; новгородцы видели в Киеве Болеслава и Святополка, который помнил Любечскую битву: они помогли снова Ярославу, но, помогая ему, сражались за себя и не ошиблись в расчете благодарности, какую должен был питать к их пожертвованию князь киевский. Быстро смирился после сего Новгород, становился обширен, могущ и волен.

Святополк был в могиле. Ярослав не страшился уже более никого, обладал Киевом и всеми уделами своих братьев, кроме Полоцка, где княжил род Изяслава. Святополк, Святослав, Борис и Глеб погибли в четырехлетнем междоусобии; Мстислав княжил в Тмутаракани; Всеволод уже не существовал, и самый удел его был отторгнут Болеславом. Таким образом, Ярослав мог считать себя обладателем всех уделов, кроме Полоцка и Тмутаракани, и отер пот с лица своего, показав победу и труд велик.

Но бури его княжения не утихли. Притеснением полоцкого князя со стороны Турова, поступившего во владения Ярослава, можно объяснить набег Брючислава, князя полоцкого, на Новгород. Он явился туда, как печенежский хищник: овладел Новгородом, не хотел удерживать его, ограбил и бежал; Ярослав шел ему навстречу, догнал его на берегу Судомери, отнял пленных и спешил помириться с ним, ибо опасность важная заняла Ярослава.

Мстислав тмутараканский славился уже мужеством и победами. В 1016 году он принял предложение греческого императора, отправившего в Тавриду войско и флот: дело шло о разрушении тамошней Хазарской области, последнего остатка хазарского государства, некогда столь сильного. Таврическая область хазаров, после падения волжских и донских владений, вероятно, была самобытной. Мстислав соединился с греками; в первой битве хакан Хазарский, Георгий Цула, был взят в плен, и имя хазар осталось только в истории. Тогда Мстислав обратился на покорение соседей Тмутаракани: яссов и касогов. Усилив дружины свои хазарами и кавказскими народами, он видел Ярослава на Киевском княжестве, и не хотел довольствоваться отдаленной Тмутараканой. Летописи не говорят ни о переговорах, ни о требованиях его, и кажется, что Ярослав едва успел управиться с Полоцком, не мог еще и возвратиться в Киев, когда ладьи Мстислава явились на Днепре и Десне. Мстислав занял Чернигов. Ярослав был в Новгороде и звал к себе толпы варягов. Якун, ярл варяжский, носивший золотую повязку на больных своих глазах, но славный мужеством, пришел с варяжскими дружинами к Ярославу. Скандинавы сразились с жителями Кавказа и Тавриды близ Листвена ночью, во время ужасной грозы: на небе блистала молния, на земле мечи; велика была гроза, сильна и страшна сеча. Но варяги не устояли; Якун потерял даже свою золотую повязку; Ярослав скрылся в Новгороде и не верил миролюбию Мстислава, немедленно предложившего мир, с условием раздела русских владений. На следующий год заключили в Городце мир достопамятный, ибо им положено было основание делению областей, впоследствии бывшему источником ссор и междоусобий.

Положено Киеву быть владением старшего брата, Чернигову – младшего; Днепр поставлен между обоими княжествами так, что Мстислав получил все, что находилось по левую сторону, Ярослав все, что было на правой стороне. С того времени область Северская, Суличская, Радимичская, Витическая, Ростовская и Муромская стали считаться Черниговским княжеством. За Киевским княжеством остались области: Киевская, Древлянская, Дреговичская и туrowsкая. Ярослав мог иметь надежду усилить свои области обратным завоеванием волынских владений, ибо смерть Болеслава передала правление Польши, терзаемой внутренними смятениями, в руки сына его Мечислава, государя слабого. Мстислав соединил черниговские дружины с киевскими и помог брату своему возвратить завоевание отца их, Червенскую область.

Ярослав-законодатель

«Мирно бысть, – говорит летописец, – Мстислав, имевший уже сына, Евстафия, и сам еще сильный и крепкий, мог думать, что черниговское княжение надолго останется в роде его». Но в 1033 году Евстафий скончался, а через два года и сам Мстислав, выехав на охоту, разболелся и умер неожиданно. Князь храбрый и добрый, лучший из князей своего времени и последний из потомков скандинавских, ибо времена и нравы изменили всех других князей и потомки не походили уже на железных предков своих.

Немедленно присоединил Ярослав черниговское княжение к Киеву. Еще был жив брат его Судислав, остававшийся без удела. Он мог мешать Ярославу, и – вечная темница была уделом Судислава. 24 года несчастный сидел в тюрьме, оклеветанный, говорят летописцы, «честолюбием своего брата», можем прибавить. Племянники освободили его по смерти Ярослава, и монастырские стены были последним пристанищем его старости. Новые преимущества утвердили тогда дружбу новгородцев с Ярославом: он отвез им старшего сына своего, Владимира, и Новгород охотно признал Владимира своим князем; тогда поставлен был в Новгород первый епископ, Лука Жидята: отличие важное, уравнивавшее новгородцев с киевлянами, не хотевшими уступать Киеву никакой почести.

В 1030 году новгородские дружины ходили в Чудскую землю и срубили там город Юрьев (нынешний Дерпт); он давал им средства собирать дани с жителей окрестных земель. Тогда же новгородцы пробрались с товарами и с мечом в отдаленный Югорский Север и наложили дань на обитателей берегов Печоры. Ездя через Волок от Онеги до Двины, они назвали всю восточную от него страну Заволочьем. В 1042 году они ходили в нынешнюю Финляндию и сражались с ямью, народом финским.

В Новгороде Ярослав услышал о сильном набеге печенегов и спешил в Киев. Многочисленные печенежские вежи, бывшие уже под самым Киевом, не устояли против сильных дружин Ярослава, были разбиты, разогнаны и никогда уже не являлись в Россию, ибо половецкие орды пришли тогда от Дона и Волги и закрыли путь от Днепра и Дуная, покорив и

истребив печенегов. В борьбе двух варварских народов Русь думала видеть свое спасение и обманулась в надежде.

Безопасный, хотя на время, со стороны юга Ярослав хотел большей безопасности с запада. Еще в 1038 году наказал он дерзость ятвягов, неукротимых, диких соседей Древлянской области, а в 1041 году сражался с жителями Мазовии, обширной страны по обоим берегам Вислы, соседней к Туровскому владению. Мазовшане отделились от Польши после Мечислава; Моислав был их начальником и воевал с Казимиром, внуком Болеслава, который, по желанию немногих верных подданных отца своего, взошел на польский престол, но не имел сил подкрепить государство, расстроенное слабостью Мечислава и слабым правлением королевы Риксы, после него правительствовавшей. Казимир предложил дружеский союз Ярославу, и русский князь умел употребить предложение Казимира в пользу Руси. Казимир женился на сестре Ярослава Марии, некогда уведенной в Польшу дедом его. Ярослав помог Казимиру покорить Мазовию и был награжден возвратом русских, бывших в плену у поляков, также утверждением за Россией городов червенских. Удел Всеволода снова принадлежал России.

Тогда только мог Ярослав отдыхать после опасностей и бедствий. Он был уже отцом шести сынов и посвятил старость свою успокоению и мирным подвигам. Русь дышала свободно после переворотов быстрых, тяжких, как будто готовясь к событиям, дотоле в ней неслыханным. Тишина, какую наслаждалась она после Городецкого мира (с 1026 г.) до самой кончины Ярослава, в течение 25 лет, может быть уподоблена тишине перед бурей, разразившейся в блеске мечей, вихре страстей и волнах крови, бурей, гремевшей на Руси два века и умолкнувшей только в ночной тьме нашествия монголов.

Твердый на своем княжестве Ярослав не хотел новых завоеваний, но не хотел и простить обиды, какую претерпели русские торговцы в Царьграде, где в драке был убит какой-то знаменитый русс. Греческая империя, после смерти Василия и Константина, с которыми пресекалось мужеское колено царственных потомков Василия Македонского, 160 лет управлявших Грецией, представляла позорище странных и быстрых перемен владык империи, которые были один другого презреннее. Шестидесятилетняя Зоя, племянница Владимировой супруги, Константин Мономах, больной старик, муж ее, и любовница Константина правили государством, когда Ярослав отправил воеводу Вышату и Владимира, сына своего, под Царьград с сильным войском. Буря разнесла и сокрушила русские лады; некоторые спаслись, сражались с греками и разбили их; но 6000 человек руссов, вышедших на берег и хотевших сухим путем дойти до России, были встречены греками и разбиты. Вышата (родной сын его рассказывал летописцу эти подробности) не хотел оставить воинов, сказал: хочу погибнуть с дружиною, шел с ними, покинув лады Владимиру, сражался и был полонен. Трусливый Мономах обрадовался, торжествовал победу, говоря, что он разбил русского князя, собравшего на Грецию бесчисленное войско с полуночных островов океана, и приказал выколоть глаза многим пленникам. Нерешительный этот поход заставил Ярослава мириться. Мономах и без того соглашался на всякое удовлетворение, но юный Владимир не хотел идти на мир и требовал непомерной дани: по 3 гривны золота на каждого из бывших с ним воинов.

Мирно провел остальные годы Ярослав. Он с особенным благоговением занимался благолепием церковным, воздвигнул в Киеве соборную церковь во имя Софии Премудрости Божией (на том месте, где разбил печенегов в 1036 г.) и учредил в Киеве митрополию. В 1039 году упоминается уже в летописях митрополит Феопемпт; в 1051 году поставлен был в митрополиты Иларион, простой иерей, природный русс, живший пустынником на берегу Днепра в пещерке, где впоследствии поселился св. Антоний и основан был знаменитый Печерский монастырь. Летописец хвалит Ярослава за устройство первых монастырей в Киеве: Св. Георгия и Св. Ирины. «При Ярославе, – говорит он, – черноризцы начали множиться: он любил церковные уставы, любил священников и особенно черноризцев; читал духовные

книги днем и ночью, велел их списывать, переводить; украсил Св. Софию золотом и серебром, строил церкви, ставил священников и давал им уреченное содержание, радуясь многочисленности церквей». Ярослав подтвердил и увеличил права духовного суда, установленного Владимиром. Уверенный, что крещение спасет от гибели вечной, он вырыл кости дядей своих, Ярополка и Олега, крестил их и положил в Десятинной церкви, где был похоронен Владимир.

Но кроме подвигов благочестия, Ярослав ознаменовался в памяти народной и гражданскими учреждениями. Вероятно, смешивая известие летописцев о правах, данных Ярославом Новгороду, с законами, которые собраны и списаны были там под именем Русской Правды, приписали впоследствии Ярославу эти законы, ясно списанные в разные времена и драгоценные для нас, ибо они изображают век, нравы, обычаи, дух древних руссов. Ярослав заботился и об украшении городов: Киев был обведен каменною стеною в 1037 году, и одни ворота в этой стене названы Золотыми; над ними построена была церковь Благовещения.

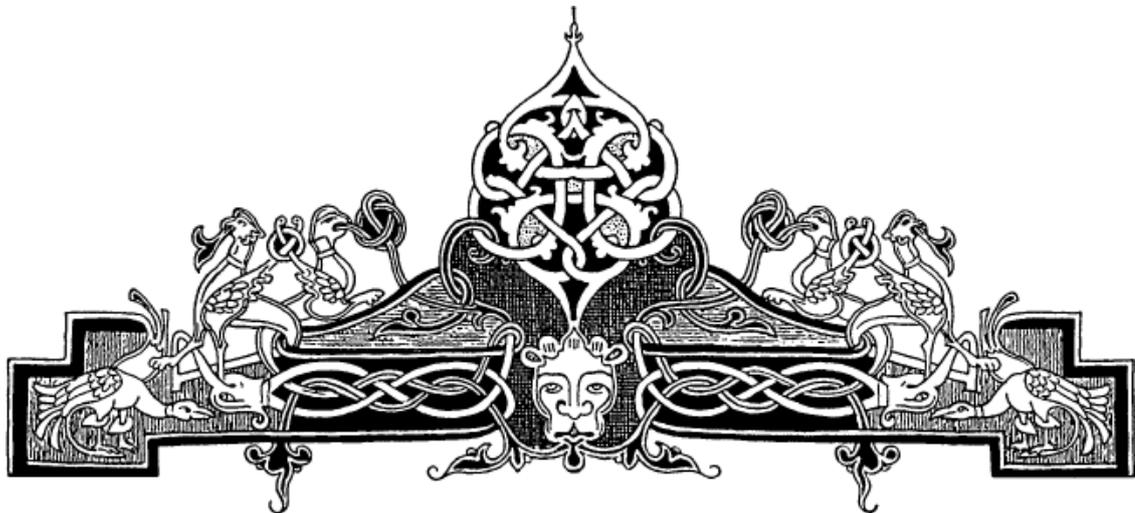
Еще до смерти своей Ярослав разделил государство на отдельные княжества. Изяслав был уже князем в Новгороде вместо Владимира, умершего в 1052 году; но отец завещал Изяславу Киев, Святославу Чернигов, Всеволоду Переяславль, Вячеславу Смоленск, Игорю Владимир. «Любите друг друга, – говорил он детям, – помните, что вы братья одного отца и одной матери: тогда и Бог будет в вас, покорит вам противные и будет мир между вами. Но при ненависти погибнете вы и погубите землю. Место отца да заступит вам старший брат». Ярослав заповедал сынам: не преступать предела братнего, не изгонять одного другого, а Изяславу защищать обиженного.

Уже больной поехал он в Вышгород со Всеволодом, любимым сыном своим, и там скончался. Тело его привезено было в Киев и положено в Соборной Софийской церкви.

Соображая историю Ярослава, нельзя не удивляться сходству характера его с характером Владимира и сходству событий в княжение того и другого. Так справедливо, что человек творит события! Оба в бурях междоусобий вступили на престол, обрызганный кровью братьев; оба были жестоки и нещадны, приобретая власть; оба умели быть кроткими после приобретения оной и, не бывши Олегами и Святославами, не отличаясь дикой храбростью, умели поддержать крепость Руси, твердость ее владений. В руки обоих провидение вверяло обладание всеми русскими княжествами; оба стремились к единодержавию при жизни и делили государство после смерти. Владимир, просветив Русь христианским законом, оказал услугу незабвенную; Ярослав поддерживал христианство, распространил его, и в шестьдесят лет, протекших от принятия веры до кончины Ярослава, христианство было укоренено в Руси, обещало добра в будущем, ведя к образованию народы полуварварские, соединяя их одним законом так же, как они соединены были одним языком.

Не Владимира, не Ярослава должны винить в ошибках политики и в преступлениях, но дух времени. Феодализм, губительный и страшный для государей и подданных, во всей Европе тогдашней был причиною дележа областей наследникам и везде причинял такие же бедствия, какие видела от него Русь. Провидение хотело, кажется, оставить Новгород среди кровавого моря, покрывшего всю остальную Русь в битвах междоусобий, как признак неизменного характера руссов, как точку соединения с Европой, ибо Европа скоро потеряла Русь из вида, и Греция не узнавала земли, грозившей некогда Царьграду своим оружием. Счастливая судьба давала случай Новгороду возводить на киевский престол Владимира и Ярослава. Оказывая такие заслуги киевским князьям, Новгород требовал от них только независимости, получал ее и умел сохранять.

II. От разделения России на уделы до перенесения Великого княжества из Киева во Владимир-Залесский (с 1055 до 1157 года)

Глава 1. История Европы в IX и X столетиях

Два столетия протекло от поселения скандинавских выходцев на землях, по их имени получивших название Руси, до кончины Ярослава, восьмого князя из поколения этих воинственных пришельцев, сделавшихся оседлыми жителями и повелителями славянских и других народов, первобытных обитателей покоренных руссами земель.

Изобразив вначале характер завоевателей-варягов и завоеванных ими народов, узнав первобытное общество, из покорителей и покоренных составившееся; обозрев потом историю этого общества до половины XI века, мы должны здесь остановиться, ибо здесь изменяется сущность событий в истории русского народа. Новый порядок дел представится нам. Приготовимся к уразумению его взглядом на минувшее, уже изложенное нами.

Не для того должны мы здесь остановиться, что в грядущем, более 150 лет продолжавшемся периоде, увидим кровавые ужасы междоусобий; что мы должны как будто приготовиться к бесстрастному созерцанию их, ибо иногда сердце наше невольно содрогнется, внимая дееписанию. Нет, как хладны останки давно истлевших наших предков, так хладнокровен должен быть наблюдатель, ищущий в дееписаниях истины и внимающий гласу Истории. Вещает она, и мы безмолвствуем: только внимаем ее глаголам, только ищем истины в повести времен прежних, в рассказе о делах лет минувших. Период, который мы уже обозрели, являл нам ужасы злодейств, волнения, битвы смертельные: они тревожили нас, но не уклонили от истины и бесстрастия; будем такими же наблюдателями и для грядущего.

Но мы останавливаемся здесь, желая обозреть, что, собственно, представило нам в Истории русского народа время, протекшее от половины IX до половины XI века? Так путник обозревает пространство, им пройденное, готовясь по верному на него взгляду вернее направить дальнейший свой путь. Желая вполне узнать связь и следствия событий, взглянем прежде вообще на историю Европы в этих веках.

Два столетия, девятое и десятое, были для всей Европы веком перехода народов-истребителей древнего гражданского общества к новому образованию обществ: оно долженствовало явиться и явилось новое, и с ним все прежнее изменилось: государства, языки, законы, нравы, обычаи, вера. Посему Древний мир казался в глазах современников отделенным от их мира необозримой бездной. Но этого в самом деле не было, ибо в природе нравственной, так же как в физической, нет перерывов. Мир Древний родил Новый: прошедшее всегда чревато настоящим, как настоящее будущим. Только связь событий сокрыта была от глаз человека, косневшего в одном настоящем. Нива судеб Божиих была глубоко вспахана, прорезана глубокими браздами и засеяна семенами тучными и свежими. Как снег, благотворный прозябанию, пали на нее Средние Времена – века варварства, тьмы нравственной, хлада и оцепенения общественной жизни, под которыми таились первенцы новой весны человечества. Таким образом, цепь бытия, соединявшая мир Древний и мир Новый, не была разорвана; вследствие этого там, где древле все цело и зеленело, должно было прежде других стран возникнуть и процветать новым злакам.

Где сосредоточивался и развивался мир Древний? На западе и юге Европы. Если бы надобно было одной резкой чертой обозначить древнюю Европейскую Историю, мы ее назвали бы историей Рима. Собственно, вся древняя История нашей части света, в отношении к Истории новой, заключается в двух событиях: возвышении и падении Римского государства. Оно отодвинуло и сжало своими заветными границами остальных обитателей Европы, и поэтому с его разрушением долженствовало быть противоположному действию: так и было. Обломки Рима явились как бы островами среди океана варваров, Араратами, на которых останавливались ковчеги бродящих народов, и вновь заселялись древние страны, пока воды, разделявшие их с новыми, не слились в свой предел.

Не такова была судьба русских земель. Океан безвестный скрывал все Закарпатские страны от древних, и только гроза волн его страшила по временам Древнюю Европу диким народонаселением этих стран. Буря, возмутившая древние народы Европы, извергла в среду их обитателей Скифии, и народы, переходившие через Скифию. Тогда все пространство земель, именовавшееся некогда Гиперборейским, Скифским, Сарматским, можно было уподобить стране, с которой слились воды морей, земле, уже видимой, но не устроенной, для которой суббота успокоения отодвинулась от Европейской многими веками.

Вот главное различие Истории русских земель от истории южных и западных земель Европейских. Когда на юге и западе Европы варвары уже гордились именем римлян, устраивались общества гражданские и политические, на скифских степях и в дремучих сарматских лесах кочевали и постоянно жили орды азийские: хазары, болгары, угры; прозябали первородцы Европы, финны; обитали дикие племена славян и небольшие, смешанные из этих разных племен, народы, но не было зародыша единого общественного образования.

В таком состоянии находились эти земли, когда скандинавские пришельцы явились у юго-восточных берегов Балтийского моря, проникли в скифские леса, наложили иго рабства на славян и финнов, срубили городки для своего пребывания, открыли сообщения между Балтийским и Черным морями, рассыпали золото греческое от Дуная до Невы и на мечях положили начало общественного быта.

Но не так ли было и в Европе? Те же, германского и скандинавского происхождения, народы, одинаковой степени образования, духа и религии, пришли на Ильмень, Днепр и на Луару, Тибр и Гвадалквивир; одинаково и дикие славяне, и просвещенные римляне сделались их рабами. Бесспорно, но по разнице того, что было древле, прежде их, от одинаковых событий явились различные следствия.

В Европе, Западной и Южной, разрушив здание древней общественности и образования, из обломков его пришельцы создавали новые здания, так как мрамор древних храмов обсекали они на постройку новых готических замков; как базилики и пантеоны обращали в христианские церкви: стихии древние мешались с новыми, и дух нового облекался в древние формы. Но собратья преобразователей Европы на берегах Ильменя и Днепра не нашли ничего древнего: мир самобытный, новый должен был здесь раскрываться. Он начался соединением племен в общество; то, что в Европе совершилось до варваров, варвары только начали в Руси. Летопись о Ромуле, Нуме и соединении сабинов с римлянами, конченная на юге Европы за семь веков до Рождества Христова, в Руси началась в IX веке по Р. Х., Рюриком, Олегом, соединением славян с варягами.

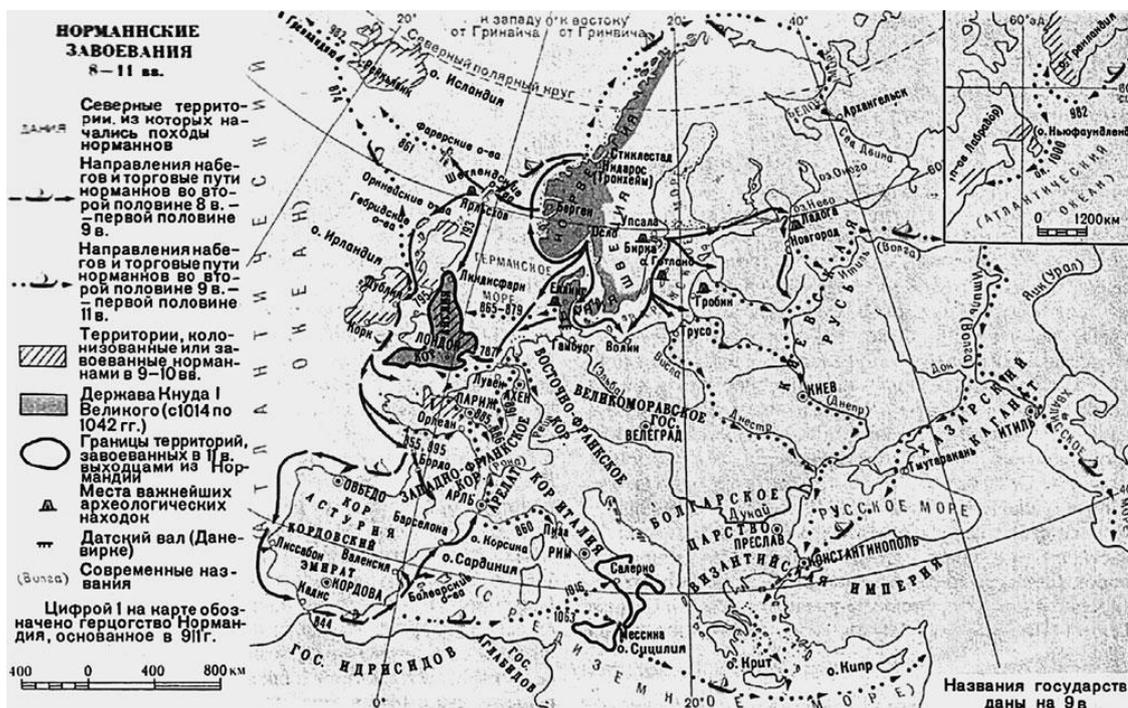
Так хронологически отделился мир европейский от русских земель. Обозрим исторические постепенности этого отделения.

Мы назвали мир Древний Историей римлян; мир Средних веков можем также обозначить одной чертой, столь же многообъемлющей, если укажем на империю Карла Великого. В самом деле, История Европы после разрушения Рима не есть ли собственно история составления и разрушения государства франков, принявшего наименование Западной Римской империи?

Карл Великий сам действовал почти пятьдесят лет; после него империя франков жила столетие; следствия ее разрушения охватили другое столетие. И только после этого начался новый период Европейской Истории.

Карл соединил в своей мощной деснице судьбу Италии, Галлии и Германии. Он слил в образовании своего государства стихии древнего мира римлян и нового мира варваров. Его ум восстановил трон, отдельного от Греции, латинского первосвященника, чтобы силой религии обладать народами и противиться правам восточной Римской империи. Из империи Карла образовались потом государства французские, итальянские и германские и заклю-

чили в себе политический быт Европы, чьи колебания и разнородные движения и изменения составляют европейские летописи с IX века до XIX столетия.

Норманнские завоевания VIII–XI вв.

Здесь средоточие жизни в новой истории Европы. Идя от него во все стороны, мы встречаем земли, история которых есть дополнение к летописям средоточия. Таковы: на юг Пиренейский полуостров, где Азия в ордах сарацинов, отбитая Францией, долго боролась с Европой; южная часть Итальянского полуострова, пространство, где Азия, Греция и Франция сражались между собой. К востоку находившиеся государства: Моравия, Богемия, Польша и государство азийских выходцев – Венгерское, были более или менее, но решительно увлечены в систему западных европейских событий. Полуострова Датский и Скандинавский – эти места, из которых явилась страшная, столь сильно действовавшая на Европу мощь, казались обессиленными и утомленными после выхода туземцев, завладевших землями в Англии, Франции, Германии, славянских землях, Италии: первобытные обиталища их подверглись влиянию политической системы Запада. Но от этой системы сохранились русские земли. Каким же образом?

Кроме того, продвижение политической системы Европы на восток встретило западные славянские государства и государство венгров, значит: поборов их, действуя на них, оно могло действовать за Карпатским хребтом, слабея, истощаясь в силе; мы показали выше этого другую еще более основную причину: здесь не было ничего древнего, на чем могло бы отразиться влияние Запада. Еще важное обстоятельство в истории русского народа, по этому отношению, находим в бытии Греции.

Что была Византийская Империя от начала IV века? Осадка веков, обломки Древнего мира, тонувшие среди мира Нового и послужившие скрытым, вещественным основанием отдельной от Запада системы народов, которую, в противоположность, назовем Восточной.

Древняя история кончилась Богочеловеком. Триста лет протекло за этим, до тех пор, когда Константин перенес вещественные формы Рима на берега Геллеспонта, вещественно сдвинул, так сказать, мир Древний с поприща, где долженствовал явиться Новый мир. Мысль обладать Римом из Царьграда не продолжалась и 100 лет. Империя Константина

Великого, из угла Фракии, не могла удержать власти над Западом, сильнейшим Востока по духу и по естественному положению более способным к соединению воедино. Но Греческая империя была способнее Запада к существованию в неизменчивости, более продолжительному. Хотя в IX веке власть над Западом была решительно для нее потеряна, Греция еще имела средства существовать после того шестьсот лет и в IX и X веках могла сильно действовать на других; но образ действий долженствовал быть здесь особенным от Запада: он был образован сущностью греческого государства и политикой, которая родилась от разных обстоятельств. Это различие между Западом и Востоком весьма важно для истории.

На Западе и на Востоке главные действователи были монархия и Церковь. Но на Западе варвары приобрели себе все могущество имени государя: франк взял праздный венец Цезарей, лежавший на опустелом их троне, и передал его потом другим германцам; на Востоке, венец Цезарей колебался, но был сохранен на главе однородца древних обладателей его. На Западе Церковь подверглась политической силе варваров, потом боролась с ними, свергая наложенное ими иго, наконец свергла и поборола их; на Востоке Церковь была раздираема внутренними раздорами, но тверда на праве старейшинства своего, постоянна в повиновении греческим императорам, и – погибла с ними. На Западе варвары из себя раскрывали новый мир в древних стихиях; на Востоке древние стихии побеждали новый мир варваров, и только возмущались, кипели от новых прибавок.

От сего явилось, что два главных действователя общественной жизни, монархия и Церковь, на Западе и Востоке сделались совершенно различны, разделились существенно.

Монарх на Западе был вождь народов, властвовавший удельными, или феодальными государствами; монарх Востока был деспот, властвовавший над рабами, хотя и часто управляемый их мечом и волей. Михаил Заика, в цепях возведенный на престол императорский, был истинное изображение греческого монарха. Хлодевих, принужденный разломать серебряную чашу для раздела с воинами, – изображение западного монарха. Мы уже говорили о соперничестве между греческой и латинской Церковью: сие соперничество, основанное на политическом начале, сильно заставляло действовать обе стороны, а на разнице политических отношений той и другой Церкви основано было различие действий их. Латинская Церковь поработала себе политическую власть над народами, принимала их народность и хотела единства только в повиновении народов ее власти, готова орудие на владык своих, западных императоров; греческая Церковь не трогала политического бытия народов, но беспримесно являлась в каждой стране, усыновляя язык каждой страны для своего служения.

Вот основной тип различия действий Запада и Востока. Подробности зависели от географических и исторических обстоятельств.

Борьба церковной, монархической, феодальной и народной силы составляла историю средоточия Европы в IX и X веках. Идите от сего средоточия к востоку, и вы заметите, как увлекающая к средоточию борьба сия ослабевала, встречалась с отдельною самобытностью народов, исчезая на пространствах новых земель, и ослаблялась тяготением древней Греции к юго-востоку. Действительно, историю Богемии и Моравии составляют решительно только усилия спасти свою самобытность и неудача сих усилий: слабая народность здесь уступила. Венгрия, более твердая характером народа, более обширная, стояла крепче, но – замечательное обстоятельство – она представляла собой смешение всех стихий борьбы средоточия Европы. Хотя Восток здесь уже превозмогал, но все еще смешивались здесь законы римские с варварскими в самых подробностях, так как и народонаселение Венгрии составляло смешение римлян, славян, германцев и восточных народов. Еще более Венгрии далекая, более Венгрии обширная, и твердая тем, что ее составлял сам собою образовавшийся в государство народ, Польша принадлежала к системе западных государств только церковным влиянием, и от того зависевшим порядком дел. Политика первобытной Польши увлечена

была в систему западную внешней жизнью государства, но уже не отражалось в ней столько много подробностей Западной системы во внутренней жизни, как в Венгрии.

Польша в начале XI века, еще не разделенная детьми Болеслава, занимала все пространство земель от впадения Одера в Балтийское море, охватывая пространство за Одером, огибая Богемию и потом идя по Дунаю до того места, где Дунай склоняется на запад от параллельного течения с рекой Тиссой. Упираясь прямо от сего места к Тиссе, граница Польши склонялась по Карпатским горам к югу, и потом к северу до Бреста, где уклонялась влево и оканчивалась при впадении Вислы в Балтийское море. Далее, пространство к югу, между Карпатскими горами, Польшей, Германией на юг и реку Саву, составляла Венгрия. Затем, к югу были славянские государства: Сербия, Булгария, где оказывалось решительно превосходящее влияние Востока.

Таким образом был расположен восточный предел власти Запада. Восток составляла греческая монархия. Мы назвали состояние Греции тяготением Древнего мира: рассмотрев сущность и историю Греции, должно согласиться, что мы имели к этому полное право. Неизменяемая религия, святыне песни коей гремели еще при первых Цезарях Древнего Рима, не знавшего западной веры, неизменяемость гражданских верований и политических действий, сопровождали Грецию до самого ее падения: как Запад парил к новому, так Греция клонилась к старому, и наконец исчезла задушенная несвойственной ей атмосферой новых изменений. Греция не распалась, но – умерла.

Она владела Булгарией со времен Иоанна Цимисхия как своей областью; Сербия и другие славянские народы до самой Венгрии ей покорялись. Она держалась еще в Тавриде. Непосредственное влияние Греции простерлось на севере от Черного моря и в Малую Азию.

Не видим ли, что географически долженствовало быть действию Греции на русские земли, и если знаем Грецию и внутреннее состояние сих земель, то можем понять, что долженствовали они явить собою от действия Греции?

Нельзя предполагать в древних славянах большей против варягов образованности: об этом мы уже говорили. Здесь было только различие народных элементов; одного, коснувшегося в Азиатской низменности нравов, другого, создавшего себе новую жизнь под хладным небом Скандинавии и жившего изменениями. Ветхий посох славянина и светлый меч варяга соединились во власти русских князей.

Варяги сначала сами не знали, куда влек их порыв необузданной воли, стремя челноки и лодки руссов, равно к берегам финским, к берегам Америки и к берегам Галлии. Они быстро двигались к югу, утвердись оседло на Ильмене; но здесь была уже цель: в Грецию было их стремление.

Если положим, что первое построение варяжского городка на Ильмене было в 864 году, то найдем, что через двадцать лет варяги уже решительно оставили свой Ильменский притон, и действия главного табора их все сосредоточивались на Днепре, в Киеве. Положив поход Аскольда и Дира первым покушением варягов на Грецию, а поход Святослава в Булгарию последним опытом борьбы с греками, видим, что целое столетие Греция составляла первый предмет действий главного варяжского стана: иначе не можем назвать русских княжеств, основанных варягами. Сии княжества были воинские шатры, разбитые по Днепру, Десне, Семи, Суле, Волге, Бугу, сообщавшиеся один с другим по рекам.

Неудача борьбы с греками способствовала действию особых причин, преобразивших между тем русские княжества с половины IX до последней четверти X века.

Варяги, и без того малочисленные в сравнении со славянами, вступлением в службу греческих императоров ослабили свои силы.

Народность славян преодолела таким образом народность варягов.

Личные выгоды князей, находя средства к изменению в патриархальном быте славян, подкреплялись примером греческого и азиатского деспотизма, изменяли норманнскую феодальную систему правительства.

В таких обстоятельствах начал княжить Владимир. При нем прекратилась вражда руссов с греками. Владимир пожал плоды от семян, посеянных до него мудростью Ольги, отвагою Святослава и междоусобием братьев. Русь получила христианскую веру от Греции, и посему мы имели право сказать, что Владимиром началась самобытность Руси.

Следовательно, нынешние причины событий на Руси, до самого Владимира, заключались главнейше в Греции. Она действовала, посредственно и непосредственно.

Успешно, хотя и неожиданно, отразив первый набег руссов при Аскольде и Дире, греки немедленно устремили на новых варваров свою хитрую политику. Через сорок лет новый набег на руссов (поход Олега) показал грекам, что обыкновенных хитростей здесь недостаточно: греки уступили руссам множество выгод. Прошло еще тридцать пять лет: политика греков занималась уменьшением сих уступок; третий набег на руссов (поход Игоря) устрасил греков; но, отразив его, Греция увидела уже важные следствия своей политики. Угры, занимавшие Олега столько лет; печенеги, занявшие его преемников; отделение варягов в Грецию; действие религии, более и более входившей в состав русских княжеств и общественное образование русских народов, все, непрерывно существовавшее, обеспечивало от опасностей. Явился Святослав – последнее усилие норманнского духа: его обратили на хазар; сего оказалось не довольно, и – открытая последняя борьба руссов с Грецией (поход Святослава в Булгарию) решила безопасность греческого государства. Владимиру сделали греки последнее пожертвование: честолюбием; борьба с Грецией кончилась: руссы начали образовываться в правильное общество. Тогда греки сделались друзьями, союзниками, учителями руссов; передавали им, с началами христианства, основания общественной нравственности; умели отделить Русь от системы Западной Европы; вводили нужнейшие знания, художества.

Главное орудие непосредственного действия греков составляли соседние с руссами азийские народы. Мы уже говорили, что, кроме греческой политики, ничем другим нельзя объяснить падения донских хазар под мечом Святослава; движения угров к Киеву и потом на запад; расселения печенегов на Днепре.

Борьба с этими народами дополняет историю внешней жизни Руси до XI века. Вмешивалось ли в жизнь руссов какое-либо действие с Запада?

Крайние восточные точки западной системы, Польша и Венгрия, были заняты своими делами. Их исторические прикосновения к Руси были следствием внутренней жизни руссов.

Рассматриваемая с таких сторон история русского народа представляет нам следующие воззрения.

Географическую местность. Жизнь Руси началась с берегов Балтийского моря. Из лесов новгородских двинулись варяги на Днепр: Север предан был им своей судьбой; главное гнездо руссов утвердилось на Днепре и боролось с Грецией. Другая отрасль руссов является к югу от Ладожского озера, на мысе земли, образуемом Волгой и Окой, но вскоре исчезает отдельная самобытность оной.

Этнографическую местность. Ее составляет смешение народов, соединившихся в русском народе. Сие смешение составили славяне и варяги. Русь представляется нам в следующем отношении по гражданскому образованию: законы и учреждения преимущественно скандинавские; вещественное образование славянское.

Изобразим Русь, после всех сих соображений, исторически.

Великий князь киевский Ярослав Мудрый. Титулярник. XVII в.

Варяги, выходцы из Скандинавии, разбивают табор в землях славянских: Новгород и Киев две главные точки их действий. Они покоряют славян, соединяются с ними и устремляются на Грецию. Это заставляет их утвердить главное местопребывание на Днепре. Олег исполняет сие предопределение; Ольга скрепляет союз частей нового общества в Киевском княжестве. Греки уничтожают покушения руссов, заставляют их сражаться с соседями и способствуют внутреннему образованию русских княжеств введением веры христианской и общности. Отказавшись от воинского кочеванья, Владимир и Ярослав ищут единовластия, следуя намерениям Ольги.

Но единовластие не могло с тех времен установиться в Руси: оно было еще слишком ново для русского государства, и при том система политического быта должна была испытать еще одну необходимую степень, составляющую переход от феодализма к монархии: систему уделов, обладаемых членами одного семейства под властью старшего в роде – феодализм семейный.

Мы опровергаем всякое влияние Запада на русские земли, и справедливо. Управляемые греческой политикой, когда получили уже самобытное существование, руссы даже враждебно и неприязненно смотрели на Запад.

Только частность, местность сталкивала их с Польшей; только неудачные покушения Запада сблизиться с Русью напоминали русским о существовании западных государств. Словом, до XIII века самобытный мир феодализма варяжского, перешедший в удельную систему, решительно принадлежал к системе Востока, ограничивался ею и жил отдельной от Запада жизнью, между Грецией, дикими соседями азиатского происхождения и границей системы западных государств, под влиянием скандинавских законов, славянской народности, греческой веры.

Чем же был этот мир в половине XI века, когда Ярослав перешел к отцам, в надежде на счастье потомков? Чем он, собственно, ограничивался? Как он существовал? Что представлял для будущего?

Имя Руси, язык русский были тогда слышны от Ладожского озера до берегов Кубани и от берегов Вислы до берегов Оки. Это ввело в заблуждение новейших историков, и они вообразили себе какое-то пространное, сильное государство, гремевшее славою в трех известных тогда частях мира, соединенное узами родства с отдаленными государствами Запада. Мысль совершенно неверная! Вот географический обзор Руси после смерти Ярослава.

Главную точку жизни общественной на юге составлял тогда Киев. Сие местопребывание русских князей, огражденное храбростью Олега и Святослава, умом Ольги, Владимира и Ярослава, было жилищем великого князя, которому со времен Владимира, повиновались на западе, востоке и севере несколько окружных областей и небольших народов. Земли по правую сторону Днепра до Буга были совершенно покорны Киеву, на юге ограничиваясь чертою от вершин Прута до Роси. Далее к югу были степи с бродящими толпами разноплеменных, не подвластных руссам народов. К северу, принадлежащее Киеву Заднепровье, вероятно, ограничивалось Припятью. В этом пространстве заключались прежние области полян, древлян, волынян, отчасти дреговичей. Города Владимир, Туров, Перемышль, Червень, Луцк и другие составляли здесь опору власти Киева.

На левой стороне от Киева река Сула была южной границей власти руссов. Весь левый берег Днепра, от Сулы до Смоленска, заключая в себе прежние области суличей, северян, радимичей, отчасти кривичей, ограничиваясь к востоку областью вятичей, был Киевской областью. Смоленск составлял здесь северную оконечность; Переяславль южную; Чернигов был серединою.

Область вятичей находилась между владением Киевским и городками Муромом и Ростовом, составлявшими области руссов на Оке и Волге и повиновавшимся Киеву. Присвокупив сюда отдаленную колонию руссов в Тмутаракани, мы вполне видим пространство владений Ярослава.

Влево от Смоленска, составляя северные границы подвластного Киеву Заднепровья, было русское, но отдельное от Киева, княжество Полоцкое. Здесь Полоцк, Минск и еще несколько городов составляли феодальный союз особого княжеского семейства.

Переходим к другой главной точке общественной жизни руссов. На Волхове, близ озера Ильмень был Новгород, древнее первоначальное местопребывание варягов, оставленное ими и чрез то получившее самобытную жизнь.

Так же, как на юге Киев, на севере Новгород был средоточием, которое окружали восемь областей, заключавшие в себе к северу пространство от Невы до Наровы; к юго-западу до границы Полоцкого княжества; на юг до областей Смоленской, Муромской, Ростовской. Восточную границу, вероятно, можем здесь означить Волгой до впадения в онаю Шексны и Шексною до Белоозера. Кроме Новгорода, Ладога, Изборск, Белозерск и впоследствии Руса, Псков, и другие города, составляли опоры общественной жизни на семь пространств.

Вот все, что обнимала собственно Русь после Ярослава.

Указав границы русских областей, мы должны добавить, что под этими границами не должно разуместь постоянных рубежей, уважаемых соседями, защищенных правильно и крепко, – рубежей, за которыми начинались бы области, безопасно правимые князьями. Тацит, означив границу Германии со стороны Дакии взаимным опасением, превосходно выразил, что должно разуместь под названием предела между владениями полудиких народов. Жизнь русского народа сосредоточивалась около местопребывания повелителя. Такие места составляли Киев и Новгород. Чем далее от них, тем более слабела жизнь общественная, соединяясь, но уже слабее, около Смоленска, Чернигова, а на севере около Изборска и других городов. Переяславль, Владимир, Ладога, Туров стояли на границах; от них далеко внутри земли не было общественной жизни, ибо страх вторжения неприятелей не позволял быть здесь безопасным. Граница легко подвигалась далее в землю соседей при успехе и также легко удалялась внутрь при неудаче. С раздвижением новый город в бывшей неприятельской земле означал новую границу; старая граница становилась внутренней областью и заселялась. Ростов, Муром и Тмутаракань были собственно колонии южных руссов, сообщавшихся с этими местами через пустыни и области независимых народов и данников. Данники не составляли совершенных владений руссов: таковы были между Муромом и Черниговом вятичи; близ Туровской области и Полоцкого княжества ятвяги, голяды и другие латышские народы; близ Изборской области финны; на севере и северо-востоке от Новгородских областей другие финские и северо-азиатские народы; на восток и юг от Мурома особые народы финские и азиатские; близ Тмутаракани кавказские народы. Отдаленная Тмутаракань была вскоре потеряна для руссов; но успехи общественности в русских внутренних областях показывались именно тем, что области сближались одна с другою устройением городов, а в пространствах между городами, постепенно, сел и деревень, то есть обиталищ неукрепленных. Через сто лет после Ярослава вся область вятичей была уже русской областью; от Семи к Суле, Роси и верховью Прута устроились пограничные города. За ними к северу явилось множество других городов, возникли Курск, Стародуб, Новгород-Северский, Трубчевск, Рязань, Пронск, Москва, Владимир, Суздаль, Тверь, Торжок.

Трудно определить границы и разных областей, одна подле другой находившихся, ибо и на деле границ не было постоянных и твердых. Протяжение гор, течение рек здесь всего вернее для нас; но в сухопутных переволоках от одной реки к другой границы делаются для нас сбивчивы. Впрочем, можем предположить то же основание, какое приняли мы в границах с чуждыми народами: определялось главное место области, а пределы пространства окрест его не были определены.

В этом заключался источник браней и междоусобий. Так, Волынь всегда была причиною ссор между Польшей и Русью, а земли к верховью Волги и по Шексне – причиною ссор между суздальскими, смоленскими князьями и Новгородом.

Мы видели деление земель между Мстиславом и Ярославом: Днепр во все течение его составлял грань владений двух князей. Ярослав, давая уделы сыновьям, положил Мстиславово деление основным началом, но притом он соблюдал следующие замечательные подробности.

Старший сын его получил Киев; второй Чернигов; третий Переяславль; четвертый Смоленск; пятый Владимир-Волынский. К Чернигову причислены были Муромская, Ростовская и Тмутараканская области. Видим, что удел третьего сына составлял крайний южный предел Киева и Чернигова, с левой стороны Днепра; удел четвертого – крайний северный предел Киева и Чернигова по левой стороне Днепра; удел пятого крайний западный предел русских княжеств. Из всего можем вывести важные пояснительные подробности в подтверждение всего вышесказанного:

1. Что владения киевского, или великого, князя руссов и удельной системы, ему принадлежавшей, замыкались в пространстве от Переяславля до Смоленска и от Влади-

мира-Волынского до Чернигова и что Муром, Ростов, Тмутаракань были отдельными владениями, между которыми находились земли данников и независимых народов.

2. Что раздел Мстислава был принят в основание, и, собственно, на два княжества разделена была удельная система Южной Руси: Киевское и Черниговское, которые разделяло течение Днепра. Три другие удела составляли небольшие области, где присутствие князей было необходимо для защиты русских пределов.

Муром, Ростов и Тмутаракань причисляемы были к Чернигову, как находящиеся на левой стороне Днепра. Киеву определено было все находившееся на правой стороне от Полоцка до Роси. Но хотя Киев, обладая таким пространством, получал важное место между другими княжествами, все, казалось, он терял против Чернигова, когда этому княжеству принадлежали Муром, Ростов и Тмутаракань. Вознаграждение за эти участки составляло непосредственное влияние Киева на Новгород, предоставленное собственно великому князю. При наших понятиях о гражданской независимости нам неизъяснимо: каким образом вольный Новгород мог соединять республиканскую свободу свою с повиновением князю киевскому? Постараемся объяснить тогдашнюю идею свободы новгородской и странное сближение этой свободы с покорностью Киеву. Но прежде взглянем на характеристические отличия севера и юга Русских земель и узнаем отношения подданных к государю и одной области к другой на юге.

Наставление Ярослава сыновьям

Северная часть Руси представляла страны мрачные, дикие, болотистые или гористые. Земледелие и скотоводство там не могли существовать, и от того первородные, слабые телесным сложением жители пребывали, собственно, в растительном состоянии, бездействуя умом и общественной жизнью. Славянские племена, поселившиеся при Ильмене, составили первое начало жизни. Приход варягов привел в движение эту тяжелую стихию, и когда варяги после двадцатилетнего пребывания оставили славян ильменских, там образовалась уже общественность и нашла средства упражнять свою деятельность.

Южная часть Руси была совсем противоположна северной. Здесь тучные пажити, светлое небо, обширные, сухие степи вели обитателей с самого начала к земледелию и скотоводству. Отдаленность морей и путь к ним через кочевья диких соседей отнимали средства к торговле у первобытных здешних обитателей. Варяги, проложив пути через земли угров и печенегов, не утрущаясь и Днепровских порогов, ринулись воевать, а славянам открыли пути к торгу. Но для этого было потребно более частной свободы, более крепости в общественной гражданской и менее легких средств удовлетворять своим потребностям, а юг

не представлял ничего подобного. Варяги поработили славян, лишили их частной независимости, водили их воевать в Тавриде, Хазарии, Греции, Волыни. Кроме того, южные славяне составляли множество отдельных поколений, чуждых друг другу, враждовавших одно с другим, ненавидящих одно другое: древляне, поляне, радимичи, волыняне, составившие впоследствии области и варяжские княжества, отделялись таким образом самой своей народностью. Обилие средств жизни, при тяжелой власти повелителей-варягов, ласкало леность славянина и приучало его к рабскому бездействию.

В средние времена главным источником богатств были воинская сила и купечество. Первая осталась уделом руссов южных, и имела все неудобства, следующие за подобным средством приобретения богатства: сбор богатств в руки немногих повелителей, в скорую потерю этих при борьбе с сильнейшим противником. Северная Русь естественным положением увлечена была к купечесвенному приобретению богатств и вскоре умела она завладеть русской торговлей на Балтийском море, через южную Русь торговать с Грецией, по Волге на Восток, и через северные страны стала купечествовать в Перми и нынешней Сибири. Все к сему способствовало: близость моря Балтийского, сообщавшего Новгород со Скандинавией и Северной Европой, недостаток естественных средств жизни и удивительно расположившиеся исторические события, которые утвердили частную независимость жителей.

Здесь мы должны упомянуть о мнении тех, которые, понимая величие и значимость Новгорода, не верят, чтобы его могущество получило начало с прибытием варягов. Должно полагать, говорят они, что издревле Новгород был велик, могуч и славен. Он боролся с силой варягов; призвав варяжских князей для защиты, он сильно сражался с ними, видя покушение их на новгородскую свободу, и только ожил после их удаления на юг.

Мнение о силе, богатстве, величии Новгорода основывается на ложном понятии о древнем состоянии городов. Новейшие исследования доказывают, что не должно представлять себе Новгород похожим на нынешние наши обширные и могучие города. Пусть сообразят состояние Парижа, Лондона и других знаменитых городов в XI веке; тогда понятно будет, что называлось в это время обширностью и величиной. Нет никаких доказательств положительных о величии и значительности Новгорода до прибытия варягов. Торговля не могла даже существовать тогда среди норманнских разбоев и движения народов в Европе.

Сообразите, что более двадцати лет прошло, пока Олег оставил Новгород, и что, положив прибытие варягов в половине IX века, до кончины Ярослава, Новгород, в течение двух веков удаленный от прямого владычества варягов, имел время укрепиться и возвеличиться. За всем тем только междоусобия южных руссов могли сделать его важным и сильным. Мы видим вначале явные признаки его слабости, уступчивости, политики, основывающейся на хитрых расчетах.

Умножению сил Новгорода служили удивительно благоприятные обстоятельства исторические, скажем мы, и справедливо. Жители Новгорода получили свободу и независимость при Олеге и легко могли укреплять общность своей республики в последующее время. Походы и отдельные предприятия Олега и Святослава, слабость Игоря, краткое правление Ольги, междоусобия при начале княжений Владимира и Ярослава, удобные случаи вспомоществовать Владимиру и Ярославу при завоеваниях Киева и в бедствиях, постигавших этих князей, за что ничего, кроме свободы, не требовал Новгород, — какие события могли быть для него более благоприятны? История Новгорода есть повторение истории городских общин в других землях Европы.

Мы видели выше, что система русских областей на юге, сделавшихся княжествами по кончине Ярослава, была уже не варяжская феодальная система, но особенная система уделов, составлявших вместе нечто целое. При изменении основных начал варяжского феодализма должны были измениться и подробности. И в самом деле, опыты общественной

жизни, естественное положение земель, сношение с соседями, введение христианской веры изменили подробности с изменением основных начал.

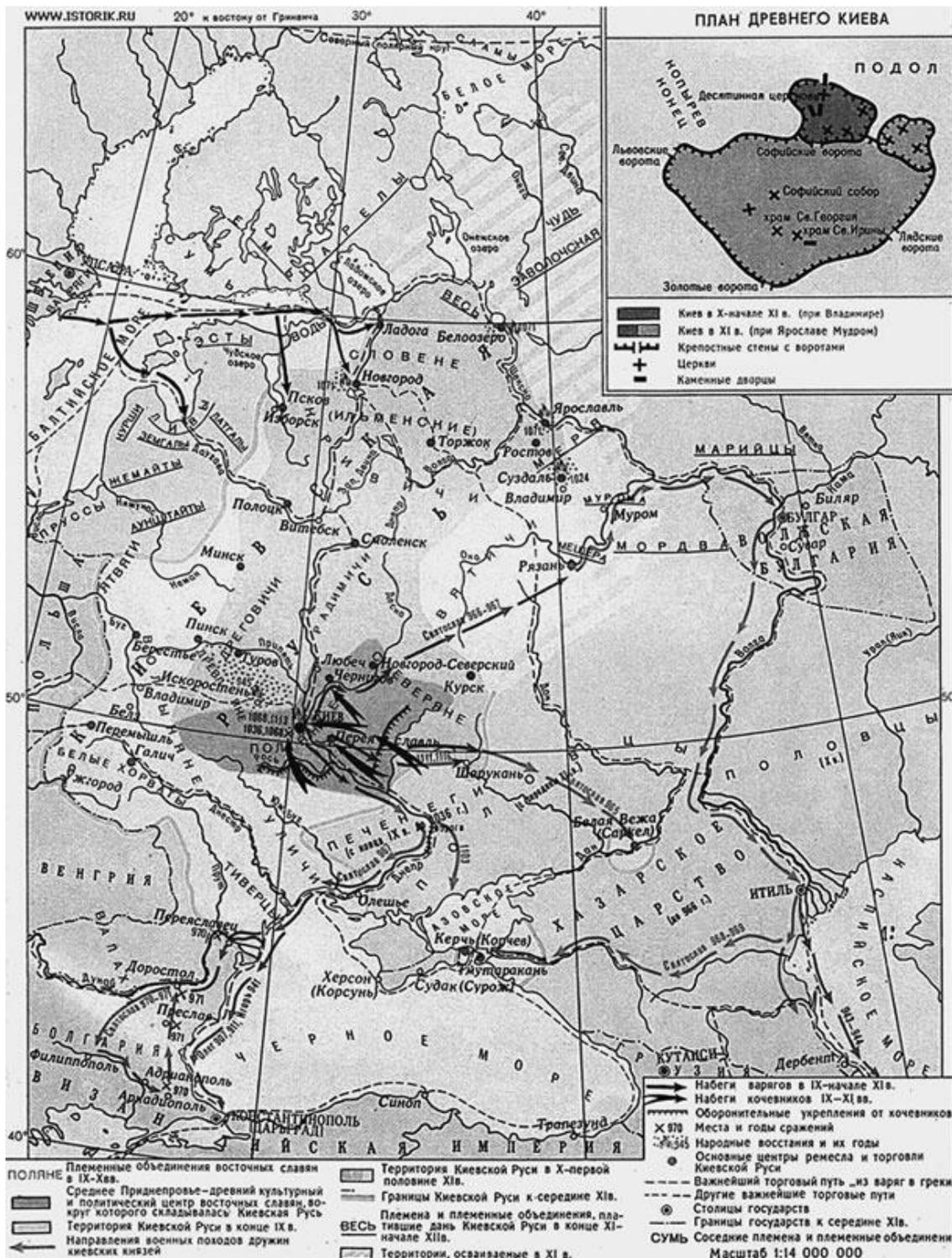
Прежде всего должно положить различие между областями, собственно составлявшими владения руссов, и данниками. Собственно владение составляло то пространство земель, на котором построены были крепости или деревянные городки, где находились воинские дружины князей, подчинявшие им окрестных обитателей. Такие области составляли округа, а несколько округов были управляемы особым князем, получавшим название удельного. При Владимире таких князей было семь, кроме самого Киевского: в Полоцке, Ростове, Муроме, Древлянской земле, Волыни, Тмутаракани и Турове. Ярослав лишился власти над Полоцком и, как мы видели, делил свои области только на пять уделов. Во всех этих областях владычествовали законы, суды княжеские, христианская вера: не было других начальников, кроме определенных великим князем, или удельными, от него поставленными.

Данники, напротив, были те области, в которых обитатели должны были вносить русским князьям известную подать и по требованию их идти на войну, не обязываясь ни к чему более, имея своих князей или повелителей, имея полную волю принимать или отвергать законы, установления, веру руссов. И эти обязанности казались иногда слишком тяжки народам, платившим дань; от этого возникали бунты, требовавшие усилий к усмирению и новому покорению народов. Сначала вся власть варягов над славянами состояла в подобных условиях дани и покорности. По смерти Ярослава в этом отношении к южным руссам находились народы латышские, кавказские и некоторые азиатские народы; к северным – народы финские. Через 100 лет после Ярослава область вятичей, стесняемая раздвигающимися к ним с двух сторон от Чернигова и Мурома границами русских княжеств, вошла в разряд княжеств. Междоусобие не допустило, напротив, такого раздвижения границ к северу от Турова: латышские народы решительно свергли потом иго руссов и составили сильное Литовское государство, игравшее столь важную роль с XII века. Данники северных руссов, разбросанные на необозримом пространстве Финляндии и Заволочья, также никогда не входили в состав собственно Новгородской республики.

Желая узнать политический состав Новгорода и его отношение к русским князьям, должен прежде всего пояснить понятие, какое имелось о гражданской свободе в древние и средние времена.

Древние, собственно, не знали идеи частной гражданской свободы: они имели только идею независимости народной. Так, в Древней Греции, в Древнем Риме мы видим только государственную независимость и то или другое звание граждан, повелевающее всеми остальными. Другое новое понятие о частной свободе родилось в Германии и Скандинавии: здесь каждый член общества был независим от всех других и не было различия патриция от плебея, ибо вождю все повиновались условно, только в деле, были судимы избранными из среды граждан людьми. С покорением разных стран германцами и скандинавами эта идея независимости и личной свободы родила идею феодализма со стороны сопутников вождя в завоевании, с которой началась борьба идеи единовластия, явившейся от нового положения, в какое поставлены были вожди германцев и скандинавов при завоевании разных древних государств Европы, где преобладала идея единовластия. При этой борьбе явилось средство для свободы и покоренным германцами и скандинавами народам. Это средство открыли они в освобождении городов и составлении городских общин.

Время после падения Римской империи, когда, говоря словами одного великого нашего современника, «единство политическое погубило; неисчислимое множество народов, различных происхождением, нравами, языками, жребием, ринулось на позорище; все сделалось местным, частным; всякое обширное понятие, всякое установление общее, всякое обширное, общественное уравнение исчезло», система освобождения городов возымела свое начало.

Киевская Русь в IX – начале XII в.

Поставленные между властью государей и силой феодальных властителей, жители городов, или туземцы, сделались страдательным лицом. Ища безопасности, они принуждены были отдаваться в покровительство сильнейшего, и этот сильнейший не всегда был государь той или другой страны: часто ближайший к городу барон, или феодальный властитель замка, брал на себя защиту города, взимая с него денежную плату. Это был первый шаг к покупке позволения укреплять города, а потом к покупке разных преимуществ для гражд-

дан. Обезопасенные от бедственных набегов, города приобретали более и более свободы; хитро умели пользоваться ссорами феодальных владетелей с государями; обязывали граждан к общей защите, и наконец с XI века укрепленные, богатые города начали покупать себе решительное право иметь независимые ни от кого общины и права гражданские. Они представили собой феодальные владения, которые на известных условиях признавали власть государей, обязывались помогать ему войском, но имели своих судей, свое войско, могли защищать свои права, объявлять войну, заключать мир; никто, кроме общины и избранных ею судей, не имел права на жизнь и имение гражданина.

Если представить историю Новгорода, невольно изумляешься сходству ее с историей свободных городов в Италии, Франции и Германии; здесь не было подражания, но только одинокие обстоятельства произвели одинокие следствия. Не менее изумительно и сходство прав и новгородских преимуществ с правами и преимуществами вольных городов в Италии и Франции.

Само по себе разумеется, что эти права были приобретаемы новгородцами постепенно. Олег удалился, но обложил их походной данью; Ольга еще прямо предписывала им законы; при Святославе они грозили уже выбрать себе князя по воле; Ярослав сложил с них дань и дал им льготные грамоты; в деление уделов сыновьям его Новгород уже не был включен, но все же он оставался подчинен князю киевскому. Увидим впоследствии, как присвоил себе Новгород права более обширные, возбуждавшие ненависть к нему других руссов. Вторая половина XII и начало XIII века были самой блестящей эпохой независимости и силы Новгорода.

Льготные грамоты Ярослава не дошли до нас. Древнейшие договорные грамоты новгородцев с князьями, которых они принимали к себе, относятся к середине XIII века, значит, они могут дать нам только приблизительное понятие о конституции новгородской и изменениях ее при Ольге, при Ярославе и в середине XII века. Вот основание договоров Новгорода с князьями с середины XIII столетия:

1. Князь предводительствует войском, имеет своих бояр и чиновников, но без новгородского слова войны не замышляет и только по решению Новгорода объявляет войну.
2. Новгород платит ему условленную часть их пошлин, даней и доходов.
3. Князь имеет право приставить для этого своих чиновников.
4. Судьи и гражданские чиновники избираются Новгородом, и князь и никто из его приближенных, ни в избрание, ни в суд не вмешивается и самосуда не имеет.
5. Без посадника князь не может давать никому ни волостей, ни наград и ни у кого ничего взять и отнять не может.
6. Князь пользуется охотой, рыбной ловлей и даже заготовлением себе припасов на известных условиях.
7. Ни князь, ни чиновники его не имеют права брать подводы, кроме ратного случая.
8. Донос раба или рабыни князю не приемлется.
9. В договоры с князьями и иноземцами князь не вступается.
10. В торговлю не имеет он права вмешиваться: ни останавливать ее, ни приставлять своего пристава.
11. Кто из чиновников или ближних князя своей обязанности не исполнил, того новгородским хлебом не кормить, и, при посредничестве князя, быть тому судимым Новгородом.

Что ж после этого значил князь новгородский? Он был полководец, которому платили в жалованье часть государственных доходов. Но как объяснить ту покорность, какую оказывали князьям новгородцы на словах и на письме? Духом времени, понятиями людей о предметах, различными в разные времена. Афинянин, раб какого-нибудь хитрого Перикла, называл себя свободным, а вольный новгородец, ограничив власть князя, свергая его при первой прихоти, кланялся ему и скреплял постановления именем князя.

Опровергнув ложное понятие о власти князей новгородских, рассмотрим сущность новгородского правления.

Мы заметили сходство истории Новгорода с историей городских общин в разных местах Европы; сказали также, что и конституция Новгорода была подобна их конституциям. Князья окружные были то же в отношении к Новгороду, что бароны из Сен-Кентена; князь киевский то же, что короли французские для сих городов.

Основание силы новгородцев составляет сам Новгород. Он обладал обширным пространством земель, которое выше было нами обозначено. Каждый оседлый новгородский гражданин считался человеком свободным и свободно подавал свой голос в общем деле, свободно противился мнению другого и должен был уступать только большинству голосов. Новгород делился на пять частей, или концов; кроме того, пространство земли на несколько верст вокруг называлось городским станом. На главной городской площади, близ Софийского собора, висел колокол. Звон этого колокола возвещал гражданам, что их призывают на вече, или совещание. Тогда со всех концов шли на площадь граждане, им предлагали дела, выслушивали их решение, и определяли их исполнение.

Владения Новгорода так же, как на юге, состояли из областей и данников. Новгород не был включен в число областей. Это и другие обстоятельства заставляют думать, что жители этих областей не уравнивались с жителями самого Новгорода, хотя так же как новгородцы, повиновались только новгородским уставам. Данники новгородские обязывались единственно платить дань и давать войско и не пользовались никаким правом гражданства.

Все, и сами новгородцы, и жители областей, вносили ежегодно известную подать. Из этого составлялась общественная казна, хранившаяся в соборном храме Софийском. Решению веча народного подлежали все государственные вопросы: заключение мира, объявление войны, избрание князей, владык новгородских, чиновников, награждение заслуг, суд над общественными преступниками. Новгородское вече было шумно и буйно. Часто доходило до ссор, драк и убийств. Вообще, две народные партии существовали в Новгороде: людей торговых и аристократов новгородских. Первые вообще жили на Торговой стороне, по эту сторону Волхова, разделяющего Новгород на две половины; другие занимали Софийскую сторону. С шумом бросаясь на противников, аристократы теснили их иногда на Волховский мост от Софийской церкви. Торговая сторона подкрепляла своих, и мост делался ареной битв и смерти.

Для обыкновенного управления дел новгородцы избирали посадников. Не знаем числа этих чиновников и времени, на какое они избирались; но, кажется, посадник в мирное время избирался ежегодно, и один. Вече могло продолжить его выбор, могло и до срока сменить его; при войне или в необыкновенных случаях число посадников умножалось, и иногда доходило до пяти, т. е. каждый конец избирал своего, ибо каждый конец имел право собирать свое частное вече. Посадник, поступая по силе законов и уставов и исполняя решения веча, имел власть неограниченную, власть над именем и жизнью граждан. Отряжаемый в город или область, посадник представлял собою вполне новгородское вече.

Другое важное лицо в Новгороде составлял владыка, или епископ, впоследствии архиепископ Новгородский. Он был избираем голосом веча по жребию из нескольких духовных особ, признанных достойными выбора. Самовластно управляя духовенством, церковными судами и совестью граждан, получая десятины со всех доходов, владыка участвовал во всех государственных делах с посадниками и председательствовал на вече, был примирителем партий и душой советной думы посадников.

Совет посадников составляли тысяцкие, избираемые в известном числе и бывшие сотрудниками и помощниками их. Грамоты новгородские всегда начинались словами: «Благословение от Владыки, поклон от Посадника, от всего Новгорода». Но часто после имени посадника упоминалось имя тысяцкого, вероятно, старшего пред другими. Кроме тысяч-

ских, были меньшие чиновники: сотские, и иногда, после тысяцкого, в грамотах писали: «и от сотских». Все эти чиновники были избираемы на время. Люди, служившие несколько раз, именовались степенными, старыми, большими, а знаменитые граждане – людьми житыми. Имея право покупать рабов, получая доходы с волостей, которые иногда даваемы были в награду заслуг, все эти люди составляли партию аристократов Софийской стороны.

Из договоров с князьями мы видели сущность власти князя в Новгороде. Его избирало по воле своей вече, и после такого избрания он именовался новгородским князем. Его предводительству вверялись новгородские дружины, он был в числе важных совещателей на вече, но мог приобрести значительность только достоинствами, умом, заслугами или хитростью и лестью гордому вечу. Его окружал пышный двор, составленный из бояр, гридней, отроков княжеских. Получая большие доли доходов со всех новгородских областей, новгородский князь жил на княжеском дворе, известном под именем Ярослава. Но малейшее волнение вече и воля посадников, сопутствовавших ему в походах, могли остановить все его действия, суд ожидал его на Софийской площади, и низвержение могло постигнуть князя во всякое время. В новгородских грамотах имя князя не поминалось, и гражданское судопроизводство от него не зависело, хотя суд производился на княжеском дворе.

Вече. Художник А. М. Васнецов

Устройство военное и гражданское было одинаково в Северной и Южной Руси, поэтому мы будем говорить о нем вообще. Нам должно теперь обозреть государственное устройство южных русских княжеств так, как мы обозрели республику Северных руссов.

Изменение варяжской системы в систему семейственного феодализма решительно сделалось со времен Ярослава. Но все пять княжеств по смерти Ярослава составляли один общий союз. Князь киевский, именуясь великим, был главой этого союза. Полоцкое княжество не входило в этот союз: оно было независимо. Отношения удельных князей к киевскому были следующие: каждый из них считался полным властелином своего удела, имел в своем уделе право на имущества и жизнь подданных, имел свои дружины, свой двор, мог объявлять войну и заключать мир с неприятелем. В ссорах одного удельного князя с другим право на последнее прекращалось, ибо при этом случае князья должны были прибегать к посредничеству великого князя, который преследовал несправедливость и помогал обижаемому при несогласии обидчика удовлетворить требования оскорбленного им. Великий князь мог тогда

обратить дружины свои на удельного, мог приказать и другим идти на него. По его велению удельные князья должны были помогать друг другу в войнах и с внешним неприятелем. Он мог лишить удела за неповиновение, мог и переменить уделы, но с общего согласия всех князей.

Важнейшее условие этого союза состояло в том, что старший в роде долженствовал быть всегда великим князем. Поэтому не сын великого князя наследовал этот титул, но брат; после смерти братьев одного поколения вступал на великое княжение старший сын старшего из умерших братьев. В уделах, напротив, сын наследовал после отца, но он должен был давать братьям своим в уделы волости своего княжества, за что они обязывались ему повиновением, считаясь удельными в уделе.

Деление народных сословий на аристократов, духовенство и народ после Ярослава существовало уже решительно в Руси.

Но аристократизм существовал, собственно, только в отношении к народу: пред лицом князя все сливалось в одно звание: рабы. Его первый чиновник и последний смерд были пред ним равны. Сажаемый торжественно на княжеский стол повелитель дружин, судья народа, получавший от него присягу в верности и повиновении, князь был выше всякого суда народного.

Видя пороки его, народ говорил, что Бог посылает плохих властителей за грехи народа, и только бунт народный раздирал очарованную завесу княжеской власти. От всех этих обстоятельств происходило важное неудобство для неограниченной власти князей: при первой неудаче владетеля неприятель, завладев городом князя, заставлял народ присягать себе и становился в глазах подданных законным государем. Бывали примеры, что после долгой защиты князь оставлял свое княжество, чтобы привести помощь, а народ сдавался немедленно, присягал новому князю, и прежний князь, приведши помощь, встречал в старых своих подданных неприятелей, осаждал их, и люди, крепко стоявшие за него, так же крепко стояли за прежнего своего врага.

Доходы князей собирались с подданных ежегодно: в чрезвычайных случаях были особые поборы. Князь давал жалованье и награды своим чиновникам; иногда награждал их доходами с известных волостей. Гражданские чиновники имели еще доходы с судопроизводства.

Двор удельного князя. Художник А. М. Васнецов. Начало XX в.

Народонаселение главнейше заключалось в городах. Так назывались те селения, близ которых построены были городки, или крепости деревянные, где жил князь или наместник его и куда при всякой опасности укрывались из жилищ своих жители прилежащего к городу селения. Имя пригородов является в XI веке: так назывались большие селения, причисленные к городу. Именем села мы означаем селение, где находится церковь. Такие села появились после введения христианской веры. Все селения делились на округа, или верви; каждая вервь находилась под управлением сотника, или сотского. Мы сказали уже о догадке своей, что известное число вервей могло быть называемо тысячей и составлять округ города, где тысяцкий был наместником князя. Княжеским чиновникам вообще придавали имена тиунов.

Кроме княжеских тиунов, были тиуны городские, или огнищане, избираемые от обитателей города. Под их заседанием, вероятно, собирались вечи жителей для совещаний о своих делах, впрочем, не имевшие никакой общественной власти и долженствовавшие исполнять только повеленное им: это были нынешние наши городские думы.

Двор князя состоял из бояр. Этим древним названием означались почетные, отличные князем и приближенные к нему люди. Военные чиновники – тысяцкие, сотники – дополняли число придворных. Они, и вообще избранная воинская дружина князей, носили название гридни; или двора княжеского. Впрочем, с XI века это слово заменялось уже словом двор.

Кроме воинской небольшой дружины, или отроков княжеских, князья не имели постоянных войск. В случае опасности или похода жители вооружались: им раздавалось оружие, хранимое у князя и отбираемое при роспуске войска: это скандинавское обыкновение сохранялось долго на Руси.

Будучи рабами князей, тем не менее подданные его считались людьми свободными. Общее именование всех было: крестьянин, имя, испорченное из имени христианин, чем

отличали себя принявшие христианскую веру. Но звания разделялись, однако ж, на людинов и рабов, или холопов. Первые имели право торговать, приобретать имения, участвовать в советах городских. Холопы лишены были всего: так назывались люди, приобретенные людином покупкою; их имение принадлежало господину. Людином мог закабалить себя и детей за известную цену: права отца были тогда безграничны.

Важное место в гражданстве с самого введения христианской веры заняло духовенство. Вводимое сначала волею князей христианство распространилось по всем русским областям, возобладало умами, увлекало сердца, и, пользуясь сим важным средством, духовенство приобрело великие права, силу и богатство. Получая десятину, будучи неподсудна никому, кроме своих начальников, обладая умами и совестью князей, иерархия духовная была могущественна. Ее призывали в советы князей и к одру умирающего раба.

Сомневаясь в том начале иерархии, какое до сих пор предполагают, и думая, что митрополия в Киеве и епископия в Новгороде начались только со времен Ярослава, мы не имеем также верных сведений о том, когда началось и как разделялось чинопочиние духовное в других областях. Известия, из коих видно, что во время Владимира установлены были епархии в Киеве, Новгороде, Ростове, Владимире-Волынском, Белгороде и Чернигове, столь же недостоверны, как и известия об учреждении епархии в Переяславле, Хельме, Тмутаракани, Полоцке, Турове, Смоленске, Перемышле, Переяславле-Залесском в последующее время, до начала XIII столетия. Являются духовные сановники в разных поименованных нами местах, но не во всех; систематические подробности и каталоги епископов, кажется, большей частью выдуманы в позднейшие времена.

Можно полагать, что с учреждением удельных княжеств при Ярославе учреждались в каждом из них епархии, и поставляемы были епископы; значит, в половине XI века в русских землях, кроме Полоцка и Новгорода, могли быть: митрополия в Киеве и епископии в Чернигове, Смоленске, Переяславле, Владимире-Волынском. Епископии распространялись потом, по мере умножения уделов, уничтожались с уничтожением и изменялись с их изменением. Главою духовенства пребывал митрополит Киевский до самого падения Киева, после чего с великим княжеством и престол митрополита перенесли во Владимир.

История русской иерархии представляет нам следующие замечательнейшие обстоятельства.

Мы видим явную уступку греков в крещении Руси. Церковь Греческая, не противившаяся власти греческих императоров ни в чем, кроме духовных дел, перенесла свой дух в русскую землю. Тем более невозможно было думать о политическом владычестве, приводя в Святой Закон горделивого князя Владимира. Здесь была взаимность: политика греков требовала уступки; политика Владимира устраняла чуждую власть, и первую иерархию, как мы уже говорили, составили в Киеве одни простые иереи, над которыми важностью лица, а не саном, владычествовал Анастасий, духовник князя. Но, кроме власти политической, были переданы духовенству все преимущества, какими пользовалось оно в Греции: т. е. десятина и церковные суды.

Бегство Анастасия, увеличившееся число церквей, начало монастырей, лучше понимаемое величие князя требовали духовного иерарха с большей властью, большим величием. Но политика Ярослава, допуская учреждение митрополии, не дала в сем случае грекам большого преимущества; первый киевский митрополит, вероятно, был грек; в 1051 году Ярослав возвел смиренного пустынножителя в великий сан митрополита. Иларион, мирный отшельник, природный русс, без сомнения, не книжный и не ученый, и Лука, епископ Новгородский, также русс, отстранили своим избранием влияние греков. Наследники Ярослава не умели воспользоваться его примером, и греки успели наконец утвердить избрание киевских митрополитов за Царьградом. Несмотря на то, власти государственной никогда не передавали князю духовенству, тем менее грекам, и беспрерывно делали покушения: избирать

митрополитов из руссов, требуя только согласия царьградского патриарха. Новгород, присвоивший себе право избирать новгородских епископов, кажется, старался усилить влияние греков на Киев, и, пользуясь междоусобиями, спорил о зависимости Киева от Царьграда; он видел в сем деле одно из средств к ослаблению силы великих князей. Важнейшее событие было по сему отношению при Изяславе, когда жестокие междоусобия раздирали русские земли. Удаление митрополита Михаила в Царьград и кончина его побудили Изяслава, княжившего тогда в Киеве, приступить к избранию нового митрополита. Хитрый князь желал совершить сие избрание русскими епископами, не спрашиваясь греков. Но это казалось столь необыкновенно, что князь поставил сему предлогом единственно бывшее тогда в патриаршестве цареградском замешательство. Все согласились с ним, кроме новгородского епископа Нифонта, который жарко спорил, что будучи рукоположен митрополитом, который поставлен был цареградским патриархом, русские иерархи не имеют права сами ставить иерарха выше себя без благословения цареградского патриарха. Недоумевали, не знали что делать. Наконец один из епископов предложил поставить митрополита главою Св. Климента, принесенною из Херсона Владимиром. Все другие согласились, кроме Нифонта. Несмотря на его сопротивление, митрополит Кирилл, киевский схимник, был однако ж, поставлен, благословенный св. мощами, а Нифонт заключен в монастырь, откуда ушел, не признав митрополита, называл его волком, а не пастырем, именовал епископов человекоугодниками и получал из Царьграда похвалы за свою ревность, а впоследствии приобрел за постоянное свое упорство громкое имя поборника русской земли. Смерть Изяслава доставила Нифонту еще большее торжество: Георгий Долгорукий вступил на великое княжество, призвал Нифонта на совет, испросил митрополита Константина от цареградского патриарха и торжественно собрал собор епископов. Митрополит Кирилл был низвержен, лишен сана, заключен в монастырь; все поставленные им духовные чины были лишены своих мест и званий. Даже провозглашено было проклятие памяти Изяслава! Через немного времени Георгий скончался; дети и родственники Изяслава овладели Киевом. Они не хотели слышать о Константине, но не смели уже думать об отречении от Царьграда и только просили греков дать им митрополита нового. Добродетельный Константин уступил свой престол прибывшему из Царьграда митрополиту Феодору и удалился в Чернигов. Совесть терзала его в остальное время жизни, и он хотел позором на земле искупить прощение небесное. «Не хороните меня, – написал он в завещании, раскрытом после его кончины, – привяжите мне веревку за ноги, вытащите меня за горло и бросьте на съедение псам и хищным птицам: ради меня возмущена была церковь». Связанный клятвой исполнить завещания ужаснулся, но поступил по воле Константина, и тело доброго пастыря три дня лежало на распутии; странные чудеса уверили наконец в прощении небесном, и Константин был похоронен с надлежащей почестью.

Итак, в самом избрании главного начальника духовной иерархии власть князей была весьма значительна. Духовной иерархии оставалось только непосредственное влияние на политическую власть: суд совести, посредничество между князьями и вельможами, то, что принадлежало духовенству в Греции. Впрочем, и это поприще заключало в себе довольно важности и попечений, если притом духовенство являло еще собой всю ученость века и соединяло с тем исполнение трудной обязанности. К сему присовокуплялось вначале самое введение и распространение христианской веры, потом старание удалить все, хотя и отдаленные, покушения Запада, и наконец усилия основать самобытную от Греческой Церковь Русскую. Присовокупим к сему тяжкую грозу бедствий, непрерывно носившуюся по небосклону Руси до самых монголов, и внутренние смятения и неурядица в самом составе Церкви, неизбежно являющиеся всюду, где только действует человек, и значит – страсти его, не умирающие ни за монастырскими стенами, ни за тюремными заклепами...

Русь не превышала Запада образованием, просвещением, общественностью, но не была и ниже его; только политическое бытие оной было отдельное от бытия западных европейских земель и народов. Тот не знает Европы с X по XIII век, кто поставит ее выше Руси при Владимире и Ярославе. Голодные волки рыскали тогда по полям Италии, и среди развалин древних обществ возвышались городки, или замки баронов, гремело народное вече, а в обителях раздавались схоластические споры. Но равная ошибка – думать, что Русь при Владимире и Ярославе была государство сильное, единоедержавное, громкое просвещением, верою, гражданственностью. Представляя собою начатки общественности, она уступала Западу тем, что не имела важных преимуществ и средств, таившихся на Западе: древней гражданственности, древнего образования и просвещения, подобно садовым растениям одичавших среди развалин, но – не погибших. Надобно было только руке времени удобрить новую почву и пересадить растение, сделавшееся диким, чтобы оно снова и пышнее расцвело: этого Русь не могла ожидать.

Тризна над могилою князя Олега

Единство Руси заключалось в языке и религии, но не в политическом составе, не в нравах жителей – вот важнейшее обстоятельство. Правление княжеств было смешением азиатского и византийского деспотизма и скандинавского феодализма. Ничто не ручалось Руси ни за безопасность от внешних врагов, ни за мир внутренний. Ничто не обезопасило руссов и от естественных бедствий при грубости нравов, невежестве и унижении обитателей. Жестокость, свирепость видны были во всех делах. Вера христианская истребляла верослужение, но облекалась в схоластику, приводила в недоумение, пугала робкий, неопытный ум. Одна сила меча и золота всем управляла, и при сем последнем отношении не было уже спасения ни в крестной грамоте, ни в клятве, ибо клятва могла быть разрешена, успех мог привлечь верность, а построение монастыря или духовная эпитимия успокоить совесть.

Князья хотели власти, ибо думали, что для нее назначаясь провидением, они имеют право, когда имеют силу. Не держа постоянных войск, князь собирал народ, вооружал его, распускал, когда опасность проходила, брал дань, брал виру, и думал, что исполняет обязанность к подданным. Строя церковь, убивая поганых, украшая иконы, ходя к службе Божией, постясь, читая легенды и святые книги, он полагал, что исполняет обязанность христианина. Скотница с накопленным золотом и серебром, богатая одежда, погреб с медом, пивом и винами, медуша с бадьями меда, обширные заповедные леса для охоты, толпа рабов, большая гридня, красный терем, были предметами честолюбия. Отслушав заутреню и обедню, выслушав думу бояр, князь ехал охотиться, потом садился за стол, обремененный яствами, грубыми, но многочисленными, и спал после обеда. Вечер посвящался или молитве, или пиру. Опустошение; огонь и меч следовали в походах и войнах за князем и его дружиною.

Бояре, тиуны и гридня следовали примеру князя и твердо защищали его, ибо смерть, заточение, по крайней мере – разграбление, следовали после поражения их. Золото, приобретенное боярином, могло спасти его от наказания за преступление, могло выкупить из неволи, и его-то собирал он, роскошествуя и молясь, изменяя и постясь. Надобно читать летописи, чтобы видеть, как редок был тогда пример доброго боярина.

Еще тяжелее была судьба людина, смерда, погруженного в невежество, суеверного, отягченного властью князя, тиуна, боярина. Ненадежность на будущее, война, нашествие иноплеменников, голод, болезнь, пожар грозили ему ежеминутно. Религия казалась чем-то угрожающим, страшила его адскими муками за слово, дело, мысль, грех, сделанный в ведении и неведении, когда меч и врага и повелителя страшил его в здешней жизни. Оттого происходило буйство веселия, грубая чувственность, своеволие, когда можно было восстать на своего властелина, и покорность каждому из тех, кто имел силу и власть. В низкой, бедной хижине, где дым расстилался из черной печи, где вместе с ним жили и домашние животные, русс отдыхал после труда тяжкого, ибо несовершенство орудий ремесленных и художественных, малая плата и трудность сбыта произведения требовали такого труда. Он также откладывал что мог на черный день, и только на клад свой мог надеяться. Гость подвергался страшным опасностям, отправляясь на торг по лесам и пустыням, боясь монополий княжеских, разбойника, иноплеменника, неприятеля, и – даже дикого зверя. Впрочем, торговля была одним из самых важных средств добывать золото, и посему нельзя не изумляться отваге, с какою переносили все трудности и опасности торгующие руссы.

Такое состояние, всегда угрожая бедствием, переводя мгновенно из тишины и возможного счастья в положение ужасное, должно было показывать состояние духовенства, пользовавшегося многими преимуществами и общим уважением, весьма завидным. Оттого часто людин вкупался в церковные люди, старался пристроить себя к духовным людям. При тогдашнем состоянии религиозных понятий монастырь мог считаться единственным прибежищем старости и дряхлости.

Нам представляют следующий период уделов, замыкающий собою все время от 1055 до 1224 года, неожиданным изменением, тучей, налетевшей на Русь, дотоле счастливую и благоденственную: это совершенно несправедливо. Пусть думали руссы XII века, что после смерти Ярослава самые небесные знамения возвращали бедствия и ужасы. Немного надобно внимания, если пожелаем видеть, что первоначальная история Руси приготовила то состояние, картину которого мы изобразили, а рассматривая сию картину, мы понимаем – чему из этого состояния долженствовало явиться.

Могло ли быть все это иначе? Никак: бесполезна и ничтожна была бы история, если бы она не показала нам, что каждое из событий иначе быть не могло; если бы она льстила нас небывалыми картинами счастья, а не показывала нам в самых бедствиях начал добра и зла. Состояние общественности, дух времени, образ мыслей и понятий, географические

подробности, современные события в странах, окружавших Русь, должны были произвести именно то, что было в Руси.

Мог ли варяг понимать благость другого правления, кроме феодального? Мог ли великий князь русский не делить областей сыновьям, чтобы задушить через то феодализм? Мог ли князь иметь наши идеи об обязанностях государя к подданным и подданный мог ли быть привязан к государю чем-либо другим, кроме силы и меча? Могли ли духовные иерархи внушить другие понятия о религии, кроме тех, которые сами они имели? Могла ли религия истинная истребить идолопоклонство, не войдя в гражданские законы Руси? Могли ли законы быть чем-либо другим, кроме смешения законов славянских, варяжских и греческих? Никак, но почему же провидению угодно было так поздно оживить общественной жизнью обширные земли от Черного до Балтийского морей, оставляя их до IX века по Рождеству Христову невидимыми и неустроенными? Разрешение сего находим в целой истории человечества; по крайней мере, в целой Истории русского народа. Но сие оживление, начавшись соединением славянина с варягом, распространением единства языка и религии от Ильменя до Днепра, могло быть продолжено только частной, отдельною жизнью разных княжеств и взаимно борьбой их политики, мнений и выгод.

Итак – не могла исполниться молитва Ярослава, завещавшего мир и согласие детям? Не могла – для сего довольно взглянуть на политический состав тогдашней Руси. Благоговей перед судьбами провидения, обращаемся к событиям, и изучаем их.

Глава 2. Начало периода уделов

Только один, любимый сын Ярослава, Всеволод сопровождал к могиле бранные останки благовластного князя, находившись неотлучно при нем, во время смертной его болезни.

Изяслав, старший сын Ярослава, немедленно оставил Новгород, где он был тогда, явился в Киев и объявлен был, по завещанию отца, великим князем, владетелем Киева и правой стороны Днепра. Другой сын Ярослава, Святослав, начал владеть левым берегом Днепра, с названием князя Черниговского. Всеволод, страж Киева и Чернигова от диких орд Востока, сел в Переяславском своем уделе. Вячеслав, страж Киева и Чернигова со стороны Полоцка, сел в Смоленском княжестве. Игорь, страж Руси с Запада, в Волынском уделе. В Полоцке княжил уже десять лет (с 1044 г.) юный сын Брячислава, Всеслав. Новое поколение выступило на поприще жизни.

Осмелимся ли угадать, по оставшимся в летописях следам и по делам, характеры и личные отношения сих шести князей русских?

Изяслав, красивый, стройный собою, не имел ни одной из доблестей своего отца и деда. Храбрый лично, он был нерешителен; добрый душою, следовал советам других; не имел необходимой правителю твердости духа в бедствиях и, приходя в монастыри, беседуя с отшельниками, разделяя их убогую трапезу, часто жалел, что судьба определила ему быть князем Киева, а не печерским настоятелем. Слабость почти всегда бывает спутницей пороков и преступлений: увидим, куда завела она Изяслава.

Всеволод, бывший любимец отца своего, за кротость, смиренномудрие и набожность, при всех недостатках старшего брата, еще более его лишен был тех достоинств, которые составляют доблесть государей; кажется, он изменял даже наследственной добродетели варяжских князей – храбрости. Не знаем Вячеслава и Игоря, вскоре умерших; впрочем, Всеволод, Вячеслав и Игорь, будучи небольшими удельными князьями, были только посредствующие лица между князем киевским и сильным соперником его, черниговским князем.

Этот соперник, второй сын Ярослава, был противоположен Изяславу во всем. Хотя страдавший телесными недугами, но сильный и крепкий духом, честолюбивый и отважный, он привлекал своим радушием, своей разгульностью, был храбр и неутомим. Кажется, что сначала он не думал нарушать прав старшего брата: хотел только выгод, хотел управлять им – и не подорожил правами старейшинства, когда увидел, что Изяслав не способен держать кормило русских княжеств среди опасностей и бедствий, отовсюду привлеченных им на свою голову.

Князь полоцкий, родовой враг поколения Ярослава, Всеслав отличался между современниками умом, деятельностью, смелостью. С изумлением смотрели они на него, страшились его, и даже думали видеть в делах его какую-то таинственную помощь волхвования. Говорили, что мать его, при самом рождении, надела на него какую-то волшебную повязку, которая способствовала ему быть жестоким и немилостливым на кровопролитие.

Если мы видели выше, как непрочен был в политическом основании своем федеративный состав русских княжеств, как мало ручался он за взаимную безопасность и спокойствие их, то, сообразив характеры и отношения представителей этого союза, находим, что сильная опасность грозила ему от самих лиц, вступивших после Ярослава на поприще действий.

Не знаем, завещание Ярослава было ли подтверждено им при кончине, или было оно следствием распоряжений, сделанных прежде, так что Ярослав не успел кончить его решительно. Но в дележе русских земель с изумлением находим мы учиненное Ярославом важное упущение: он забыл, кажется, род мужественного Владимира, старшего своего сына. Владимир скончался за два года до кончины Ярослава, но у него остался сын, князь Ростис-

слав, юноша, подобный отцу своему и не получивший никакого удела. Не хотел ли Ярослав, чтобы этот внук его, живший в Новгороде, был князем Новгородским? Кажется, нет! ибо Изяслав был определен в князья Новгорода и из Новгорода перешел в Киев. Юный Ростислав, прежде и после оставался в Новгороде, но без удела.

Уже с 1036 года печенеги не являлись более на Руси; казалось, что само имя их исчезло. Но в восемнадцать последних лет княжения Ярослава на степях Придонских и Приволжских, вероятно, кипела смертельная брань между кочующими народами, и первый год смерти Ярослава должен был показать руссам, что гибель печенегов послужила только к усилению нового, опаснейшего племени варваров. Половцы, или куманы, пришли победителями к Днепру, гоня перед собой другие, менее значительные, кочующие народы.

Присовокупите к этому Новгород, столь слабо приверженный к Киеву, почти враждебный по различию правления, народного духа и выгод и могший усилить собою враждебного Киеву князя.

Не Изяславу надобно было воссесть на Великое княжение, чтобы в столь сомнительных отношениях русских земель удержать мир и власть. Крепкая рука, сильная душа были надобны наследнику Ярослава.

По крайней мере, только поступая совершенно справедливо, храня порядок, установленный отцом, и соблюдая дружбу братьев, мог он уберечь наследие отца...

Десять лет княжения Изяслава протекло. Все казалось спокойным; сильных потрясений не было. Но страсти не спали в эти годы; события готовились, гроза начиналась, и начала раздоров и бедствий возникали.

В 1055 году торки, гонимые половцами, вбежали в Переяславскую область. Всеволод выступил против них, разбил их толпы, и в первый раз русские дружины встретили половцев. Вежи половецкие, предводимые ханом Блюшем, на этот раз не сразились с руссами; Всеволод мирно расстался с ними; орда половцев повернула обратно в свои степи.

Вячеслав, князь смоленский, скончался в 1057 году. Он оставил сына Бориса, долженствовавшего наследовать удел отца. Но дяди не думали отдать законное наследие сироте. Не знаем, где оставался безудельный Борис; только по взаимному договору князей киевского, черниговского и переяславского, Игорь, князь волынский, получил Смоленск, а Волынь отдана была Киеву: учинено первое нарушение отцовских уставов и порядка! Кажется, что это своевольное распоряжение было следствием больших переговоров: князья хотели обезопасить себя со всех сторон. Они вспомнили несчастного своего дядю, Судислава, вывели его из тюрьмы, позволили ему постричься и заставили под клятвой отказаться от всяких притязаний на наследие отца.

Не успели князья разделить новое наследство, как Игорь, переведенный в Смоленск, скончался (в 1063 г.). Два сына его остались малолетними. Успешное начало нового дележа уделов продолжили без остановки. Дети Игоря были лишены наследия, так же как дети Вячеслава. Смоленск достался, кажется, Святославу черниговскому. Всеволод во всем соглашался с братьями, хотя не вступал в их новые приобретения и довольствовался Переяславлем. Но он просил защиты от торков, снова грозивших ему. Войска киевские, черниговские и полоцкие пошли на торков по Днепру, рассеяли торков, и этот кочующий народ погиб от жестокой зимы, голода и болезней. Бедные остатки его признали власть русских князей и держались около Днепра под разными именами. На следующий год половецкий хан Сокал явился в Переяславском княжестве; тогда в первый раз меч и огонь пали на Русь от руки половцев. Всеволод сражался и был разбит половцами; но, разграбив его землю, они удалились в свои степи.

В таких-то событиях протекло десять лет после смерти Ярослава, и взор наблюдателя открывает здесь корень всех грядущих зол.

Видим, что в эти десять лет явился новый враг руссов – половцы, и расторглось завещание Ярослава... как быстро и скоро! Три рода княжеские: сын Владимира, Ростислав; сын Вячеслава, Борис; дети Игоря, один неизвестный нам по имени и другой, Давид, были оскорблены, обделены дядьями. Возмездие не замедлило сказаться.

В одно время Всеслав полоцкий, дотоле союзник Киева и Чернигова, начал воевать, и Ростислав, сын Владимира, бежал из Новгорода. От северных пределов русских областей он пробрался в самые южные области. Несколько новгородцев явились с Ростиславом в Тмутаракани, где правительствовал Глеб, сын князя черниговского, ибо Тмутаракань принадлежала к Чернигову. Ростислав изгнал Глеба и начал владеть Тмутараканью. Святослав сам отправился из Чернигова в Тмутаракань; Ростислав не противился дяде, и Глеб снова был введен в княжество. Святославу нельзя было оставаться в Тмутаракани: в середине Руси грозила явная опасность; он спешил в Чернигов. Но едва Святослав оставил Тмутаракань, как Ростислав вторично изгнал сына его. Можем понимать смелое предприятие Ростислава: он хотел, кажется, быть вторым Мстиславом для Киева или Чернигова. Между тем как Всеслав грозил князю киевскому и князю черниговскому из Полоцка, Ростислав собирал дань с касогов, таврических хазар и готовил дружины. Греки, жившие в Тавриде, устрашились нового врага, и один из греческих чиновников решился погубить Ростислава изменою. На пиру, где Ростислав веселился с дружиною, злодей предложил пить за здоровье князя, отпил половину чаши, влил тихонько яд и поднес Ростиславу, потом бежал в Херсон и предрек кончину Ростислава. Ростислав умер в восьмой день, оставя трех сирот, сыновей: Рюрика, Володаря и Василька. Провидение назначало их на бедствия и на честь: Глеб снова начал правительствовать в Тмутаракани.

Между тем, дерзким предприятием Всеслав возобновил память злодейства своего отца Брючислава: неожиданно напал он на Новгород, завладел им, ограбил жителей, церкви, снял даже колокола и увез паникадила из Софийского собора и сжег множество домов. С ужасом думали новгородцы, что еще за четыре года это бедствие предвещало им обратное течение Волхова, бывшее целые пять дней. Действуя соединенно, князья киевский, черниговский и переяславский вошли в Полоцкую землю и осадили Минск. Жители защищались отчаянно, но были одолены: мужей перерезали, жен и детей взяли на щит. Всеслав укрылся от врагов близ Немана. Там преследовали и нашли его князья. Несмотря на глубокий снег (в марте 1066 г.), началась битва жестокая; Всеслав был разбит и бежал.

Князья спешили возвратиться восвояси, ибо половцы уже готовились к набегу. Но побежденный Всеслав еще страшил князей: ему предложили мир и личное свидание, присягнув на Святом Кресте, что никакого зла он не должен бояться. Всеслав поверил клятве и явился в табор Изяслава, бывший близ Смоленска. Едва вступил он в шатер Изяславов, как был схвачен с двумя сыновьями, закован, отвезен в Киев и посажен в темницу.

Довольные успехом вероломства, князья не боялись больше Всеслава и хотели отразить половцев. Половецкие орды были многочисленны и уже не думали скрываться; на Альте, памятной убиением Бориса и победой Ярослава, сразились они с русскими князьями. После сильной битвы половцы обратились по следам Святослава, грабили и жгли окрестности Чернигова. Святослав решился на отчаянное дело. Собрав до 3000 воинов, он указал им на половецкие орды, превосходившие их вчетверо. «Дети! нам уже некуда деться! Потягаем!» – воскликнул он и ударил в копья, не считая врагов, смял неожиданным ударом половцев, гнал, топил их в реке Снове, даже захватил самого вождя половецкого.

В то время как Святослав торжествовал поражение врагов, князь киевский, потеряв честь победы, утратил и престол великокняжеский. С остатками войск и братом Всеволодом он прибежал в Киев, не хотел слушать слов своей дружины, которая требовала новой рати на половцев, и даже заключил в темницу дерзких воинов, предлагавших ему этот поход. Киевляне взволновались, собрали вече, обвинили во всем воеводу Коснячка и бросились в

дом его. Но воевода скрылся. Изяслав с боярами стоял в сенях своего дворца и смотрел в окно. «Смотри, – говорил ему боярин Тукий, – народ взвыл: вели охранять Всеслава или убить его». Но Изяслав не решался, бранился с киевлянами из окошка и с ужасом увидел, что киевляне уже отбили дверь темницы Всеславовой и с торжеством вели пленного князя на княжеский двор. Тогда Изяслав бежал, не пошел к братьям и искал помощи у поляков. Народ разграбил сокровища Изяслава: золото, серебро, драгоценные меха. Всеслав сел на киевском престоле. Братья Изяслава не вмешивались в смятение, хотя и слышали, что Изяслав нашел себе защитника в польском короле. Киевские дружины вышли в поле, но Всеслав поступил непонятно: не испытав боя, он тайно бежал от киевлян и овладел своим наследным Полоцким княжеством. Приведенные в отчаяние, киевляне прибегнули к Святославу черниговскому. «Мы зажжем Киев и убежим в Грецию! – говорили они Святославу, – если ты не уговоришь брата не мстить нам». Святослав отправил послов к брату своему и уговаривал его не водить поляков к Киеву: «Всеслав бежал, противного тебе нет, а если хочешь иметь гнев, ведай, что нам жаль отеческого престола и мы не дадим тебе Киева». Изяслав притворился кротким; он и польский король оставили войска и шли к Киеву с малой дружиной. Но уже стогны Киева обгажены были кровью. Мстислав, сын Изяслава, вступил в город прежде отца, изрубил 70 человек из освободителей Всеславовых, выколол глаза другим и погубил множество невинных людей. С поклоном встретили киевляне Изяслава, который, слагая вину кровопролития на сына своего, вскоре показал, что все делалось по его воле. Страшась возмущений, он перевел киевский торг на гору, где стоял его терем: на торгу собиралось киевское вече, и Изяслав легко мог разгонять их своими дружинами. Даже св. Антоний Печерский был изгнан им из Киева, ибо Изяслав почитал его другом Всеславовым. Тем сильнее хотел он отплатить обиду князю полоцкому. Немедленно отправились его дружины в Полоцк. Всеслав, изгнанный ими из Полоцка, явился с войском у Новгорода. Жестокое сражение решилось в пользу новгородцев; они с радостью нашли в числе добычи Чудотворный Крест, увезенный некогда Всеславом. Полоцк объявлен был от Изяслава уделом сына его, но Всеслав изгнал Изяслава, снова утвердился в Полоцке и удержался в нем, хотя был еще раз побежден сыном Изяслава. Другие события утвердили Всеслава в Полоцке лучше волшебства, в котором его подозревали.

Мстя киевлянам и Всеславу, строя церкви и с торжеством переноса в новую церковь мощи князей Бориса и Глеба, прославленные чудесами, Изяслав не замечал грозы, над ним собиравшейся.

Святослав черниговский, киевский заступник, победитель половцев, не вступал в ссоры Изяслава с полоцким князем и сам готовился свергнуть недостойного князя киевского. Еще во время бегства Изяслава он уничтожил посадничество Изяславова в Новгороде, и Глеб, сын его, презван был новгородцами на княжение из Тмутаракани, где, вероятно, находилось много удальцов новгородских: мы знаем, что Вышата, сын Остромира, посадника Изяславова, ушел в Тмутаракань с Ростиславом. Под предводительством храброго Глеба новгородцы сражались с Всеславом в 1069 году, когда разбили его. Овладев Новгородом, этой важной опорой власти киевского князя, сделал столь важный шаг к нарушению прав Великого княжества, Святослав не мог уже останавливаться. В то время когда губил полоцкого князя, совсем неожиданно услышал Изяслав о союзе против него Святослава и Всеволода. Всеволод, раб первого человека, превосходного умом и деятельностью, охотно согласился на свержение Изяслава. Дружины черниговские и переяславские явились у Киева, и Изяслав бежал. Святослав приехал в Киев и вступил на великокняжеский престол. Увозя с собой множество сокровищ, «я найду войска!», говорил Изяслав.

Прежде всего поделили уделы. Новый великий князь, так же как Изяслав, не думал вознаграждать племянников и внучат – детей Вячеслава, Игоря и Ростислава; но, укрепляя дружбу Всеволода, отдал сыну его Владимиру Смоленск; Всеволод остался в Переяславле;

во Владимир-Волынский посажен был сын великого князя, Олег. Владимир, сын Всеволода, столь известный потом под именем Мономаха, и Олег Святославич, два юных князя, казались друзьями и союзниками при дружестве отцов, ставши защитниками Киева и Чернигова с запада и севера. Но разность душевных свойств не могла сблизить их. Одаренные одинаковой храбростью, они были различны во всем другом: Олег был добр, прямодушен, Владимир хитр, осторожен, умел казаться добрым, смиренномудрым, скрывая обширные честолюбивые замыслы; Олег привлекал любовь подданных и дружин своим радушием, ласковостью, разгульностью; Владимир – примерным благочестием, набожностью и кротостью.

На другой год явились в Киев неожиданные посетители: послы императора Генриха IV. Изяслав, не видя средств сыскать защиту на Руси, удалился к Болеславу. Может быть, оскорбленный прежде Изяславом и кроме того, занятый войной с императором и богемцами, Болеслав не хотел вступаться, надеясь скорее помощи себе от нового киевского князя и не думая сражаться за право Изяслава, не любимого киевлянами. Он указал Изяславу путь от себя, и Изяслав удалился в Германию. Генрих IV, уверенный в силе своей, смело хотевший бороться даже с грозным первосвященником Рима, Григорием VII, принял Изяслава в Майнце и получил от него богатые дары. Изяслав просил помощи и обещал быть данником империи. Отдаленное завоевание могло льстить честолюбию Генриха, но он не имел средств отправить войско; отправил только послов, которые приняты были Святославом роскошно, великолепно одарены и отправились к императору с вестью о силе и могуществе Руси.

Дары, посланные Генриху, изумили Двор его: «Никогда не видали мы столько золота, серебра и драгоценностей», – говорили придворные Генриха.

В то же время, когда Изяслав бил челом Генриху и отдавал ему Русь в подданство, сын его, Ярополк, явился в Рим, молил защиты у Генрихова врага, папы Григория, и соглашался признать верховную власть латинского первосвященника над Церковью и землею русской. Может быть, в одно время, когда послы германские были в Киеве, привезли к Святославу и папскую буллу. Папа писал и к польскому королю, который, как говорили, обобрал у Изяслава много серебра и золота. Ни Святослав не хотел отдать престола киевского, ни Болеслав похищенных сокровищ по приказу папы. В 1076 году дружины Святослава и Всеволода пошли на помощь Болеславу. Торжество Святослава казалось прочным, но грозный защитник вступился за Изяслава – смерть! Скитаясь по Германии и Польше и тщетно прося защиты и помощи, он услышал о кончине Святослава. Уже несколько лет этот князь страдал болячкою на шее и напрасно прикладывал к язве своей руки св. Глеба; в 1076 году ему разрезали опухоль и он скончался от неудачного лечения.

Тогда, набрав толпу поляков, Изяслав и дети его поспешили в Россию. Всеволод переяславский вышел против него с войском, но не стал сражаться и помирился. Сражаться и не за что было: договор с бывшим киевским князем легко можно было предвидеть. Надобно было совокупить силы на детей ненавистного Святослава. Решились – еще один род княжеский исключить из числа русских князей. Отдав Владимиру Мономаху Смоленский удел, Изяслав отдал Черниговское княжество Всеволоду и присоединил все другие княжества к Киеву. Итак, кроме великого оставалось только одно удельное княжество.

Изяслав вступил в Киев; Всеволод отправился в Чернигов.

Святославовых Карамзин описывает так: «Опасаясь честолюбия беспокойных племянников и замыслов давнишнего врага своего Всеслава, они (Изяслав и Всеволод) хотели удалить первых от всякого участия в правлении и вторично изгнать последнего». Сказав, что Олега Мономаха угощал в Чернигове обедом, Карамзин продолжает: «Сей Олег, рожденный властолюбивым, не мог быть обольщен ласками дяди и брата, считал себя невольником в доме Всеволодовом, хотел свободы, господства» (Ист. Р. Г., т. II, 84–86). Невольно повторишь слова Карамзина: «Добродушному читателю остается жалеть о бедных историках, которые с важностью и велеречием описывают такие происшествия!» (Ист. Г. Р., т. II, пр. 132).

Но такой раздел решительно зажег пламя раздора. Внуки Владимира и дети Вячеслава Святослава и Игоря лишены были наследства. Возможно ли было Изяславу и Всеволоду, хотя и при необыкновенных качествах Мономаха, уничтожить требования князей храбрых и предприимчивых, каковы были: Рюрик, Володар и Василько Ростиславичи, Борис Вячеславич; сыновья Святославовы: Глеб новгородский, Олег владимирский, Роман тмутараканский, Борис и Ярослав, и Игоревы: Давид и брат его – все в полном цвете юности и силы! И в каких же обстоятельствах Изяслав и Всеволод отваживались на такое смелое предприятие? Когда половцы, готовые сражаться за того, кто платил им, могли составить дружины противников и города, гордившиеся своими княжескими родами, видевшие в разделении Ярослава законченное деление, осуждавшие несправедливость и вероломство Изяслава, не терпели своевольных перемещений и изгнаний родных князей своих.

Пока Изяслав и Всеволод делили Русь, сын Вячеслава, Борис, боясь идти в Смоленск, где был храбрый Мономах, засел с собранной им дружиной в Чернигове, но услышав о приближении Всеволода, бежал и оттуда. Дружины Изяслава свели Олега с Владимирского его удела: ему велели жить в Чернигове у Всеволода. Оставался Глеб в Новгороде. Один из затворников печерских предсказывал Изяславу день смерти Глеба, и – предвещание сбылось. Новгородцы взволновались, прогнали Глеба, и сын Изяславов, Святополк, приехал княжить в Новгород. Глеб бежал в Заволочье и там был убит: сын, достойный умного отца своего, также умевший победить Всеслава, как и сражаться с предрассудками своего времени. Только в отдаленной Тмуторокани держался еще сын Олега, Роман, храбрый и смелый; туда собрались другие изгнанники: брат Романа Олег, Борис Вячеславич, Давид Игоревич, и Ростиславичи: Рюрик и Володар. Тмутаракань, со времен отца этих последних, казалась прибежищем обделенных князей.

Не думая о юных врагах своих, Изяслав опять спешил мстить старому врагу, Всеславу полоцкому, который не вмешивался уже ни в какие дела. Всеслав отбил войско Всеволода, но Полоцк был обожжен и ограблен; пируя с отцом своим в Чернигове, Мономах принес ему множество золота из награбленной добычи.

Карая Всеслава, вмешиваясь в дела монастырей, ссорясь и мирясь с монахами, строя монастырь во имя своего святого, Изяслав увидел Всеволода, с трепетом прибежавшего из Чернигова в Киев. Олег и Борис Вячеславич неожиданно явились из Тмутаракани с множеством половцев. Мономаха не было. На берегах Оржицы Всеволод был разбит; Тукий, любимец Изяслава, и множество других бояр пали в битве. Победители завладели Черниговом; Изяслав обнимал Всеволода; обещал ему помогать; Мономах шел к ним из Смоленска, едва пробился сквозь половецкие дружины и повел киевлян на Чернигов. Черниговцы не сдавались; город запылал; жители сражались в городке своем. Олег и Борис, бывшие тогда вне Чернигова, спешили на помощь с наемными половцами; началась битва. Олег, умеренный и благоразумный, решался вступить в переговоры, видя многочисленность неприятелей. «Делай что хочешь», – отвечал ему гордый Борис. «Но я не хочу: я всем им враг». Он бросился в бой. Сражение было на Нежатиной ниве, в 3-й день октября 1078 года. Дралось с равным остервенением; Борис сражался в первых рядах, и – пал первый; с ним пресекался род Вячеслава Ярославича. Олег не уступал. Видя непоколебимость врага, Изяслав сам вошел в ряды пеших воинов и был смертельно поражен копьем. Ряды половцев смешались; Олег бежал и укрылся в Тмутаракани.

Всеволод возвращает раскаявшемуся Ярополку его княжение

Тело Изяслава привезли в Киев. Летописец уверяет, что едва слышно было погребальное пение от великого плача киевлян: плакал целый город. Довольно некстати Изяслав изображается мучеником и человеком, положившим душу свою за други своя. Чем другим, если не ничтожностью характера и губительными ее последствиями, означено 24-летнее государственное правление этого князя? Летописи слагали все вины на Святослава. И почему не так? Он давно покоился во гробе, а дети его платили бедствиями за грехи отца.

Старый Всеволод сел на киевском престоле. Начатое кровопролитием княжение Всеволода было одно из самых несчастных. Он знал пять языков, не терпел вина, кормил нищих, честил духовенство и особенно любил монахов. Отец, любя его, просил, чтобы и по смерти гробы их не были разлучены. Верим, ибо увлекаемый в войны и ссоры другими, Всеволод точно был добрый, кроткий человек и, бывши великим князем, жалел о своем прежнем житье в Переяславле. Но, как прежде не смел он противиться честолюбию братьев, так, сделавшись великим князем, не умел владеть государством. Внутри, извне – отовсюду грозили ему враги. Мономах был единственной опорой отца своего: он умел сражаться, умел и хитрить, но не мог указать отцу, как править государством. Старый и хилый Всеволод окружил себя юными советниками; они своевольничали, не хотели собирать на княжеском дворе старцев и бояр: тиуны и отроки продавали правосудие, грабили народ. Физические бедствия присоединились к войнам и междоусобиям: голод свирепствовал во многих областях; засухи были столь жестокие, что леса горели, источники иссыхали, в народе явились болезни. Повальная болезнь опустошила Киев: продавцы гробов сами сказывали летописцу, что в Киев, с Филиппова заговенья до Масленицы, продали они 7000 гробов в 1090 году: так велико было опустошение Киева. Народ видел оправдание ужасающих знамений в плачевных событиях. Уверяя себя в достоверности их множеством свидетельств, он говорил, что небо предвещает бедствия Всеволодова княжения. Рассказывали, что в разных местах под землю был слышан страшный стук; что огромный огненный змей упал в лес, когда Всево-

лод был там на охоте; что в Полоцке ходили мертвецы и выли страшным образом, а ночами бесы бегали по улицам: находили следы копыт конских и толковали, что это следы коней, на коих скачут бесы. Везде являлись волхвы, кудесники, распространяли ереси и предвещали бедствия. Прежде всего спешил Всеволод поделить Русь. Святополк оставили до времени в Новгороде, другому сыну, Изяславу, отдали Владимир, придали ему и Туров. Все остальное взял Всеволод.

Мономах сторожил Киев с востока, основавшись в Чернигове. Неутомимый Олег и брат его Роман уже снова вели половцев. Всеволод и Мономах встретили их на войне, не хотели драться и успели лучше и скорее: купили мир золотом. Олег и Роман негодовали, спорили с половцами, началась ссора, и половцы убили Романа. «Там, в пустыне, остались и донныне кости Романа, сына Святослава, внука Ярославля», – говорит летописец. Олег схвачен был хазарами, пришедшими с братом его из Тмутаракани: они увезли его в Грецию. Как пленник, Олег остался на острове Родосе. Желая овладеть последним убежищем гонимых князей, Всеволод послал его наместника Ратибора в Тмутаракань. Но, кроме Святославовых детей, в Тмутаракани были еще изгнанники: Ростиславичи и сын Игоря; они прогнали Ратибора и не отдавали Тмутаракани.

Должно было оставить их в покое, ибо великому князю грозили другие враги. Мономах спешно отправился к Смоленску, осажденному Всеславом. Полоцкий князь не забыл грабежа Мономаха; слыша о приближении киевских дружин, он зажег Смоленск и ушел в свое княжество; Мономах гнался за ним и пожег всю землю Полоцкую до Лукомля, Логожска и Друцка; на другой год он набрал половцев, схватил Минск и не оставил в нем ни челядинца, ни скотины. Вятичи и переяславские торки бунтовали; Мономах два раза ходил в землю вятичей и покорил их снова. Половцы отовсюду шли в Русь. Мономах обратился на них, преследовал, встречал, разбивал их, но часто заставлял только горячий пепел сожженных селений и едва успевал отбивать пленных руссов.

Два года пробыв в Греции, совсем неожиданно, Олег снова явился в Тмутаракани. Ростиславичи и Давид Игоревич бежали при его приближении. Казнив многих хазар, врагов своих, Олег готовил новые брани Киеву. Ростиславичи не смели явиться к Всеволоду и ушли к сыну Изяславу, Ярополку. Обласканные им, они остались во Владимире, когда Ярополк отправился праздновать Пасху в Киев, успели оболстать дружины князя, захватили город и объявили себя его властителями. Ярополк просил защиты великого князя, и, правая рука Всеволодова, Мономах явился близ Владимира с киевлянами.

Мономах увидел необходимость подкрепить Русь другими князьями, когда Олег в то же время грозил Киеву войной. Расчет был не затруднителен: отцу его гораздо выгоднее было приобрести дружбу храбрых Ростиславичей, нежели сынов Изяславовых, из которых один правил Новгородом, лишая Киев власти над Северной Русью, другой не мог спасти себя даже от дерзкой смелости двух беглецов. Начались переговоры. Ростиславичи требовали хотя небольших уделов, и Рюрику был дан Тереволь, Володарю – Перемышль. Василько, младший брат, остался при них без удела. В договор включили и Давида Игоревича, который, бежав из Тмутаракани, набрал шайку разбойников и грабил греческих купцов на устье Днепра, в Олешье. Он был призван Мономахом и получил в удел Дорогобуж. Ярополк остался князем Владимирским; но Ростиславичи, соглашаясь на малое, хотели большего; может быть, Ярополк был недоволен наградой этих пришельцев его областями; хитрые Ростиславичи умели воспользоваться слабостью Ярополка, советовали ему воевать, обещали пособие. Уже Ярополк собирал дружины и хотел идти на Киев. Зоркий Мономах так быстро явился на Волыни, что захватил в Луцке мать, жену, дружину и казну Ярополкову; сам Ярополк бежал в Польшу. Мономах обменял Владимир Давиду Игоревичу, вместо Дорогобужа; Ростиславичи все еще молчали, казались дружными, полагая, что гонение обратится на детей Изяслава. Но Ярополк уже не хотел сражаться, раскаивался, молил простить его;

Всеволод согласился, и Давид с досадой должен был снова обменять Владимир на убогий Дорогобуж. Тогда Ростиславичи вмешались в дело сотоварища своего в бедствиях. Убийца пронзил мечом Ярополка и скрылся в Перемышле. Никто не думал преследовать измену; привезли тело Ярополка в Киев и похоронили в построенной им церкви Св. Петра, в димитровском монастыре, начатом по воле Изяслава. Монахи и священники искренно оплакали Ярополка. «Он был кроток, смирен, любил братию, всегда исправно давал десятину, молил Бога сподобить его мученической кончины Св. Бориса и Глеба, и Бог услышал его молитву». Давид Игоревич, а не Святополк новгородский наследовал Владимир. Утверждая дружбу с Игоревичем и Ростиславичами, Мономах не ошибся. Так, Василько употребил новое средство отвлечь половцев, которые взяли Пересочен по Супое, Переволоку на Ворскле и грабили берега Днепра: он вызвался быть их предводителем и повел их грабить Польшу. Рюрик умер в 1090 году, и Василько наследовал удел его. Умирясь в Волыни, Всеволод мог уже приступить к решительному унижению Изяслова рода. Он вызвал Святополка в Киев и послал юного внука своего, Мстислава, сына Мономаха, княжить в Новгороде. Новгородцы охотно согласились на перемену; Святополк должен был удовольствоваться небольшим Туровским уделом. Видим политику Мономаха, управлявшего отцом своим: все на восток от Днепра и Новгород принадлежали, наконец, Киевскому княжеству. Олег, единственный враг семейства Всеволодова, не шел из Тмутаракани; изведав вероломство половцев, может быть, он хотел иметь средства лучше и вернее. Оставляя в покое полоцкого князя и мирясь со всеми другими, Всеволод мог не страшиться Олега, а Мономах управляться с половцами. Сын Мономаха, Изяслав, утвержден был удельным князем в Курске и защищал Посемье, а Мстислав с новгородцами – Поволожье. Сам Мономах, владея Смоленском, Черниговом и Переяславцем, хотел уже начать решительную войну с половцами. Ведя дружины Киева, Смоленска, Чернигова и Переяславля, он надеялся на победу. Но неожиданное событие остановило и разрушило все намерения Мономаха: Всеволод, отягченный летами и огорчениями, скончался (1093 г.).

Мономах и брат его Ростислав были тогда в Киеве. Призрак великого князя, из-за которого свободно действовал Мономах, исчез! Мономах мог предвидеть, какие новые бедствия навлечет на Русь вражда за титул Великокняжеское. Сынов Ярослава не было уже на свете ни одного. Следовало занять киевский престол кому-либо из внуков. Род Изяслава, род Святослава и род Всеволода могли предъявлять на то права. Мономах, представитель Всеволодова дома, к несчастью самого младшего, имел средства воссесть на великокняженском престоле. На его стороне были сила и ум; но тогда восстали бы на него все другие князья, а при помощи, какую могли найти они в Польше, у половцев, полоцкого князя, может быть у самых новгородцев, Мономах отважился бы на борьбу слишком опасную. Следовало предложить Киев Олегу, бывшему другу Мономаха и крестному отцу Мстислава новгородского; но отнятие уделов от всего Святославова рода, гибель Романа, два похода на Русь и 15-летняя личная вражда Олега с Мономахом делали храброго, предприимчивого Олега ненавистным Мономаху. Мономах решил изумить великодушием: старший из всех князей, изгнанный Мономахом из Новгорода, Святополк, сын Изяслава, живший тогда в маленьком уделе своем, Турове, неожиданно увидел послов Мономаховых: они предложили ему Великое княжество Киевское.

Мономах знал этого князя и, страшась сильного душою Олега, избирал человека малодушного, ничтожного, хорошо понимая, что избранием его умирят умы всех, в то же время предпишет какие угодно условия Святополку. Он не обманулся: современники славили его великодушие, а Святополк согласился отдать ему Черниговский и Смоленский уделы; сына его Мстислава оставить князем Новгорода; брату Ростиславу дать удел Переяславский. Волынью владели Давид Игоревич, Володарь и Василько Ростиславичи. Следовательно, Святополк, с названием великого князя, получал только Киевскую область! Киевляне встре-

тили нового князя с радостью, ждали счастливого княжения, думая снова видеть законный порядок в уделах, и – ошиблись, ибо не могли не ошибиться.

Ошибся и Мономах. Не много находим в русской истории князей столь ничтожных, сколь ничтожен был Святополк. Трусливый в бедствии, надменный в счастье, вероломный, слабый душою, легковёрный, неблагодарный, Святополк девятнадцать лет бесславил собою звание великого князя, сделался презрительным даже в глазах современников и возбуждает невольное негодование потомства. Он усердно молился, строил церкви, всякий раз когда отправлялся в путь – ездил на благословение к печерскому игумену, но в то же время преступал все уставы нравственности, жадничал денег, позволял жидам селиться в Киеве, торговать и притеснять киевлян, сам торговал солью и успел скопить огромные богатства при бедствии и разорении подданных. Увидим дела его.

Они начались безрассудной дерзостью. Половцы хотели мириться с новым князем киевским, ведая, может быть, предприятия Мономаха, и прислали послов. Не советуясь ни с кем, Святополк вздумал противиться им с одними киевскими дружинами, бросил половецких посланников в тюрьму и собрал войско; всего явилось 800 человек – так слаб силами был великий князь. Половцы уже воевали; Святополк хотел идти со своими сотнями на них, но бояре отговорили его и советовали скорее просить помощи Мономаха. Вероятно, Мономах еще не был готов, но поспешил, однако ж, идти, велел явиться и брату своему, Ростиславу переяславскому. Князья все собрались в Киев. Мономах доказывал невозможность войны, спорил со Святополком и не шел в поход. «У вас распря, а поганые губят землю: сражайтесь или миритесь с ними», – сказали князьям бояре. К несчастью, Мономах уступил Святополку; войско выступило к реке Стугне. Еще раз Мономах хотел мира с половцами. «Здесь мы еще грозны для них», – говорил он; хотел, по крайней мере, дожидаться перехода половцев через реку. Киевская дружина не согласилась, и Мономах принужден был еще раз уступить. Дружины перешли Стугну, разлившуюся от половодья. Святополк вел правое крыло; на него ударили половцы, и отчаянное сопротивление не помогло: Святополк бежал. Тогда вся сила половцев ринулась на Мономаха и разбила его. Он и Ростислав бросились через реку вплавь, и на глазах Мономаха брат его погиб в волнах; едва не утонул и сам Мономах, спасая брата. Горько плакал он о брате и дружине и укрылся в Чернигове. Тело Ростислава привезено было в Киев и оплакано горестною матерью. Половцы уже девять недель осаждали Торческ, город, населенный торками; другие разоряли окрестности Киева. Святополк снова испытал несчастья, сразился с половцами и был снова разбит. Торческ сдался. «Все праздники наши обратились в горечь, – пишет летописец, – в Вознесеньев день на Стугне у Треполя, в новый русский праздник Бориса и Глеба, на Желне – навел на нас Бог сетование: это перст Божий, да смирясь опомнимся от злого пути. Ныне все полно слез. Братий наших ведут в плен половцы к своим сердобоям и сродникам; бедные пленники эти томятся голодом и жаждою: лица их опухли, тела почернели и в неведомой стране язык спалил жар солнечный; идя нагие и босые, изъязвив ноги терпением, они говорят друг другу: я из такого-то города, я из такого-то села; сказывают один другому род свой со слезами и, вздыхая, возводят очи на Небо к Вышнему Всесведущему».

В это время Мономах не мог помогать Святополку. Враг, которого столь давно страшился и так сильно ненавидел он, Олег, явился наконец, после шестнадцатилетнего изгнания, из наследной области. С ним были половецкие полчища. Мономах затворился в Чернигове, сражался восемь дней и принужден был уступить силе. Олег признан был от него черниговским князем и не мог препятствовать половцам грабить окрестности. «С малою дружиною менее нежели из 100 человек, ехал я среди половецких полков, – говорит Мономах, – с детьми и с женою, и враги облизывались на нас, как волки».

Святополк оробел, отказался от войны, принужден был смириться перед половцами и женился на дочери сильного вождя половецкого, Тугор-хана. Олег едва мог отвести половцев

от Чернигова, указав им на новые грабежи. Сын его повел их на греческие области, как прежде Василько на Польшу. Между тем, брат Олегов, Давид, занял Смоленск.

Великий князь киевский Владимир Мономах. Титулярник. XVII в.

Так в два года совершенно изменилось положение Руси. Преднамерения Мономаха – смирить половцев – были разрушены; род Святослава снова явился в Руси, и два удела: Черниговский, родовой Святослава, и Смоленский, собственно не принадлежавший этому роду князей, – отторглись от Всеволодова рода. Мономах ограничился одним Переяславским родовым уделом. Киевом владел князь безрассудный, не слушавший его советов. Честолюбие Мономаха страдало. Но столько же умный, сколько и храбрый, Мономах начал новые замыслы, и мы увидим, что после всех препятствий он достигнет своей цели, унизит Олега, невзирая на храбрость, великодушие, законность прав этого князя. Олег умел сражаться, но не был политиком. Брат его Давид, человек добрый и слабый, не умел помогать ему, когда ум Владимира, вероломство Святополка и сила обоих князей были против потомков Святослава.

Основавшись в Переяславле, прежде всего Владимир сдружился со Святополком: они начали думать, делать и поступать заодно. Вероятно, он успел внушить киевскому князю

свои честолюбивые намерения и, угождая ему, решился унизиться до поступка неблагодарного и недостойного. В Переяславль приехали вожди половецкие Итларь и Китан. Должно думать, что жизнь этих вождей была весьма важна для Руси. Сопутники половецких вождей расположились в поле за городом; Итларь и Китан въехали в Переяславль; сын Мономаха, Святослав, отдан был в залог безопасности дружинам половецким. Тогда из Киева приехали Святополковы бояре, и советовали Мономаху погубить Итларя и Китана. Мономах колебался. «Я дал им клятву», – отвечал он. «Тут нет греха: сами они всегда клянутся, и потом губят русскую землю», – отвечали бояре Святополковы. Мономах согласился; сына его выкрали у половцев и изменнически убили Итларя, Китана и всю дружину их. Зная, что мщение неминуемо, Святополк и Владимир немедленно выступили на половецкие земли, били, грабили, возвратились с добычею. За ними шли половцы; с одной толпой Святополк успел помириться, другая успела выжечь Юрьев.

Не заботясь о них, Святополк и Мономах устремились на Олега. Он не пошел с ними на половцев; требовали, чтобы он, по крайней мере, зарезал Итларева сына, бывшего у него аманатом. Олег с презрением отверг это предложение. Брат его, Давид Смоленский, причинил еще горшую обиду Мономаху. В отсутствие Мстислава, сына Мономахова, Давид явился в Новгород и был признан новгородцами за князя. Возвращение Мстислава заставило его бежать, но Мономах не прощал обид. Сын его, Изяслав, князь курский, немедленно напал на Муром, город Черниговского удела, и овладел им. В то же время Олег увидел послов Владимира и Святополка. «Иди в Киев, – говорили ему послы, – там положите вы уряд о земле Русской перед епископами, игуменами, мужами отцов своих и людьми градскими». Олег хорошо знал, кто посылает к нему послов. «Ни епископу, ни игумену, ни смерду не судить меня, князя», – ответил он. Не думая, что следствием его отказа будет немедленное мщение, Олег с изумлением услышал, что переяславская и киевская дружины идут на него. В ярости забывая все, Святополк и Владимир оставили даже за собою половцев грабить их собственные земли и бросились к Чернигову. Олег бежал, за ним гнались. Затворясь в Стародубе, 33 дня выдерживал он жестокую осаду; наконец обещал прийти в Киев на совет, вместе с братом Давидом, которого в то же время изгнали войска Мономаховы из Смоленска. Святополк и Мономах удовольствовались обещанием, не отдавая Чернигова. Столько раз доказанное мужество Олега, и половцы принуждали их к такой умеренности. Уже не только Переяславское и Киевское были разоряемы, но Тугорхан, тесть Святополка, осадил даже Переяславль; другой вождь половцев, Боняк, был близ самого Киева и сжег Берестово. Быстрый и тайный приход Мономаха и Святополка спасли Переяславль. Тугорхан, сын его, и избранные вожди половецкие пали в битве. С честью везя тело Тугорхана в Киев, аки тестя и врага своего, Святополк увидел пожар Киева. Боняк едва не вогнал половцев в Киев за разбитыми противниками, зажег красный Выдубичский двор Всеволода, городское предместье, монастырь св. Стефана, и – к ужасу киевлян – самый монастырь Печерский. Означив надолго следы свои разорением, Боняк скрылся в свои степи.

Мономах ожидали новые скорби. Насилие, оказанное Олегу, занятие Чернигова и вынужденное обещание явиться в Киев только раздражили черниговского князя. Собрав небольшую дружину, он хотел удалиться в дальние пределы своего владения, и там ожидать решения князей. Изяслав, сын Мономаха, не пускал его в Муром. «Муром есть волость отца моего, – говорил Олег. – Отсюда хочу я говорить с отцом твоим: он выгнал меня из Чернигова. Или и здесь хотите вы лишить меня хлеба?» Надеясь на множество войск, Изяслав ничего не слушал. Олег вступил в бой; Изяслав был убит, и Муром занят Олегом. Успех возгордил его; он увидел возможность завоевать северные области Переяславского удела, может быть самый Новгород, не привязанный к личным выгодам князей, готовый отдаться тому, кто даст более выгоды его гражданам. Но Олег ошибся. Новгород любил Мстислава, храброго, мужественного, видел более ручательства своей безопасности в Мономахе, нежели в

потомках Святослава, едва водворившихся в Руси и уже снова изгоняемых, бедствующих. Олег легко захватил Ростов и Суздаль, Мстислав похоронил тело брата своего в Новгороде и послал послов к дяде. «Ты убил брата моего, – велел он сказать Олегу, – сетую на тебя: в ратях гибнут и цари и мужи; но будь же доволен Муромом, не сиди в чужой волости, а я постараюсь умирить тебя с отцом моим». Тогда Мстислав двинул новгородские дружины. Олег не смел сражаться, зажег Суздаль и думал хитростью победить племянника, предлагал мир и готовился нечаянно напасть на Мстислава. Ему не удалось; помощь, присланная из Киева, доставила Мстиславу решительное преимущество. На Клязьме завязался бой; Олег проиграл битву, оставил брата Ярослава в Муроме и ушел в Рязань. Мстислав шел по следам его, помирился с Ярославом, явился и под Рязанью с миром, везде требуя только пленных, захваченных Олегом. Олег принужден был удалиться и из Рязани. Мстислав показал великодушные, редкие в тогдашние времена. Он снова предложил Олегу избрать его посредником между собою и отцом. Мономах, удрученный летами, скорбью о потере брата и сына в междоусобиях, видя, что невозможно решительно лишить наследия род Святославов, сочувствуя, может быть, в совести своей и достоинству Олега, и права его на наследие отцовское, сам хотел мира и спокойствия. Он написал к Олегу письмо. Сей памятник сохранился для нас. В нем виден истинный характер Мономаха: честолюбие, прорывающееся сквозь завесу набожности и смирения, горесть, не побеждающая гордости.

«Многогрешный и печальный, – писал Мономах, – борюсь сердцем, и душа одолела сердце мое, ибо мы тленны, и я помышляю, как стать пред страшным Судиею мне, покаяния и смирения чуждому... Что есть добро и что красно, если не братья, живущие вкупе, но по наущению диавола были рати при умных дедах наших, при добрых и блаженных отцах наших; диавол не хочет добра роду человеческому и сваживает нас. Пишу к тебе, ибо крестник твой принудил меня писать. «Брату моему судьба пришла, – говорит он, – не будем мстить за него, сладимся, смиримся и отдадим все суду Божию, но не погубим земли Русской». И я, видя смирение сына моего, сжалился, убоюлся Бога, сказал сам себе: он юн и безрассуден, но так смиряется и все отдает суду Бога. Слушаю сына и пишу; отвечай мирно, отвечай бранью: мне все равно, ибо я смиряюсь ради прежних грехов моих. Но – заметь, однако ж, что я предваряю тебя, чая также смирения и покаяния с твоей стороны». Уговаривая Олега склониться на мир, он напоминает ему смирение самого Христа. «А мы что? Человеки грешные: сегодня живы, а наутро мертвы; день в славе, в чести, а завтра в гробе и без памяти, и другие разделят собранное нами. Вспомни отцов наших: что взяли они с собою, кроме того, что сотворили для души своей?»

Трогательно упрекая Олега за смерть сына: «Как, – говорит Мономах, – как, видя кровь его и тело, увянувшее, как цвет едва процветший, как агнца закланного, не сказал ты сам себе, стоя над ним и вникнув в помыслы души своей: «Увы! что я сделал? Следуя его безумию, ради кривости сего мечтательного света взял грех на душу, и отцу и матери его дал слезы!» И не крови, но только прелюбодеяния ради Давид посыпал пеплом главу свою. Тебе тогда же покаяться бы и послать ко мне невестку мою: она чем виновата? Тебе бы послать ее ко мне с грамотою утешительною, дабы я вместе с нею оплакал ее мужа и плач вменил себе в песни и веселие свадьбы их, которой я за грехи мои не видел. Молю тебя: ради Бога отпусти ко мне невестку, да сядет она в доме моем, как голубка на сухой ветке, плачет со мною, и мы утешимся. Сыну моему таков был суд Божий – что делать! Не ты в том виноват!»

Но гордость видна там, где говорит Мономах: «Зачем, взявши Муром, занял ты и Ростов? Зачем не просил мира? Мне ли должно было посылать к тебе, рассуди сам, или тебе ко мне? Хотя бы сыну моему поручил ты снести со мною? Десять раз послал бы я к тебе после того». Возлагая всю вину на правильное завладение Ростовом, Мономах обвиняет сына, признается, что послушался братьев при нападении на Чернигов, но сердится на Олега, что он не шел на половцев, и кается в том. «Вспомни, – так заключает он послание, –

вспомни, что не по неволе теперь говорю я, не от беды, но Бог видит, что спасение души для меня дороже всего света».

На следующий год Русь увидела зрелище, давно невиданное. В Любече съехались все владетели уделов. Тут, кроме Святополка, были Мономах, Олег, брат его Давид, дети Ростислава: Володарь и Василько, и Давид, сын Игоря; говорили, думали о настоящем разделе, и подданные их с радостью услышали о мире и тишине.

Летописи не передали нам подробностей совещания, и мы не верим искренности дружбы князей, ибо видим, что сила преодолела правоту. Несмотря на умиление и клятвы, какие мы находили в письме к Олегу, Мономах удержал сына своего на новгородском княжении и получил, кроме того, удел Смоленский к Переяславскому. Олегу с братьями Давидом и Ярославом отдали Черниговский удел, но отрезали от него навсегда и передали роду Мономаха Суздальскую область – важную часть бывшего Святославова удела. Дети Святослава принуждены были поделить удел свой на три части (Олег взял Чернигов, Давид Рязань, Ярослав Муром). Святополк остался при одном Киеве и Турове, как прежде; Давид Игоревич, Володарь и Василько Ростиславичи также при своих уделах. О наследии великого княжества ничего не было упомянуто; Тмутаракань не включена в раздел. После похода Олега из Тмутаракани, в 1094 году, она теряется в летописях русских. Вероятно, что никто не думал удерживать сего отдаленного владения, окруженного врагами сильными; все потомки Ярослава занимали теперь уделы в самой Руси и совершенно забыли предприимчивый дух предков своих. Поприще деятельности ограничивалось для них междоусобиями и войной с половцами, беспрерывно толпившимися на Днепре и готовыми пользоваться первой оплошностью и первым раздором князей.

Взаимное опасение, подтвержденное столь многими событиями, рождало ненависть и распри. Святополк видел Новгород и волынскую сторону отчужденными. Волынь страшила его: там жили три князя, опасные мужеством и силою. Беспрерывные битвы и ссоры с Польшей и Венгрией укрепляли их дружины. Между тем, происходя от двух разных поколений, сии князья ненавидели друг друга, и если Святополк помнил, что убийца брата его укрылся в Перемышле, то Давид Владимирский, зная характер, силу ума и рук Володаря и Василька, мог подозревать, что второй нерядец легко явится из Перемышля при первом случае. Но Великое княжество всего более занимало умы князей. Святополк, отец шести сыновей, знал, что дети, так же как некогда племянники, дети Святослава, Игоря, Вячеслава, Владимира, могут по смерти отца наскитаться без хлеба; другие князья смотрели с завистью на Великое княжество: сей титул и права его были предметом честолюбия. Право на киевский престол по смерти Святополка принадлежало Олегу черниговскому; но в таком случае какая судьба ожидала род Мономаха? Не мог ли Мономах, умнейший и сильнейший из всех князей, и отец многочисленного семейства (кроме Изяслава у него было семь сыновей), не думать о предупреждении несчастий своего рода? Олегу что могло ручаться за безопасность в будущем, когда против него была явная ненависть и когда его обделяли после всех жестоких сопротивлений и тяжких междоусобий? Мы не знаем также, что положили русские князья о Полоцке, о половцах, но видя столько важных вопросов, оставшихся без решения, зная характеры всех князей из дел их, можно сказать, что не мир, но скрытное начало новой, сильнейшей вражды князья несли из Любеча в свои княжества. Чего нельзя было ожидать от Святополка, Мономаха, Володаря, Давида и самого Олега, более всех своих современников добросовестного?

Мы упомянули о вражде владимирского князя против Ростиславичей, владевших Перемышлем и Теребовлем: она основывалась на зависти, с какой Давид смотрел на отделение под власть их части Волынской области. Вместе разделяя изгнание, видев помощь Ростиславичей в деле с Ярополком, Давид умел скрыть от их добродушия черную душу свою: любечский сейм показал ее вполне. Сказав о Мономахе, понимая намерения его упрочить

своему семейству Великое княжество, можем полагать, что в Любече он обращал особое внимание на дружбу Ростиславичей, от него получивших уделы. На сей-то дружбе Давид основал план погубления юнейшего из них, Василька теребовльского.

Владимир Мономах на съезде князей. Художник А. Д. Кившенко. 1880-е гг.

Торжественно клялись все князья прекратить распри и междоусобия; условились, целуя Святой Крест, что будут разбирать все ссоры общим судом; преступивший клятву, пожелавший удела чуждого или сам собою управившийся с другим, объявлялся общим врагом: «На того честный крест, и все мы, и вся земля Русская», – говорили князья. Мономах, Олег, братья его и Володарь спешили в свои уделы. Василько заехал помолиться в Михайловский монастырь. Давид был уже в Киеве и открывал Святополку тайные сношения и мнимый заговор Василька и Мономаха. «Вспомни, – говорил он, – кто убил Ярополка? Теперь приходит моя черед, теперь они меня погубят, но береги свою голову. Схватим Василька; пока он свободен, ни тебе в Киеве, ни мне во Владимире не будет княжества». Святополк колебался, однако ж послал звать к себе Василька на именины; Давид также послал к нему, прибавляя, чтобы он не ослушался старшего брата. Но Василько спешил домой и велел сказать, что готовится на войну. «Видишь ли? – говорил Давид Святополку. – Что будет, если он достигнет своего владения? Вспомни меня, если он не отнимет у тебя несколько городов. Зови его скорее и отдай мне». Увидев смелость, с какою Давид брал на себя вину, Святополк поверил всему, решился немедленно, просил Василька заехать, по крайней мере, проститься с ним, и Василько поехал. Один из его воинов узнал умысел и спешил известить князя об опасности. «А клятва где?» – отвечал Василько. «Давно ли мы дали ее?» Он остановился, подумал, перекрестился и, сказав: «Будь воля Божия» – приехал к своим палачам. Ласково встретил его Святополк, снова уговаривал остаться до именин, но Василько отрекался, говоря, что его спутники уже поехали вперед. «Так позавтракаем же вместе, – сказал Святополк, – садитесь, князь, я велю приготовить». Он вышел; Давид оставался в светлице, бледнел и краснел; Василько дружески говорил с ним, но совесть замыкала уста Давида: в нем не было ни гласа, ни слуха – он молчал и спешил выйти. Ворвались воины и сковали Василька. На другой день

собраны были бояре, духовенство, киевляне: им представил Святополк извет Давида. Все собрание приступило к суду и осуждению, как будто оно имело на это право, и голос бояр и людей осудил Василька на смерть; духовенство восстало против них и требовало свободы Васильку. Тогда не думали более о том, чтобы преступлению придать вид законности, оставили все формы, распустили собрание и хотели уже не наказания, но злодейства. Ночью вывезли Василька из Киева в Белгород; на дороге вывели его из телеги, скованного, и втащили в какую-то хижину. На глазах его убийца начал точить нож; другие разостлали ковер и хотели положить князя. Василько плакал и стонал; отчаяние придало наконец ему силы: двое не могли управиться с ним; остальные сообщники злодеев прибежали, повалили на ковер Василька, набросили на грудь его доску, и двое сели по концам доски с такой силой, что кости захрустели в груди князя. Овчар Святополков, Торчин, хотел выколупать ему ножом глаз, промахнулся и разрезал щеку, бросил его в телегу, и по колоти поскакали во Владимир. В Здвиженске остановились у священника, внесли Василька в комнату, сняли с него окровавленную рубашку и велели попадье вымыть. Взглянув на несчастного, добрая женщина зарыдала; Василько опомнился, выпил воды, оцупал на себе белую рубашку и сказал: «Зачем сняли с меня окровавленную? В ней хотел я предстать пред Богом». Но страдания не убили Василька; на шестой день пути привезли его к Давиду во Владимир, заперли во дворе Вакия, и тридцать человек стражи окружили темницу.

Убийство и клятвопреступление не были новостью между русскими князьями. Но злодейство, столь хладнокровно совершенное, но нарушение клятвы, столь свежей в памяти, невольно заставило содрогнуться всех. Мономах, Олег, брат его Давид рязанский слушали страшную весть и плакали. «В нас, а не в Василька вонзили нож», – говорили они, немедленно соединили войска и пришли к Киеву требовать ответа. «Зачем ты ослепил Василька?» – говорили Святополку послы их. – Зачем не обличил его пред судом князей, если он был виновен?» Святополк слагал всю вину на Давида Владимирского; князья не слушали сего оправдания, хотели вступить в Киев, но вместо противников к ним вышли митрополит и дряхлая мать Мономаха. «Не губите земли Русской!» – говорили они, и молили простить Святополка. Чтя сан святителя и старость знаменитой княгини, Мономах и Олег согласились мириться со Святополком. Положив на св. крест руку, еще дымившуюся кровью несчастного князя, Святополк клялся в своей невинности и в том, что доказывая свое беспристрастие, он сам низведет с княжества владимирского Давида, а может быть, представит его суду князей.

Между тем, Василько был уже свободен. Володарь не пошел к Киеву, но бросился освободить брата. Давиду сказали, что Мономах и Святополк вооружаются на него, что Володарь собирает дружины; он затрепетал, собирал воинов, хотел союзить с поляками и выдать им Василька или сделать его посредником примирения с другими. Василий, инок, или священник, бывший тогда во Владимире и продолжавший летопись Нестора, передал нам драгоценность: разговоры свои с Васильком в темнице; в них видна душа Василька: в тюрьме, близ гроба говорят только истину.

«Давид призвал меня к себе ночью, – пишет Василий. – Вокруг него сидела дружина. «Василий! – сказал он мне, – Василько говорил ныне вечером Улану и Колчу (приставам тюремным), что ему известен уже поход на меня Святополка и Мономаха и что, если я решусь послать его к ним, он помирят меня с ними. Иди и скажи ему, что если это правда, то я дам ему любой город в награду: Всеволож, Шеполь, Перемиль». Я пошел к Васильку и пересказал ему все. «Не то говорил я, – отвечал Василько, – но могу однако ж послать к Мономаху и надеюсь, при помощи Божией, что уговорю его не проливать за меня крови христианской. Но я дивлюсь, что Давид дает мне свой город и ничего не говорит о Теребовле, мне принадлежащем, где и донныне мои наместники и моя власть». Василько старался преодолеть движение души, помолчал и сказал потом: «Иди к Давиду и скажи, чтобы он прислал ко мне Кулмея: его pošлю я к Владимиру». Я пересказал Давиду весь разговор

с Васильком; но он отвечал, что Кулмея нет, и отправил меня к Васильку снова. Василько велел выйти слуге своему, посадил меня подле себя и стал говорить так: «Слышу, что Давид хочет выдать меня полякам. Мало еще насытился он моей крови и, отдавая им, хочет еще более насытиться. Много зла делал я полякам, еще более хотел сделать и мстить за Русскую землю. Выдача им будет смерть моя, но я не боюсь смерти. Открою тебе тайну души моей. Я хотел сделать многое: уже берендеи, печенеги, торги шли ко мне; я хотел взять еще дружины Володаря и Давида, хотел сказать им: веселитесь и оставайтесь в покое, а сам думал идти на Польшу, мстить ей за Русь, завоевать Дунайскую Булгарию, испросить пособие Святополка и Мономаха, идти на половцев, добыть себе славы или положить голову. Но не было у меня в сердце помысла ни на Святополка, ни на Давида. Богом и вторым пришествием его клянусь, что не умышлял я зла братьям мои, и только за возношение мое возвел на меня око и смирил меня Бог!» В стенах темницы не погиб голос Василька: слова его, переданные нам смиренным иноком, падают проклятием на память гонителей Василька и утешают потомство в ужасах, потемнявших век сего страдальца!

Видя безуспешность переговоров, Давид решился действовать, и прежде всего предупредить Володаря. Одно злодейство требовало другого. Он двинулся к Теробовлю и думал овладеть уделом Василька. Его встретил Володарь, и Давид, не смея сражаться, заперся в Бужске. «Сотворив зло, ты и не каешься, – говорил ему Володарь, – вспомни, что сделал ты доселе?» «Но я ли виноват? – отвечал Давид. – У меня ли сделалось преступление? Я потакал невольно: боялся, чтобы со мною не было того же. Бывши под рукою сильного, невольно был я общинном злодейства». «Пусть Бог судит тебя: отдай брата, и я помирюсь с тобою», – велел сказать ему Володарь. Послали за Васильком и привезли его; нежный брат обнял слепого страдальца и оставил в покое Давида.

Хотели ль Ростиславичи сначала общего суда княжеского и, видя мир Мономаха и Олега с киевским князем, видя бессудность злодея, после преступления ужасного, решили мстить сами? Не знаем, но мщение их было странное: они выжгли город Всеволож, приступили к Владимиру, где затворился Давид, удовольствовались казнью трех бояр, будто бы оклеветавших Василька, и снова удалились. Святополк двигался между тем со своими дружинами на Давида, который призывал на помощь поляков. Польский король снесся со Святополком и Давидом, взял от обоих золота и старался мирить их. Но Святополк окружил Владимир, стоял подле него семь недель, и все мщение его ограничилось тем, что Давид уступил ему Владимир, а за сию уступку купил жизнь и бежал в Польшу. С торжеством присоединив Владимир к Киеву, Святополк не боялся уже никакого позора. Он пошел на Перемышль и хотел изгнать Володаря и Василька из их уделов. Оскорбленный Володарь решился отражать его силою. Началось сражение. Слепца Василька ввели в битву; он не сражался, но держал в руках крест и громко восклицал к Святополку: «Клятвопреступник! се мститель и судия твой! Не только зрения, но и жизни хочешь ты лишить меня!» Святополк был разбит, бежал во Владимир, а потом в Киев. Ростиславичи гнали его только до границ Киевского княжества.

Уже новые враги шли на них. Сын Святополка, Ярослав, вел новых, дотоле небывалых союзников – венгров. Сам Коломан, король венгерский, шел с войском. Володарь видел невозможность сопротивления и затворился в Перемышле. Кто спас его? Давид, злодей Василька. Он добровольно явился в Перемышле, оставил в залог жену, набрал половцев и ударил неожиданно на венгров; Володарь в то же время выступил из города. Венгры смешались, бежали, оставили множество убитых и ушли из Руси. Давид осадил Владимир; в жестоком приступе Мстислав, сын Святополка, был убит; владимирцы хотели сдать; помощь, присланная от Святополка, подкрепила силы их; Давид бежал, снова искал спасения у половцев, привел их и с ними прогнал войско Святополка.

Что же делали тогда Мономах и Олег? Правда, Мономах сражался с половцами, но битвы были не важны; к стыду Давида рязанского, сын его Святослав усердно служил Святополку и сражался против Ростиславичей! И Давида почитали современники кротким, праведным, святым! Самый угодник Святополка, сын Давида, был наименован Святошею. Он жил в монастыре, служил монахам, оставив семейство, постригся, через пять лет после похода на Ростиславичей, и при жизни еще был почитаем за чудотворца. Олег не вмешивался ни в какие распри, но оправдаем ли его?

На следующий год Давид владимирский сам требовал нового съезда князей. Он хотел оправдываться; приехал Мономах и Олег с братом. Святополк явился, как судия! Никто не хотел сидеть вместе с Давидом (и Святополк даже! И ему позволили!). Советовали отдельно, и положили отнять у Давида удел: Владимир отдан был – Святополку! Давиду дали в удел Бужск; Святополк придал ему Дубно и Черториск, Мономах и Святославичи по 200 гривен. Володарь и Василько не хотели явиться перед неправедными судьями и, к изумлению своему, услышали, что князья положили взять удел Василька и отдать Святополку! «Если хочешь, – велели они сказать Володарю, – то владей Перемышлем вместе с Васильком, а не то пришли Василька к Святополку: он будет кормить твоего слепого брата». С негодованием отверг предложение Володарь, и клялся, что Тереволь останется за Васильком. Никто не противился его твердой решительности. Князья разъехались.

К чему вело Святополка злодейство? не будем спрашивать, ибо злодейство часто бывает без цели. Но для чего был второй сейм Любечский: обезопасил ли он князей, оставив без мести более нежели убийство? Распределил ли он власть взаимную по участкам, достаточно оградить безопасность частей? Правда, у Давида отняли Владимир, но и самый удел в Бужске по смерти Давида должен был перейти к Киеву, значит, злодейство Святополка увенчалось полным успехом, ибо обделение, ограничение Киева было вознаграждено сим злодейством, и, таким образом, в чем не могла убедить князей явная необходимость придать более силы Киеву, то добыто было ухищрением. Вся вина падает на Мономаха: его ненависть к Олегу, его честолюбие и жадность руководствовались отвратительной политикой современников! Он берег Великое княжество для себя и рода своего, ему надобно было сохранить вещественную крепость свою и в то же время не нарушать внешнего почитания к званию Великого князя: он сгибался перед Святополком, жертвовал всем – совестью, честью, благом народов – и тайными ковами хотел только поддерживать несчастное правило, что сильнейший всегда прав. Утешительно видеть Ростиславичей, благородных, высоких, чуждых расчета низкого. Сострадая им в бедствиях, радуясь, что сила духа могла спасти их и в слабости, мы с прискорбием видим, как упал тогда сильный характер Олега, прежде столь смелого, столь доблестного: он хотел только спокойствия в старости и был тем доволен, что ему дали место на отцовской земле; решительно ни во что не хотел он мешаться, предоставляя все Мономаху, союзнику, другу Святополка, мнимому угоднику, в самом же деле правителю души и мнений киевского князя.

Он передал ему еще жертву. Сын Святополкова брата Ярополка, Ярослав, княжил тогда в Бресте. Мы видели, как лишился Владимира отец его, но когда Давид низвержен был с Владимирского удела, не Святополк, но Ярослав должен был наследовать Владимира, и он потребовал справедливости. Святополк захватил сего юного князя и привез в Киев скованного. Духовенство умоляло свирепого дядю отпустить несчастного племянника; он согласился и отпустил; но Ярослав был немедленно пойман сыном Святополковым и через десять месяцев умер в темнице.

Надобно было Мономаху унизиться еще более. Вечная вражда Киева с Полоцком могла теперь возбудить храбрость Святополка, ибо Всеслав, грозный в счастья и несчастья, скончался: 57 лет он умел удерживать независимость Полоцка; дети его делили наследие и ссорились между собою. Святополк и Мономах отправили к Полоцку войско, но оно возвратилось

без успеха. Оставив на время в покое Полоцк, Святополк требовал от Мономаха Новгород, в обмен на Владимир. Мономах не противоречил: он знал новгородцев. Мстислав приехал из Новгорода; с ним прибыли и избранные новгородцы. Послы Мономаха сказали Святополку, что князь переяславский согласен с указом великого князя, и прислал сына своего в Киев, чтобы торжественно передать сыну его Новгород. «Но мы не согласны, – начали тогда говорить новгородцы, – не хотим ни тебя, Святополк, ни твоего сына. Мстислав вскормлен нами для Новгорода, а ты, помнишь ли, бежал от нас». Святополк гневался, требовал повинования и наконец объявил, что непременно пошлет сына своего в Новгород. «Посылай, если у него две головы», – отвечали новгородцы. Святополк уступил, женил князя владимирского на дочери Мстислава и отказался от размена.

Мономах лучше его умел поставить на своем, когда хотел что-либо исполнить непременно. Совершилось давнишнее желание его. Святополк и он согласились между собою идти на половцев. В Киеве видны были по три ночи северные сияния, были затмения, солнечное и месячное. Народ пугался, молил обратить знамения на добро, и Мономах умел уверить всех, что сии знамения будут к добру и обещают победу, если сами русские князья пойдут на врагов. Говорили, что идти весною и не дать управиться с пашней, значит изморить коней и разорить поселян. «Дивлюсь, – отвечал Мономах, – вы жалеете коней, коими орет смерд, а не подумаете, что стрела половца может поразить его на пашне; тогда половчин возьмет коня его и заехав в село возьмет жену и детей его. Вам жаль коня, а самого смерда не жаль?» – Поход был решен. Киевские, переславские, смоленские, рязанские, даже полоцкие дружины шли по Днепру, в ладьях, и сухим путем.

Сей поход изумлял современников: он напоминал Олега и Святослава. В первый раз осмелились руссы искать половцев в самой земле их. Все казалось современникам чудесным в сем походе: на Печерском монастыре являлся столп от земли до неба, который Мономах видел издалека, и целый мир видел: это был ангел, говорили современники. Летописи описывают подробно поход, сказывают имена убитых половецких ханов; говорят, как молились руссы, готовясь в бой; как давали обеты, обещали вклады и милостыни; как гордились половцы, шли бесчисленным множеством, будто лес дремучий на голой степи. Не давая никому пощады, руссы били и резали половцев, не хотели взять окупа со знаменитого вождя Бельдюза и, укорив его в прежних клятвопреступлениях, рассекли на несколько частей. Множество пленных, коней, овец, верблюдов было захвачено и уведено в Русь.

Но между тем как Святополк возобновлял города, разоренные прежде, Боняк и Шарукан явились с новым набегом. Вновь собрались тогда князья, вновь разбили, гнали половцев. Святополка встретили и обнимали монахи в Печерском монастыре, как брата. Иноки старались растолковать народу, что землетрясение и знамения на небе все обратились к добру, и Святополк заложил огромную церковь во имя ангела.

Сражаясь с одними половецкими ханами, князь старался в то же время обласкать других ханов. Олег и Мономах женили сыновей своих на дочерях хана Аэпы. На следующий год новый поход в половецкую землю был произведен дружно. Руссы явились на Дону, жгли половецкие города и били жителей. «Ангелы, – говорят летописцы, – невидимо летали над нашим войском и поражали половцев, обезумевших от страха». Современникам казалось, что слава русская долетела ко всем народам, дошла и до Рима, как столп огненный с Печерского монастыря освещал всю землю, по их мнению.

Честь этих начинаний принадлежала Мономаху: все знали это и его почитали виновником мира, союза и славы. Он достигал своей цели, и смерть Святополка довершила его желания.

Глава 3. Переход Великого княжения в род Всеволода или Мономаховичей

Старший из всех потомков Ярослава (не исключая и внуков Владимира, княживших на Волыни) был Олег черниговский; ему следовало великое княжество по смерти Святополка. Но 16 апреля умер Святополк за Вышгородом, а 20 апреля Мономах был уже в Киеве. Киевляне грабили дома бояр Святополковых и жидов, поселившихся в Киеве; несправедное стяжение Святополка раздавалось священникам, монастырям и нищей братии супругой его, за упокой души князя.

Киевляне немедленно объявили Мономаха великим князем; он отказался от сей почести, и только бунт и неустройство киевлян заставили его принять предлагаемую власть. Так сказано в некоторых летописях: может быть, так и было сделано для народа; но нам не нужны пояснения поступка Мономаха, и добродушный летописец лучше всего показывает нам, как смотрел он на события, когда, хваля Мономаха, говорит: «Мономах не щадил своего имени, раздавал требующим, сооружал и украшал церкви, особенно чтил монахов и священников, давая им все потребное и принимая от них только молитвы. Бог дал ему такой чудный дар, что бывши в церкви и слушая пение, он всегда умилялся, плакал и молился со слезами.

За то Бог совершал все его моления и исполнил лета его доброденствием».

Олег не противился Мономаху: спорил с ним и бросал жребий о том, где поставить раку св. Бориса и Глеба, но не вступался в Великое княжество. Утвержденный на великокняжеском престоле, Мономах немедленно начал действовать к большему его усилению.

Он призвал Мстислава из Новгорода и дал ему новый удел близ Киева, в Белгороде. Присутствие сего князя, известного храбростью, было необходимо. В Новгороде остался сын Мстислава, Всеволод. Любя отца, новгородцы рады были и сыну его, также храброму. Другой сын Мономаха посажен был в Смоленске. Младший, Георгий, прозванный Долгоруким, в Суздальской области; Ярополк остался в Переяславском уделе. Все они немедленно устремили оружие на врагов Руси: Всеволод совершил поход в Финляндию; Долгорукий пошел на волжских булгаров; Ярополк на половцев. Победа почти везде сопровождала оружие русских. «Мономах прославился победами, – говорят летописцы, – его имени трепетали все страны, и слух о нем прошел по всем землям!» Видим, как отвыкли уже тогда потомки варягов от побед и покорения врагов! Мономах дорожил известностью в чуждых землях. Вспомним слова его: «Чтите гостя, – завещал он сынам, – откуда бы он ни пришел, знатный был или не знатный, посол или просто чужеземец, одарите его, угостите брашном и питием. Такие люди ходят по всем землям, и от них бывает добрая и худая слава».

Укрепляя Русь оружием, Мономах, несмотря на старость, сам поехал в разные области, закладывая новые города, устраивал каменные стены в прежних городах, созидал церкви, общественные здания, занимался законами. Так заложен был в Суздальской области новый город, названный Владимиром и, в отличие от Волынского, проименованный Залесским. Сие событие важно по своим последствиям: Мономах не думал, что через сорок лет внук его с ужасом и презрением оставит Киевскую область и перенесет великокняжескую столицу в этот городок Суздальской области. В Новгороде и Ладоге устроены были новые стены каменные; на Днепре наведен мост; издан закон о лихве. Приняв к себе остатки хазар, бежавших от меча половцев, Мономах дал им место для постройки города, коего остатки видны донныне.

Юго-восточная часть России представляла в это время, в малом виде, картину рассеяния народов, какое с V по X век представляла вся Европа. Здесь были смешаны и разбиты города, кочевья народов, и многие орды, отделясь от своих собратий, приняв частные имена,

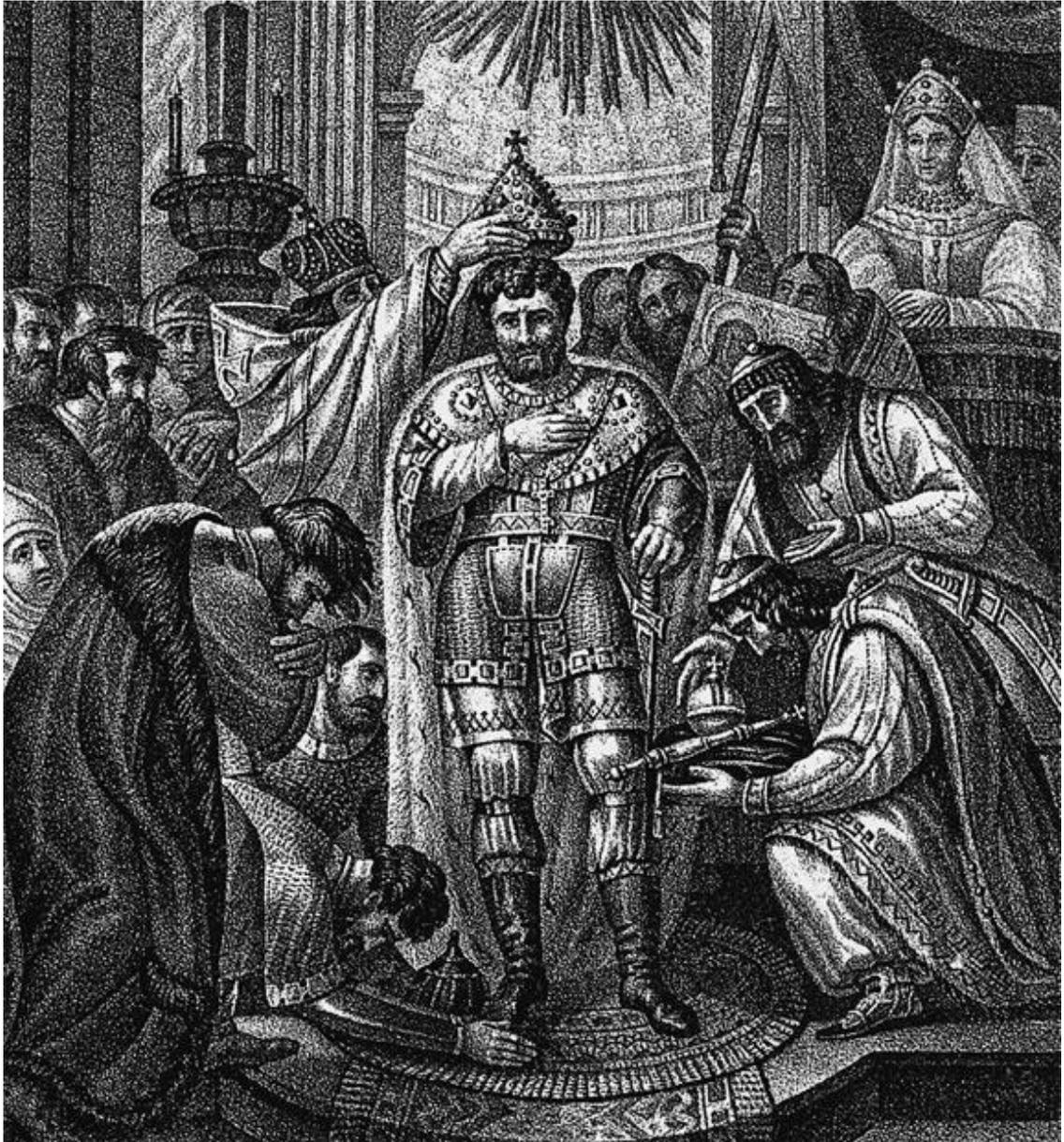
являлись особыми землями, поселениями и народами. Вообще можно положить, что по разорении хазарского государства два главных народа следовали один за другим от пределов Азии: печенеги и половцы. Последние истребили, рассеяли, покорили и смешали с собою печенегов, будучи сходны с ними в правах и образе жизни. Но являются еще хазары, основавшие, как мы упомянули, новую Белую Вежу, печенеги отдельно и торки. Находим еще берендеев, вероятно смесь или отделение печенегов, половцев, торков. Народы, под всеми этими названиями, во времена Мономаха бежали к Днепру, были прогнаны Мономахом, отчасти поселились и образовали собою народ, называвший себя харакалпаками; их начинают с сего времени называть в наших летописях черными клобуками. Впоследствии называли их черкасами, и, вероятно, с того еще времени можно положить начало сборных племен, впоследствии образовавших собою на Днепре казаков. Все полудикие пришельцы сии, после упадка половцев, чему положил начало Мономах, не были уже страшным бичом Руси. Семьдесят лет, протекших от смерти Ярослава до смерти Мономаха, надобно почестъ периодом самого сильного бытия половцев.

Тридцать лет княжил Мономах, и постоянно следовал правилам своей политики. После внешней безопасности русских княжеств один предмет беспрерывно обращал на себя его внимание: укрепление власти и силы своего рода.

Полоцкое княжество, разделившееся между детьми Всеслава, могло быть завоеванием легким, но Мономах довольствовался унижением полоцких князей. Минский князь хотел ему противиться. Мономах опустошил Друцк и переселил жителей его в новый город, схватил минского князя и уморил его в плену. Братья минского князя не смели противиться и покорствовались Мономаху.

Олег черниговский скончался за десять лет до смерти Мономаха; брат его, Давид рязанский, старый и набожный, наследовал Чернигов и также скончался до смерти Мономаховой, за два года. Чернигов достался третьему брату, Ярославу Муромскому. И Давид и Ярослав свято чтити волю Мономаха. Четыре сына Олеговы повиновались дяде своему Ярославу, вероятно имея небольшие уделы.

Родственный союз связывал Володаря перемышльского с Мономахом. Мономах не хотел более терпеть владычества чуждого рода в области Владимирской, столь близкой к Киеву. Оскорбление, какое нанес ему Ярослав, князь владимирский, решило гибель сего несчастного сына Святополкова. Женатый на дочери Мстислава, он не любил ее и не хотел жить с нею. Мономах вздумал оружием принудить Ярослава любить его жену. Два месяца киевляне осаждали Владимир; Ярослава принудили дать слово, что мир и согласие будут между ним и его женой, но едва отступили киевские войска, Ярослав бежал в Польшу. Мономах объявил его лишенным княжества, и отдал Владимир сыну своему Роману, зятю Володаря, а по смерти сего князя, через несколько месяцев, другому сыну, Андрею. Поляки вступились за Ярослава, приступали к Червену и ушли обратно, когда Андрей начал опустошать их собственные земли. Ярослав нашел более сильного защитника в короле венгерском. Венгерское войско осадило Владимир, где затворился Андрей. Он умел, кажется, идти по следам отца, когда сила была недостаточна: два воина вышли из Владимира и – пронзили Ярослава копьями, когда он, обозрев город, возвращался в стан свой. Венгерский король немедленно заключил мир и удалился.

Венчание на царство князя Владимира Мономаха

При самом вступлении Мономаха на Великое княжество внимание его обратилось на возраставшую свободу Новгорода. Переменяя князя новгородского, он призвал к себе новгородских бояр и судил их, не как представителей вольного города, но как простых бояр удельных: многих оставил в Киеве, других даже посадил в темницы; остальные присягнули в верности, по требованиям Мономаха. Недовольный сим, он лишил новгородцев права избирать посадников и отправил в Новгород правителем своего киевского вельможу Бориса. Новгородцы роптали, но не смели противиться.

Почти ни одного из современников Мономаха уже не было в живых, когда в глубокой старости он закрыл глаза навеки. Без всякого спора от других передал он Великое княжество старшему сыну своему Мстиславу и мог думать, что рука сего князя будет уметь поддерживать огромное здание, которое в течение почти пятидесяти лет с таким трудом сооружал и успел соорудить Мономах: говорим о федеральной монархии, приготовленной Мономахом сынам своим.

Мстислав, обладая Киевом, имел под рукою униженный Новгород, где был князем сын его Всеволод. Киевское княжество усилено было Смоленской и отчасти Полоцкой областью, что составляло удел сына Мстислава Ростислава; третий сын Мстислава, Изяслав, княжил в Курске, составлявшем часть области Киевской. Брат великого князя, Ярополк, владел Переяславским уделом; другой брат, Вячеслав, Туровом; третий, Андрей, Владимирским княжеством; четвертый, Георгий Долгорукий, областью Суздальской, где в первый раз составилось при Мономахе особое удельное княжество.

Так распределил Мономах все уделы и области и, казалось, с необыкновенной предусмотрительностью упрочил наследие сынам и внукам. Он перенес систему наследования Великого княжества в свой род. После Мстислава долженствовал наследовать оное Ярополк, затем Андрей, за ним Георгий. Рассмотрите, как осторожно вследствие сего делены были уделы. Усилив Киев, Мономах делал его первенствующим не только по имени, но и по могуществу, поставив Курскую область между Суздаlem и Переяславлем, как связь Киева и Приволжья, Смоленскую, как связь Киева и Новгорода: честолюбие братьев Мстислава удовлетворялось уделами Владимирским и Суздальским, и Великое княжество было безопасно от их влияния; наследник великого князя, получив Переяславль, должен был блюсти Киев для собственной пользы.

Против сей силы великого князя были только враждебные потомки Святослава, Ростиславичи и Полоцкое княжество. Но Святославичи, довольные Черниговским уделом, окруженные со всех сторон Мономаховичами, также княжество Полоцкое и княжества Теребовльское и Перемышльское, слабые и заделенные, не могли быть опасны.

Так мог думать Мономах, думать и полагать, что труды и подвиги его достигли цели, издавна им предложенной. Мономах в течение полувека составлял главное действующее лицо в русской истории XII столетия. Мы видели уже деяние его; но Мономах достоин особенного внимания нашего. Только Олег является лицом, замечательным подле Мономаха. Судьба сего сына Святославова, изгнанника, умевшего без всяких средств и без помощи родных оспаривать свое наследие, всегда проигрывавшего и всегда находившего новые средства, наконец пожертвовавшего честолюбием спокойствию, когда у него, братьев и детей был угол в родимой стороне, – возбуждает наше сострадание и уважение. Мономах, рожденный в других обстоятельствах, шел иначе, нежели Олег. С самого начала он владел умом отца, потом владел Святополком, был благоразумнее, смелее на совесть, счастливее Олега, и, если бы своекорыстие не потемняло, не разрушало его собственных предначинаний, он мог бы заслужить благословение потомства. Но ограждая отечество умом и рукою, он не думал о благе его бескорыстно, и – как дым разлетелось все им устроенное!

Мы говорили о поучении, которое оставил он сынам своим: любопытное по многим отношениям, оно особенно любопытно как памятник исторический. Показывая нам тогдашний образ жизни, мнения, поверья, поучение Мономаха еще лучше показывает и то, чем умел он привлечь к себе любовь и привязанность народа, являет и нежное попечение Мономаха о том, чтобы дети его соблюдали собранное им.

Но Мономах не заметил, что семена раздора и гибели рассеяны были им повсюду. Отстранив потомков старшего брата от престола великокняжеского, не сам ли он давал повод разрушить его новое установление и первому пришельцу исторгнуть у детей его великое княжество? Если Олег бесспорно уступил Мономаху первенство, потомки Мономаховы могли ли всегда оставаться в такой силе, в таких благоприятных обстоятельствах, в каких находился Мономах? Слабость Черниговского удела и ослабление силы половцев были ль ручательством, что потомство Олега навсегда забудет права свои на Великое княжество и когда-нибудь, со временем, не получит средств поддержать сии права? Новгород, быв стеснен Мономахом, таил свое огорчение. Вероятно, труднее разбития половцев была для Мономаха победа над республиканской гордостью города, уже сильного, уже 200 лет добывав-

шего себе права. Политические хитрости Мономаха в сем случае не означены в летописях. Но самое семейство Мономаха не могло ль представить позорища междоусобий, подобно Мстиславу и Георгию, Ярополку и Андрею.

Скажем ли, что если бы Мономах шел прямым путем, отдавал каждому должное, умел не отнимать, а давать, он мог бы надеяться благоденствия? Но Мономах теснил других, не жалел ни крови, ни совести, прочил только себе и детям, и дети его растерзали друг друга...

Мстислав был великим князем семь лет. Счастливые битвы с половцами ознаменовали начало его княжения. Помня прежнюю славу его оружия, современники ожидали от Мстислава подвигов воинских: ожидание их сбылось; но Мстислав вскоре показал неспособность свою править государством.

Ярослав Святославич продолжал мирно княжить в Чернигове, не опасаясь племянников своих, детей Олега. Всеволод, старший из них, честолюбивый и ловкий более других братьев, хорошо понял характер Мстислава и не побоялся восстать на дядю, изгнать его из Чернигова, перерезать его бояр и объявить себя, вследствие дележа после Любечского съезда между отцом его и дядями, князем черниговским, отсылая Ярослава в доставшийся ему тогда удел, Муром. Всеволод делал то же в Черниговском княжестве, что Мономах сделал в княжестве Великом. Ярослав просил туда и помощь великого князя, и получил обещание. Войска киевские и переяславские соединились; Всеволод звал половцев; Ярослав напоминал великому князю обещание. Но Всеволод только пугал половцами. Он успел убедить в свою пользу игумена Григория, любимца Мстиславова; Григорий и все киевское духовенство явилось к Мстиславу и просило его не вступаться в обиду Ярославову. «Но я дал ему клятву?» – говорил Мстислав. «Снимаем клятву твою на себя», – отвечали Григорий и священники киевские: лучше нарушить слово, нежели быть причиною пролития крови христианской». Ярославу было отказано; он с горестью удалился в Муром, где умер через два года; к Мурому причислялась и Рязань; дети Ярослава составили два особых удела, Рязанский и Муромский. Всеволод торжествовал отнятие Чернигова, как важную победу: это был первый шаг к успехам сего князя, юного и не испытанного горькими опытами отца. Сдружась с великим князем, он охотно шел содействовать Мстиславу в деле бесполезном и несправедливым.

Мстислав сознавался, что сделал важную ошибку, попустив обидеть Ярослава, жалел и каялся в этом и как будто хотел загладить вину свою решительным уничтожением княжества Полоцкого, нимало не враждовавшего с Киевом. Он сам, братья, дети его, князь черниговский, вступили в Полоцкую землю, как бы в страну язычников, грабили, жгли. Довольный опустошением и покорностью, Мстислав сначала думал было оставить в Полоцке одного из сынов Всеслава, но вскоре сверг сего князя. Все дети и потомки Всеслава были схвачены и как государственные пленники выгнаны из Руси: их, скованных, увезли в Грецию. Думали, что поколение Всеслава навсегда исчезло в Руси. Мстислав объявил Полоцкое и Минское княжества уделом Киевского, и посадил здесь сына своего Изяслава, князя курского. Новая ошибка и в сем назначении удела: говоря о детях Мономаха, мы упомянули Вячеслава; ему дан был отцом небольшой удел Туровский. Вячеслав не хуже других грабил полочан и надеялся от брата награды: он остался по-прежнему в Турове, оскорбленный.

И новгородцы участвовали в сем походе; они мстили старым врагам своим, половчанам. Но любя Мстислава, как прежнего своего князя, и идя по его велению в поход, в самый первый год Мстиславова княжения они прогнали киевского посадника и избрали по-прежнему своего. Кажется, что физические бедствия, тяготившие новгородцев при Мстиславе, не давали еще им свободы действовать. Тем сильнее обнаружилась потом их горделивая воля. Мстислав как будто ничего не замечал.

Так он оказал еще более нерешительности и слабости при ссоре перемышльских князей. По смерти Володаря, Владимирко, старший сын сего князя, получил Звенигород, Ростис-

слав, младший, Перемышль. Но Владимирко, умом подобный Святославу черниговскому, а храбростью отцу своему Володарю, не хотел слышать о разделе, искал помощи у венгров, не слушался слов великого князя, уступил только твердости Ростислава, защищавшего свое право оружием, и остался спокойно князем звенигородским, до времени, явно показав, что он делает это не по воле киевского князя.

Завещание Владимира Мономаха детям

Война с половцами, которых русские дружины гнали за Дон, даже за Волгу, и поход в землю литовцев заключают события княжения Мстиславова. Брат его, Ярополк переяславский, наследовал Великое княжество.

Сей сын Мономаха, не имевший никаких замечательных свойств отца, не может быть отличен даже и именем храброго, подобно Мстиславу. Детей у него не было. Как старший из сыновей Мономаховых после Мстислава, Ярополк должен был наследовать Великое княжество. Кроме Ярополка были еще живы братья его: Вячеслав туровский, Андрей владимирский, Георгий суздальский. Не знаем причины, по которой Вячеслав был обделен отцом в уделах, но если уже признан был порядок перехода наследства в роде Мономахов, если уже черниговские и волынские князья не противоречили сему порядку, то после Ярополка следовало наследство Вячеславу, после него Андрею, а в случае смерти его Георгию Долгорукому. Здесь видим, как покушение одного честолюбца повлекло за собою дальнейшее покушение другого. Мономах хотел утвердить княжество в своем роде; Мстислав хотел еще большего: утверждения великого княжества в его собственном роде, без участия братьев. У Мстислава было, кроме Всеволода новгородского, Изяслава курского, а потом полоцкого, и Ростислава смоленского, еще двое сыновей: Святополк и Владимир. Не имея детей, слабый Ярополк легко согласился на убеждения брата и при жизни еще Мстислава заключил договор, по которому Всеволод Новгородский должен был получить Киев и Великое княжество в случае смерти Ярополка. Несчастное чадолубие отца забыло, что Всеволод черниговский,

зять и угодник Мстислава, мог еще помнить о правах своих на Киев, не предвидело, что братья Вячеслав, Андрей и Георгий будут оскорблены новым постановлением. Андрей известен в наших летописях под именем доброго: не знаем, чем заслужил он такое имя. Георгий Долгорукий не был ни храбр, ни умен подобно отцу, но не уступал ему властолюбием.

Никто не знал явно о договоре Мстислава с Ярополком. Он обнаружился в распоряжении Переяславским уделом. По вступлении Ярополка на Великое княжество, Переяславль должно было получить его наследнику. Это княжество казалось оплотом Киева и ступенью к Великому княжеству после Всеволода и Мономаха. Переяславский князь в полдня мог быть в Киеве. Ярополк немедленно призвал Всеволода из Новгорода и отдал ему Переяславль. Но Всеволод только полдня был князем переяславским: Георгий и Андрей уже стерегли Переяславль. Вступив в него утром, вечером Всеволод увидел суздальские дружины; они изгнали Всеволода. Великий князь не знал, что делать; начал переговоры; между тем Изяслав полоцкий вызван был в Киев и посажен в Переяславль. Не хотел ли доказать этим Ярополк, что удел Переяславский не есть еще признак наследства киевского? Кажется, братья его требовали доказательств сильнейших: они хотели, чтобы наследник Киева был переяславским владетелем. Ярополк согласился, и – Вячеслав приехал в Переяславль, откуда почти насильно выгнал Изяслава. Ярополк не знал, чем удовлетворить племянников; тогда вдруг открылись – и долго таимые новгородцами неудовольствия, и ненадежность покорения Полоцка.

Всеволод, потеряв Переяславль, и видев, что договор отца его с дядей разрушен, хотел снова обратиться в Новгород. Но уже вече, умолкнувшее при Мономахе, гремело по-прежнему. Без участия Всеволода и без спроса в Киеве новгородцы избрали новых посадников в Новгород и Псков. «Ты давал клятву быть всегда с нами, а потом искал другого княжества: иди же куда тебе угодно», – говорили Всеволоду новгородцы, спорили и гнали его; партии народные вспыхнули; на вече явились союзники суздальского князя, Всеволодовы и – черниговского князя! Всеволод уступал, соглашался на всякие условия, и Новгород признал его снова князем, но – по выбору вольного Новгорода.

Великий князь Мстислав, согласно желанию половцев, дает им в князя Рогвольда вместо изгнанного ими князя Давида

Так кончилась прямая власть великого князя над новгородцами. Буйство партий сопровождало это решительное начало республиканской свободы; вскоре увидим дальнейшие действия вольных новгородцев.

Изяслав Мстиславич жил между тем в Киеве: Полоцк не мог быть возвращен ему, ибо после отъезда его в Переяславль в Полоцке явился внук Всеслава, Рогволод, бежавший из Греции. Половчане с радостью встретили потомка законных своих государей.

Ярополку некогда было управляться с новгородцами и половчанами. Он уговаривал Вячеслава уступить племяннику Изяславу бывший его Туровский удел; знал, что князь черниговский сносится с Суздалем, Новгородом, и в то же время должен был переговаривать с Георгием и Андреем.

Вячеслав охотно уступил Туров Изяславу; Ярополк подарил еще племяннику своему подать Печерскую и Смоленскую, и Изяслав, довольный, отправился за сбором в Новгород, Смоленск и Туров. Но тогда открылось, что Георгий не для Вячеслава отбивал у племянников Переяславль: он искал Переяславля и вместе с ним великого княжества для себя самого. Вячеслав ясно видел коварство Георгия и слабость Ярополка, может быть, указывал им на грозу, уже собирающуюся против них: Новгород, Полоцк, Чернигов сговаривались и восставали, и ненависть к памяти Мономаха, вражда к роду Мономахову были залогом дружбы врагов Ярополка и Георгия. Вячеслава не слушали, и он решил умыть руки от

дела трудного и неверного. По крайней мере, его воротили из Городца, когда он в первый раз оставил Переяславль. Прошло еще полгода. Думая, что союзу Суздаля, Киева и Владимира не опасны враги, Георгий и Ярополк не скрывали уже своих намерений; оскорбленный Вячеслав оставил Переяславль, приехал в Туров, изгнал Изяслава и не хотел ни во что вмешиваться. Немедленно открылся договор Георгия с Ярополком. Георгий занял Переяславль и уступил Киеву Суздаль и Ростов, оставив для себя несколько областей бывшего удела, за наследство великого княжества. Расчет был не дурен: делаясь великим князем, Георгий получал обратно все отданное им.

Но это было знаком всеобщего восстания. Князь черниговский тотчас сорвал с себя личину дружбы к Ярополку. Он призвал половцев и вступил врагом в Переяславскую область. В то же время Изяслав, изгнанный из Турова, находился у бывшего врага своего, князя минского. Новгород взволновался. Вече призвало к себе Изяслава, требовало войны с Георгием. Напрасно Всеволод спорил, не соглашался идти на своего дядю. Объявляя себя защитником Изяслава, гонимого князя, брата князю новгородскому, вече грозно требовало похода. Всеволод думал утаить волнение притворным покорством, выступил с войском, взял с собою Изяслава, отпустил его с дороги к черниговскому князю и возвратился в Новгород. Такое притворство оскорбило новгородцев. Тщетно приехал из Киева митрополит Михаил, уговаривал, заклинал, даже пророчил новгородцам неудачу похода. Новгородцы задержали иерарха, чтобы он был свидетелем их удачи; посадник Данков послан был с Всеволодом и с сильною дружиной к Суздалью. Жестокая зима не останавливала новгородцев. Декабря 31 выступило войско, а 26 января на Ждановой горе была жестокая битва с суздальскими дружинами. Неизвестно, кто предводил суздальцев; но несогласное новгородское воинство было разбито; посланник Данков лег на месте, Всеволод бежал, и – осмелился предстать перед раздраженным вече.

Между тем близ Киева уже мирились. Князь черниговский, довольный первым опытом своей силы и своего ума, хотел сделаться посредником. В Киев прибыл тогда митрополит Киевский, с честью отпущенный новгородцами после неудачного их похода к Суздалью. Всеволод находился уже в тюрьме: его самого, супругу, тещу, детей заключили в доме епископа и окружили крепкою стражей; вече хотело судить князя и в то же время быть примирителем князей киевского и черниговского. Посадник Мирослав и епископ Нифонт явились из Новгорода в Киев: так мгновенно упала власть Ярополка, сделался важен князь черниговский и возгордился Новгород! Заключили мир. Положено: Вячеславу наследовать престол. Переяславль, яблоко раздора, не отдали ни ему, ни Георгию: Андрей владимирский возведен был на Переяславское княжество, а Изяслав, покровительствуемый и Новгородом и черниговским князем, получил бывший удел Андрея, Владимир-Волынский. Георгию отдали обратно Суздаль и Ростов; он разрушил свой договор с Ярополком и в награду себе выпросил только городок Остерский близ Киева.

Черниговский князь не получил ничего. Потомки Мономаха забыли на время о своей вражде, когда увидели торжество Олеговых детей, и посредник остался без участия в дележе. На следующий год черниговский князь снова вступил в Переяславскую и Киевскую области. Против него пошли Ярополк, Георгий, Андрей и в битве, когда избранная дружина их уже не гнала черниговцев, поссорились между собой, бежали, спорили в Киеве. Князь черниговский между тем разбил их войска, сжег Халеп, забрал Триполь, Василев, Белгород. Ярополк хотел мира; братья его не соглашались; черниговский князь требовал Переяславля, но удовольствовался Курском и частью Переяславской области, видя, что и за то Ярополк должен хулу и укор принять от братьев своих и от всех. Он ожидал большего от времени и предвидел успехи будущего в собраниях Новгорода.

Ярополк Владимирович. Рисунок В. П. Верещагина. 1891 г.

Там, несмотря на приверженцев Мономахова рода, раздор, волнения и споры, преодолела партия Олеговичей. Псковитяне, ладожане и новгородцы судили Всеволода на народном вече, обвинили его в беспечности, легкомыслии, неудаче суздальского похода, оставили в залог сына его и изгнали Всеволода из Новгорода, когда Святослав, сын Олега, брат черниговского князя, приехал в Новгород, избранный вечем. Но сообщники Всеволода еще противились; посадника Якуна убили в ссоре; даже Святослав был поражен стрелой. За то новгородцы партии Олеговичей сбросили с моста знаменитого приверженца Всеволодова, Георгия Жирославича. Тут началось разногласие между Новгородом и Псковом. В Псков бежали сообщники Всеволодовы. Новый посадник новгородский, Константин Дашков, торжественно заступился за Всеволода и, гонимый противниками, ушел со многими сообщниками ко Всеволоду.

Изгнанник сей жил тогда в Вышгороде. Он не смел явиться к своим новгородским приверженцам, хотя после побега другого посадника, Федора Дашкова, новый посадник, Константин Нежатин, держал открыто его сторону. Народ бросился к дому Нежатины, когда услышал, что он призывает в Новгород Всеволода; Нежатин бежал в Псков, куда немедленно отправился Всеволод. Новгородцы разграбили дом Нежатины и других Всеволодовых приверженцев судили, казнили многих, взяли с других 1500 гривен пени и стали готовиться в поход на псковитян, которые объявили свой Псков отделенным от Новгорода и вольным городом, а Всеволода князем псковским.

Почти в то же время началась новая война близ Киева, обещавшая успехи Олеговичам. Князь черниговский хотел решительно отнять Переяславль. Мономаховичи видели, что

честолюбие Всеволода увеличивалось с увеличением его силы. Ненависть ко Всеволоду задушила вражду между ними. Андрей робко бежал из Переяславля, когда Всеволод с половцами грабил берега Сулы. Тогда Ярополк оказал твердость необыкновенную; поспешно собрал войска всех князей и пошел прямо на Чернигов. Всеволод, не ожидавший такой быстроты, уже хотел бежать к половцам и нанимать войско, но черниговцы уговорили его мириться. Ярополк был рад миру.

Неудача Всеволода казалась тем страшнее для него, что брата его уже не было в Новгороде. Робость Святослава и происки Георгия суздальского вырвали Новгород из рук Олеговичей. Святослав повел новгородские дружины на Псков, и увидел, что псковитяне решились защищаться отчаянно: везде были перекопаны, испорчены дороги, поделаны засеки, и от Дубровны он возвратился в Новгород, даже без начала войны, напомнив своим возвращением неудачный поход новгородцев к Суздалью. Новгородцы негодовали, винили князя в неудаче похода, в дороговизне хлеба, расстройстве дел. Окруженные князем полоцким, другом Всеволода псковского, князьями смоленским, суздальским и псковским, они терпели недостатки во всем. И духовенство восстало на Святослава: он оскорбил его, держа при себе своих священников и вздумав жениться вопреки мнению епископа Нифонта, который находил брак Святослава по каким-то причинам незаконным и не хотел венчать князя. Святослав велел обвенчать себя своему священнику и после того не мог уже примириться ни дарами, ни новым положением о плате, вместо десятин, большой подати епископу. Новгородцы оставили в залог жену Святослава, изгнали его самого и потребовали в Новгород одного из сыновей бывшего своего врага, Георгия суздальского. Георгий с радостью послал им Ростислава, когда Святослав, остановленный смоленским князем на пути в Чернигов, сидел под стражею в Смядынском монастыре.

В это время всех изумило неожиданное событие. Ярополк возвратился из похода к Чернигову, заболел и скончался. Князь черниговский хотя и мирился с ним, но не покидал оружия, и, услышав о смерти Ярополка явился в Киев. Там был уже Вячеслав, и киевляне признали его великим князем, вследствие последних сделанных между князьями постановлений. «Иди из города добром», – велел сказать ему Всеволод. Вячеслав спорил; митрополит уговаривал князей на мир, и Вячеслав уступил силе; он отправился в старый удел свой, Туров. Князя черниговского объявили великим.

Кажется, что никто не ожидал такой перемены после похода Ярополка к Чернигову и изгнания Святополка из Новгорода. Род Олега, после шестидесятилетних бедствий и гонений, вдруг становился первенствующим между русскими князьями. Уже народное поверие забыло о правах его первородства; мощь была на стороне Мономахова рода: дети и внуки Мономаха владели Суздалем, Переяславом, Владимиром и Новгородом. Род Олегов составляли, кроме Всеволода, братьев его Святослава и Игоря (Глеб скончался в 1138 г.), дети брата Олега Давида Изяслав и Владимир и князья рязанские. Мы видели Святослава в действиях его князем честным и добрым – это доказал он и впоследствии, – но с тем вместе не имевшим отличных способностей, ни душевных, ни телесных. Игорь, больной ногами, еще менее брата своего мог представить опору Всеволоду. Против него были: Георгий суздальский, Изяслав владимирский, Ростислав смоленский. Но Всеволод надеялся, что ум добудет силу, а сила укрепит прочность престола киевского, ему самому и роду его. Он сам, действительно, умел удержаться от смерти своей на Великом княжестве, но озаменовал свое восьмилетнее княжение непрерывной меною удач и неудач, всегдашним признаком ума хитрого, но нерешительного, и души, неозначенной великими качествами. Кажется, что вообще он слишком перехитрил: не угодил никому, ни врагам, ни друзьям, и кровавою гибелью брата заплатил за излишнее и безрассудное честолюбие.

Всеволод прежде всего хотел испытать решительность и силу. Игорь и Святослав надеялись обладать Черниговом. Всеволод не дал ничего Игорю, отдал Чернигов Изяславу и Вла-

димиру, а Святослава удовольствовал Курском. Важная ошибка, поссорившая Всеволода с братьями! Но он указал им на княжества Мономаховых потомков, как на области, которые они должны завоевать для себя. Всеволод желал прежде всего низложить Изяслава владимирского, бывшего своего друга, и Андрея, который не хотел обменять Святославу Переяславля на Курск. «Лучше смерть в своей отчине и дедине, – отвечал Андрей, – нежели Курское княжество, где не был князем отец мой. Если ты не сыт властью, хочешь моей волости – убей меня: тебе будет волость, а мне смерть, и это не диво в нашем роде! Святополк убил же из волости Бориса и Глеба; только вспомни, долго ли он жил после того сам». Всеволод не слушал слов Андрея, и велел идти Святославу на Переяславль, отправив другие дружины к Владимиру. Там должен был помогать им и, может быть, предводительствовать ими Владимирко галицкий.

Примирение Ярополка со Всеволодом

Имя княжества Галицкого явилось незадолго перед тем. Мы видели Владимирка в ссоре за наследие Перемышльское. Принужденный удовольствоваться Звенигородом, Владимирко перенес свое местопребывание в Галич, и воевал с Польшей и Венгрией, объявив

себя сначала защитником Бориса, сына Коломана и Евфимии, дочери Мономаховой. Жизнь Бориса достойна романа, но не истории. Владимирко вскоре оставил своего ничтожного союзника, помирился с врагом его, воевал с ним Польшу, хотел богатства, власти, мало дорожил верностью слов и обещаний, и умел сделаться сильным и могущественным. Он не вмешивался в раздоры русских князей, но ждал случаев и готов был помогать, если видел пользу собственную. Так он ходил к Чернигову с Ярополком на Всеволода, а теперь согласился помогать Всеволоду в низвержении Изяслава с Владимирского княжества. Дружины киевские не дошли до Владимира: испуганные, они возвратились с пути. Такая же неудача постигла Святослава – славного только неудачами: он был разбит Андреем. В негодовании, Всеволод спешил заключить мир с переяславским князем, подтвердил мир и с половцами, которые прислали к нему послов. Он помирился также с Изяславом Владимирским и с Вячеславом, которого в Туровском уделе беспокоили отправленные Всеволодом дружины. Всеволод решил обласкать Вячеслава, Андрея и Изяслава, предложил им не только мир, но и дружбу, не стал тревожить Полоцка и женил сына своего, Святослава, на дочери Василька полоцкого, друга Мономаховичей. Всеволод думал обмануть всех сих князей, усилить Киев и управиться с другими врагами: сии враги были – Владимирко галицкий, новгородцы и Георгий суздальский.

Владмирко оскорбил Всеволода поступком своим, доказав, что он не боится и не уважает киевского князя. Когда дружины киевские двинулись в поход, Владимирко вступил также во Владимирскую область, но не враждовал с Изяславом и, слыша о бегстве киевлян, предложил Изяславу мир и дружбу. Смерть брата Ростислава и племянников: Иоанна и Георгия, детей знаменитого слепца Василька, сделала Владимирка обладателем Теремовля. Иоанн, сын Ростислава, названный Берладником, был лишен наследства дядею и оставался без удела в Звенигороде. Такое своеволие Владимирка и фила его были опасны Всеволоду.

Но он еще терпел князя галицкого, устремив враждебное внимание на Долгорукого. Сей князь, нелюбимый своими родными, видел опасность, какую готовила ему и всем Мономаховичам хитрость Всеволода. Крепкий в своем отдаленном княжестве, обладая и Новгородом, он думал, что может отважиться на борьбу с Киевом. Приехав в Смоленск, Георгий требовал помощи новгородцев и оскорбил их гордость. Требование казалось им приказом: восстал вольный город, и без того страшившийся мщения Всеволода. Ростислав, сын Георгия, не дожидаясь тюрьмы, бежал, и Долгорукий отмстил Новгороду сожжением Торжка.

Партия Святослава курского была еще сильна в Новгороде. Думая, что, приняв брата, примирятся с великим князем, новгородцы снова звали к себе Святослава. Но Всеволод не брата, а сына своего назначил в Новгород, особенно же поссорясь со Святославом после переяславской неудачи. Святослав приехал в Новгород и застал его раздираемый волнениями: там были приверженцы Суздалья, Пскова, Киева и Святославовы друзья; вече было шумно. Святослав думал угодить брату и утвердить себя в Новгороде строгостью. Посадник Якун был с ними заодно. Знаменитый Константин Дашков и другие новгородцы, скованные, были отправлены в Киев. Святослав требовал похода и хотел идти на Суздаль. Новгородцы не стерпели дел Святослава. Слыша о замышлении веча, Святослав решился добровольно отдать Новгород киевскому князю. «Не хочу быть у них, – велел он сказать Всеволоду, – тягота в людях сих; кого тебе любо, того и пошли». Но вече уже определило тюрьму Святославу; дома друзей его грабили; тысяцкий, кум его, успел уведомить Святослава об опасности, и Святослав бежал из Новгорода в Полоцк, а потом в Смоленск; за ним бежал и посадник Якун, но на берегах Полисти Якуна догнали, били, бросили в воду; он выплыл из реки и был сослан в Чудскую сторону. Оттуда Якун ушел и скрылся у Георгия в Суздале. Долгорукий ласково принимал всех беглецов из Новгорода, и они стремились к нему толпами. На время переселила других партия киевская. Слыша, что Всеволод не решается отправить сына своего, новгородцы послали к нему послов и епископа Нифонта. С честью встретив

посланных, Всеволод отправил с ними своего сына. К изумлению послов, гонцы киевские догнали их на дороге: им велено от Всеволода возвратиться в Киев, как пленникам. Уже вече переменяло свое намерение: страхась признать власть Олеговичей, Новгород требовал князя из рода Мономахова. Они отказывались от Долгорукого, но хотели Святополка или Владимира, детей Мстислава.

Святополк был тогда в Пскове, куда удалился с братом своим Всеволодом. Всеволод скончался в 1138 г., любимый псковитянами и признанный за святого: меч его доньне, как святыня, хранится в Пскове над его мощами. Но киевский князь не хотел ничего слышать. Боясь, что Святополк или Владимир, могут и без его воли явиться в Новгороде, боясь в то же время и раздражать новгородцев, он призвал обоих Мстиславичей дал им удел в Бресте и объявил Новгород отделенным от всех. «Пусть сидит он в своей силе, – сказал Всеволод князьям, – и ищет где хочет князя». Новгородцев хватили повсюду, садили в темницы, пресекали с ними сообщение, Новгород был шесть месяцев управляем посадником Судилой. Напрасно новгородцы извещали великого князя, что они требуют Мономаховича от руки его, как владыки русского. Оскорбленные упрямством Всеволода, они обратились наконец к Георгию суздальскому и просили отпустить к ним по-прежнему Ростислава. Георгий согласился. Всеволод не скрывал своей досады и занял его Остерский Городок. Суздаль и Новгород, Киев и Чернигов – северная сторона Руси и южная, готовились на брань. Смерть Андрея Переяславского была причиною новых событий.

Дружба великого князя с братьями до сих пор казалась весьма холодною. Не понимая замыслов Всеволода, братья его негодовали: почему дружит он с Мономаховичами, а им не дает уделов. Андрей скончался в Переяславле; двое сыновей его не могли унаследовать удела: и Олеговичи, и Мономаховичи дорожили Переяславлем, облитым кровью. Братья Всеволода надеялись, что им теперь достанется сей важный удел, который еще так недавно хотел Всеволод завоевать для них оружием. Но Всеволод поучительно послал звать на Переяславский удел Вячеслава туровского. Вячеслав с радостью отдал ему Туров и приехал в Переяславль. Тогда безрассудные братья Всеволода сделались открытыми врагами великого князя. Они соединились с черниговским князем и напали на Переяславскую область, грабили, жгли селения и хлеб. Вячеслав ждал помощи и не сражался. Явились и защитники и примиритель, ибо Всеволод еще надеялся вразумить своих братьев: инок Святоша послан был уговаривать двоюродных братьев, когда в то же время Изяслав Владимирский и Ростислав побеждали их воинства и брали черниговские города. Наконец Святослав и Игорь смирились. Всеволод придал к их уделам города: Юрьев, Рогачев, Черториск и Клецк, дал и Давидовичам Брест и Дрогичин. Киев примирился с Черниговом и вскоре усилен был еще более. Вячеслав, без всякого спора, согласился обменять Переяславль на прежний Туровский удел и отдал его Изяславу владимирскому. Уверенный сим поступком, что Всеволод истинно хочет ему добра и его готовит в наследники киевского княжества, Изяслав передал Владимир сыну Всеволодову, Святославу, бывшему в Турове. Всеволод еще более утвердил Изяслава в его мнении, согласясь на убеждение супруги своей, и позволив Святополку Мстиславичу ехать в Новгород по желанию новгородцев. Это решение Всеволода мгновенно разрушило власть Георгия в Новгороде: Ростислав даже не успел и убежать; его посадили под стражу; Святополк Мстиславич имел удовольствие выпустить из тюрьмы своего предшественника, сына знаменитого суздальского князя.

Благодарный Изяслав не хотел видеть вражды между Георгием и Всеволодом. Он сам отправился в Суздаль; но мог ли он уговорить Георгия к миру, когда Всеволод был великим князем, а Изяслав надеялся быть его преемником? С неудовольствием расстался с дядей Изяслав, посетил брата Ростислава в Смоленске, пировал на свадьбе Святополка в Новгороде и просватал в Полоцк дочь свою за князя Рогволода.

Георгий ждал войны, слыша, что на свадьбе Рогволода в одно время пируют и готовятся на брань великий князь, Мономаховичи и Олеговичи. Они в самом деле разошлись до того, чтобы сесть на коней, но до Георгия еще никак не доходила очередь. Владимирко галицкий за годы до сего времени казался другом Всеволода, ходил на помощь польскому королю, зятю Всеволодову, но тогда решительно объявил себя врагом открытым, прислал в Киев крестные грамоты и хотел изгнать сына Всеволодова из Владимира.

Ополчение князя киевского и его союзников было многочисленно и казалось грозным. Владимирко хотел сражаться, призвав на помощь венгров, но, поставленный в затруднительное положение воинскими хитростями Всеволода, тайно искал мира. Всеволод был болен и хотел поспешить в Киев. Он открыл брату своему Игорю, что его назначает преемником своим. Многоглаголивый Владимирко уже проникал сию тайну, ссылаясь с Игорем, обещал ему помощь, и Игорь уговаривал Всеволода. «Ты не хочешь мне добра! – сказал он Всеволоду, – отдаешь мне Киев, а где друзья мои? Дай мне иметь другом хоть одного». Несчастный князь как будто предрекал судьбу свою! В тот же день Владимирко приехал ко Всеволоду, помирился, заплатил ему 1200 гривен серебра и расстался как друг. Всеволод раздал деньги воинству и спешил в Киев.

Он чувствовал совершенное изнеможение и должен был окончательно устроить наследство. Еще далеко не совершились его предначертания, но – медлить было нельзя. Всеволод созвал Олеговичей, детей своих, Изяслава Мстиславича; объявил, что избирает Игоря наследником Великого княжества, и требовал присяги в верности его воле. Изяслав оскорбился, колебался, но должен был согласиться, и, когда после того Всеволод предложил всем идти на помощь польскому королю, Изяслав сказался больным и уехал в свой Переяславль. Игорь взял на себя весь труд похода и легко успел, ибо братья Владислава требовали посредничества и согласились на уступки.

Новые причины вражды уже оказались между Всеволодом и Владимирком. Всеволод как будто поспешал укоротить сего опасного неприятеля, предвидя, что Игорю трудно будет устоять против всех неприятелей своих, даже и в таком случае, когда сильный Владимирко не будет в их числе. Владимирко жаловался, что Всеволод принимает врагов его: он разумел Берладника. Мы видели уже, что сей сын Ростислава – впоследствии достопамятный своими бедствиями – был лишен наследства Владимирком. Живя в Звенигороде, Берладник воспользовался долговременным отсутствием дяди на охоту, склонил галичан избрать себя князем и объявил себя властелином Галича. Предприятие безрассудное! Кажется, что Владимирко столь же мало думал о благе подданных, как и о соблюдении договоров с другими, если не видел в том собственной корысти. Иначе нельзя изъяснить решительности галичан. Владимирко быстро явился с дружинами и осадил Галич как неприятельский город; жители крепко защищались; Берладник три дня дрался мужественно, но, сделав вылазку ночью, был отрезан, разбит, едва пробился сквозь ряды воинов и ускакал в Киев, где Всеволод принял его ласково. Владимирко свирепствовал в Галиче, немедленно предавшемуся его воле, требовал Берладника, грозил войной Киеву и занимал города владимирские. Всеволод призвал снова Олеговичей, Вячеслава, Ростислава смоленского, князей черниговских и сам повел их в Галичскую область, несмотря на слабость здоровья, грязь весеннюю и распутицу. Осадили Звенигород; жители дрались отчаянно, тем более что Владимирков воевода, Иван Халдеевич, ужаснул их строгостью: узнав, что звенигородцы собрались на вече и думают о сдаче города, он захватил трех главных зачинщиков и сбросил обезображенные трупы их с городской стены. Союзники зажгли город, но жители, крича «Господи помилуй!», тушили огонь и не сдавались. Меж тем болезнь Всеволода усиливалась. Он велел войскам отступить и идти обратно в Киев, положив выступить снова в день, Бориса и Глеба. Но смерть уже тяготела над ним! Всеволод велел вести себя в Вышгород, к мощам Бориса и Глеба, слабел со дня на день, и спешил устроить дела государственные, забыв о Владимирке, который торже-

ствовал, явился с войском на пределах Киевской области и взял Прилуку. Всеволод призвал братьев и киевских бояр, снова требовал от них присяги в верности Игорю, послал к черниговским князьям и к Изяславу Мстиславичу знаменитых послов, также для подтверждения присяги. Все снова клялись признать Игоря великим князем; киевляне и вышегородцы целовали крест. Всеволод скончался.

Только присяга поддерживала власть Игоря: все были против него, и князья русские давно отвыкли держать данное слово! Едва предано было земле тело Всеволода, дела приняла совершенно другой вид. Посланный от Игоря в Переяслав не возвращался: Изяслав захватил его и собирал войско. Игорь звал к себе племянника, Святослава владимирского, брата Святослава и Давидовичей. Надобно было сражаться: приехали только два Святослава, племянник и брат Игоря; Давидовичи требовали прежде договоров об уделах. Игорь обещал им все, но в то же время, когда епископ Черниговский проклинал двенадцатью господскими праздниками того, кто изменит, черниговские князья уже изменили; в Киеве также гнездились измена: тысяцкий Улеб и первый боярин киевский, Иван Войтишич, ссылались с Изяславом и звали его в Киев, а граждане собрали вече и требовали Игоря на договор. Святослав явился вместо брата, и киевляне вынудили обещание, что князь сменит нелюбимого народом тиуна Ратшу, изберет судей достойных и будет сам надзирать за правосудием. Святослав обещал, целовал крест, а народ бросился грабить дом ненавистного тиуна. Спешили утишить волнение; черниговские князья не являлись; должно было выступить против Изяслава, который шел прямо на Киев. Отовсюду являлись к нему послы и войско. Игорь выступил навстречу; два неприятеля сошлись, и – измена открылась немедленно. Улеб и Войтишич бросили киевские знамена и перебежали к Изяславу; берендеи начали грабить Игорев обоз. Игорь и Святослав хотели сражаться, но личная храбрость была бесполезна: их обошли, смяли, разбили; все побежало. Из Киева шли торжественно навстречу Изяславу духовенство и народ; дома, села бояр и друзей Игоревых грабили, опустошали, брали сокровища, спрятавшие ими, даже в монастырях. Святослав ускакал с поля битвы за Днепр и скрылся в Новгороде-Северском. Искали Игоря, нашли его, завязшего в болоте, и отправили в монастырь Переяславский. Племянник его, Святослав владимирский, убежал в киевский монастырь св. Ирины. Изяслав принял его милостиво, но ничего не говорил об его уделе и задержал самого князя в Киеве. Все княжение Игоря продолжалось шесть недель; с ним утратил Великое княжество род Олега, утратило и важность свою звание великого князя.

Глава 4. Решительное падение старшего рода (Олеговичей)

В одной битве пала власть государя, которому присяга покоряла других; после одной битвы сей государь обменял княжеский чертог на тюрьму в монастырской обители, и новый властитель воссел на престоле, не имея никаких законных прав, испровергнув царствующий род, среди опасностей и врагов, грозивших ему отовсюду в будущем. Не можем не почтить сего властителя человеком выше других современников, по уму и характеру. Внук Мономаха действительно был таков, хотя не напоминал собою ни Олега и Святослава, ни Ольги и знаменитого своего деда.

Обстоятельства совершенно изменились после Ярослава, и в течение ста лет, минувших со времени его кончины, после девяти великих князей из трех враждебных поколений, показавших собою – к стыду человечества – столь не редкий пример братьев-врагов, система уделов совершенно потеряла свой первобытный характер. Части федеративного государства, учрежденного Ярославом, совершенно распались, и хотя еще средоточие их, Великое княжество, привлекало к себе и соединяло сии разрозненные части, но они, видимо, начинали жить своим отдельным бытием.

Усиление дома Мономахов было первой причиной распада частей: потеряно было равновесие, и слабые, увлекаемые сильнейшими, отчаянною борьбой ослабили могущество частей сильнейших. В сей борьбе совершенно отпал Новгород, связь Севера и чудских народов: он не был уже подпорою великого княжества, и только личные выгоды граждан решали их участие в делах. Таким образом, сила Новгорода могла поддерживать первую удачу каждого предприимчивого князя. Мономаховичи были причиной и того, что устав наследия разрушился, и таким образом понятие о законности по старшинству уничтожилось в мнении народном: здесь только сила или удача решали участь великого княжества. Наконец, сила Мономахов разделилась, и каждая часть владения Мономаховичей приобрела свое независимое бытие. Это было причиной усиления других частей, не Мономаховичами управляемых: княжества Галицкого, княжества Черниговского, почти уничтоженного умом и деятельностью Мономаха. Битвы за Переяславль доказывают, что современники многого ожидали решительно от одной удачи: Переяславль казался им сторожевым местом, с которого можно было наблюдать Киев, и пользоваться каждым удобством для завладения великим княжеством.

В таких обстоятельствах воссел на Великое княжество Всеволод Олегович. Он мог всего ожидать от времени и своего хитрого ума; безрассудство братьев и краткость его княжения не дали ему ничего исполнить. Если бы, укрепив уже Киев Владимиром, он успел укротить ближайшего неприятеля, Владимирка, и управился с Георгием, то Новгород сам собою подпал бы его владычеству, Изяслав, которого он принужден был ласкать, невольно уступил бы силе. При дверях гроба, призывая к обету священному, Всеволод готовил только гибель брату, неспособному и больному. Такою неуступчивостью обстоятельствам и отвержением Изяслава он разрушил еще более связь частей.

Род Олега упал решительно; вещественное значение княжества Киевского уничтожилось почти совершенно.

На сей скале, подрываемой отовсюду, воссел Изяслав – испытанный в бедствиях, знавший по опыту характеры всех русских князей, бывший попеременно действующим лицом в областях Курской, Полоцкой, Новгородской, Владимирской и Переяславской. Все вокруг него было без союза, без дружбы, без веры в обещания, без любви к своим государям.

Олеговы потомки могли искать Киева, как наследники Всеволода, сильные Черниговом, Владимиром, и дружбою Владимирка. Георгий Долгорукий, сильный по Суздалью, дав-

ний враг и братьям своим и Олеговичам, требовал Киева, как дядя, имевший на него права по уставу отцов более Изя слава, казавшегося похитителем в глазах многих; наконец, князь галицкий, ждавший добычи, как враг трупа, смелый, могущий – вот люди, которых надобно было победить Изяславу.

Изяслав поступил как политик опытный и воин мужественный. Он знал, что Олеговы потомки состоят из четверых отдельных партий: двух сынов Давида (Изяслава и Владимира); сына Всеволодова, Святослава владимирского; Святослава Олеговича и князей рязанских; знал, что Давидовичи, жадные до власти, не решатся приступить к сомнительной борьбе за дядей, когда один из них беспомощный бежал с поля битвы, другой был уже в тюрьме. Умев обольстить их, когда Игорь и Святослав владели еще Киевом, тем легче уговорил он их к дружбе и общему восстанию на своих родичей. Он решился прежде всего преследовать Святослава Олеговича, хотел отнять у него все надежды и посему предложил Игорю вечную тюрьму или схиму. Больной и слабый Игорь отвечал: «Давно, еще бывши в счастии, хотел я Богу посвятить душу мою: теперь ничего другого более не желаю». Перенесенный почти заперто в келью из тюрьмы, он был пострижен, принял схиму и – ожил. Святослав уговаривал племянников восстать на Изяслава, когда послы их и Изяславовы известили его об участии Игоря, потребовали придачи Новгорода-Северского к Чернигову, и клятвы что он откажется от Игоря. Святослав заплакал. «Нет! – отвечал он – не откажусь от брата; возьмите у меня все, но его отдайте мне», – скрылся из Чернигова и упрекал племянников в нарушении обещаний. Его обрекли мщению. Святослав, сын Всеволода, жил в то время в Киеве у Изяслава, как друг. Изяслав не отпускал его от себя, но и не отнимал у него Владимира. Увидели неожиданное событие. Вячеслав, дотоле спокойный, уступчивый, раздумал наконец, что Изяслав нарушил права его, завладев Киевом. Из Туровского своего удела начал распорядиться как великий князь, раздавал уделы другим и требовал себе Киева. Никто не слушал его. Ростислав смоленский, по приказанию Изяславову, выгнал его из самого Турова. Ярослав Изяславич получил сей удел; Вячеславу велели выбирать Дорогобуж или Пересонницу. Посадников его изгнали отовсюду, и Ростислав принудил Владимира, сына Андреева, присланного Вячеславом княжить во Владимире, оставить сей город. С ним был сын Всеволода, как законный владимирский владетель. Вячеслав усмирился и не смел противиться.

Игорь в войне с Изяславом взят в плен в болоте, где увяз его конь

Между тем Изяслав думал о Владимирке, Святославе Олеговиче и Георгии. Он укрепил союз с венграми и, заняв ими Владимирку, хотел между тем решительно истребить Святослава и предупредить Георгия, всегда нерешительного, когда надобно было приступить к делу. Быстрота была всего важнее в таких обстоятельствах. Новгородцы выступили в поход к Суздалю, но распутица остановила их; они возвратились с дороги. Тем деятельнее действовали на юге русских областей. Князь рязанский вступил в самые суздальские области, жег и грабил их предварительно.

Участь Святослава, великодушно всем жертвовавшего за брата, возбуждала, однако ж, участие многих. Так, Берладник убежал к нему из Киева; сын князя рязанского прибыл также к Святославу, вопреки воле отца своего; явился и сын Георгия, Иоанн: он, и юный князь рязанский были верными товарищами бедствий Святославовых и сражались рядом с ним. Благодарный Святослав отдал Курск Иоанну и имел несчастье пережить доброго юношу; как отец сидел он подле смертного одра его и горестно оплакивал смерть его, будто смерть родного сына. Князья черниговские не уважали несчастий Святослава. Они вступили

в Северную область, осадили Новгород-Северский, сожгли и разграбили село, принадлежавшее Игорю. «Довольны ли вы, бесчеловечные родственники? – говорил им духовник Святослава, от него присланный. Вы разорили область мою, сожгли хлеб, взяли имение и стада, или хотите еще смерти моей?» «Пусть отступится от Игоря», – отвечали князья черниговские. «Пока душа в теле, не отступлюсь от единокровного!» – отвечал Святослав, и беспрестанно посылал к Георгию, молил спешить взять Киев, властвовать в нем и только спасти несчастного брата его. «Бог помогает защитнику утесненных!» – прибавлял Святослав. Георгий медлил, наконец выступил и опять воротился, услышав, что рязанский князь зорит Суздальскую область. Бессильный Святослав беззаступно смотрел, как Изяслав и князья черниговские осадили, взяли и разграбили Путивль, снова шли к Новгороду-Северскому и искали его смерти. Он укрылся в Карачевскую область; за ним гнались, даже положили цену за его голову. В отчаянии бросился он наконец на Изяслава черниговского, преграждавшего ему путь с малою дружиною, разбил его войско и скрылся в Бятичской области, оставленный всеми, кроме рязанского княжича и немного верных бояр. Берладник уехал от него в Смоленск, взяв, сколько мог, золота за службу. Между тем Святослав опустошал Смоленскую область. Сын Георгия, Андрей, столь славный впоследствии, быстро изгнал рязанского князя из Суздальской области, преследовал его, и даже овладел Рязанью. Сам Георгий напал на области новгородские и звал к себе Святослава. Князья съехались в Москве: здесь в первый раз упоминается имя Москвы. Георгий утешал горестного Святослава, угощал, одарил его и спутников, обещал помощь. Они расстались. Георгий возвратился в Суздаль – думать и медлить, по своему обыкновению. Святослав спешил действовать, ободренный участием суздальского князя и небольшими своими успехами. К нему пришли половцы и бродники, вероятно толпы бродяг, составленные из половцев и русских, не имевшие никакого постоянного жилища и занятия. С ними начал воевать Святослав Черниговскую и Рязанскую области и был изумлен внезапным добротством князей черниговских: они прислали к нему просить мира.

Кажется, что поступок их был следствием неосторожной поспешности Изяслава. Когда черниговские князья, опустошив вместе с ним области Святославовы, ждали наград, великий князь дал им только сии области, из них удержал еще себе Курск, бывший некогда первобытным его уделом, и отдал его своему сыну, Мстиславу. В то же время обменял он удел Всеволодова сына на пять городов: Бужск, Межибож, Котельницу и два других и объявил другого сына своего, Ярослава, князем владимирским. Такие поступки ясно показали черниговским князьям, к чему поведет их дружба великого князя. Они спешили мириться со Святополком Олеговичем, хотя в то же время звали к себе на помощь великого князя и жаловались ему, что Святослав воюет в их областях. Изяслав занимался тогда в Киеве важным делом. Митрополит Киевский не хотел быть свидетелем раздоров княжеских, оставил Киев и удалился в Царьград. Изяслав хотел показать решительность в деле важном: не посылая в Царьград, созвал русских епископов и предложил им самим поставить митрополита. Мы уже говорили о сем деле, сопротивлении Нифонта, новгородского епископа, заключении его в монастырь и бегстве. Уехав в Новгород, Нифонт ездил оттуда к Георгию суздальскому, где освятил несколько церквей, выпросил свободу всем пленным торжковцам и гостям новгородским. Георгий не согласился только на мир с Новгородом, но чтит Нифонта как духовного пастыря, знаменитого благочестием и не согласившегося на раскол других: лаская сего сильного сановника Церкви, он возбуждал ненависть к Изяславу. Изяслав послал наконец к черниговским князьям сына Всеволодова, обчитанного в уделе, но все еще дружески жившего в Киеве. Тогда только показал сей князь, что Владимир отняли у него недаром, согласился с Давидовичами и, вместе с ними и Святославом Олеговичем, ждал Изяслава как враг. Дав знать Ростиславу смоленскому, усердному послушнику своему, чтобы он выступал на Георгия, великий князь сам пошел соединиться с войсками черниговских князей; на пути

известили его о решительной их измене, то есть о дружеском сношении со Святославом Олеговичем, жертвою, обреченною на гибель: дружба с ним казалась преступлением Изяславу, непримиримо ненавидевшему сына Олегова, как дед его Мономах ненавидел Святослава отца. Послав укорить черниговских князей в клятвопреступничестве, он велел идти Ростиславу смоленскому не в Суздаль, но к Чернигову и поспешно призывал киевлян и новгородцев. «Изяслав требует дружбы нашей, – отвечали черниговские князья, – когда Игорь страдает. Что если бы страдал брат его Ростислав? Пусть будет Игорь свободен, и мы помиримся». Так заговорили изменники братьев, когда их обделили в добыче; Изяслав громко возопиял о вероломстве, и – вероятно, велел избавить себя от несчастного князя, который и в монастыре все еще тревожил его, возбуждая участие других, по крайней мере служа предлогом для выгод посторонних.

Это можем мы думать, но не утверждать, ибо летописатели наши оправдывают Изяслава и слагают всю вину на народ киевский. Вот как описывают они смерть несчастного Игоря.

В Киеве оставался брат великого князя, Владимир, юноша, будущий бездушник: он получил приказание собрать народ, объявить ему об измене черниговских князей и требовать всеобщего восстания киевлян. Толпы народа сбегались к Софийскому храму; там выступили присланные от Изяслава и объявили, что Давидовичи хотели убить его, сговорясь с Святославом. Это сказал Изяславу Улеб, некогда благодетельствованный Всеволодом, потом изменивший братьям его близ Киева и посланный в Чернигов для разведывания о делах. «Но Бог и крест честный заступили князя нашего, – продолжали послы, – а теперь идите все к князю: иди кто может, на коне, ладье: не его одного убить, но и вас искоренить хотели Олеговичи». Неистовый крик раздался в народе: «Князь зовет нас, а здесь враг князя и наш враг; уьем его!» Испуганный Владимир хотел удержать бешеную толпу. «Вам этого не приказывал князь!» – говорил он. «Знаем, знаем, и сами хотим убить Игоря: с ним не кончать добром, ни вам, ни нам!» Так кричал народ и, не слушая слов митрополита, увещаний Владимира и тысяцкого, с воплем бежал к монастырю Св. Феодора, где служили тогда обедню, и прежний князь, бедная игрушка счастья, смиренный схимник, стоял пред иконою Богоматери и молился. Владимир поскакал на коне к монастырю, но не мог проехать прямо по мосту, где стеснилось множество бежавших; обскакав в объезд, он встретил Игоря уже в монастырских воротах. «О брат! куда?!» – вскричал Игорь, взглянув на князя. Убийцы нашли Игоря во храме и, забыв святость места, вытащили оттуда с воплем и криком. «Вы целовали мне крест, как вашему князю, и изменили мне, – говорил им Игорь, – но я все забыл, когда сделался монахом; неужели вы забыли клятву свою?» Крик: «Убейте, убейте его!» – был одним и общим ответом. Страшась обогреть кровию монастырь и платье схимника, сорвали с Игоря мантию и рясу. «Наг пришел я в мир и наг изыду из него», – говорил Игорь. Его били, терзали, когда Владимир исторг его, полунагого, из толпы, закрыл своей одеждой, был ударен сам, но при помощи боярина Михалы довел Игоря до дома матери своей, втокнул в дверь и думал, что уважение к княгине знаменитого Мстислава и матери великого князя удержит народ. Но все было тщетно! Михаль, защищая ворота, едва не был сам убит; с него сорвали даже крест и золотую цепь боярскую, ворота выломали, и Игорь был умерщвлен; за ноги волокли труп его и бросили на Подоле. Смерть несчастного князя мгновенно утишила мятеж. «Он святой, он был обречен служению Бога!» – восклицали киевляне; со слезами провожали тело Игоря, мочили платки в крови его, как крови мученика, отрывали лоскутья от его покрова, говорили, что гром гремел во время его погребения и свеча зажглась сама собой над телом его.

После столь подробного рассказа верить ли искренности печали, с какою Изяслав узнал о смерти Игоря? Он прослезился и сказал: «Если бы я предвидел, то далее услали бы его. Теперь не уйти мне от порицания людского; скажут: Изяслав велел убить! Но клянусь

Богом, что я не приказывал и не подушал. Что случилось, так тому и быть! – прибавил Изяслав. – Все мы там будем, и уже Бог нас рассудит!» Он отправился в Киев и не думал искать виновников убийства.

Георгий не явился, но прислал в Южную Русь Глеба, сына своего. Смерть брата воспаляла гнев Святослава; защитники у него были плохие. Курск отдался Глебу; черниговские князья не препятствовали великому князю ходить по их земле, жечь, грабить города. Глеб сносился с великим князем и взял себе от него в удел Городок Остерский. К Изяславу явился и другой сын Георгия: Ростислав, бывший князь новгородский. Глеб, по крайней мере, притворялся и думал овладеть нечаянно Переяславлем, дружась, по-видимому, с Изяславом; но Ростислав прямо приехал к Изяславу и просил себе удел. Он получил города, прежде сего отданные Всеволоду сыну, и Городок Остерский, откуда Глеб спешил уехать. Наконец черниговские князья осмелились выступить на Изяслава, хотели сражаться и искали мира, тщетно посылав еще раз в Суздаль. Ростислав смоленский сделался посредником, и черниговские князья, сказав: «Мир стоит до рати, а рать до мира», – в соборном Черниговском храме поклялись послам Изяслава, белгородскому епископу и печерскому игумену забыть все вражды. Тогда же примирился Святослав, сын Всеволода, и – Святослав Олегович...

Так кончилась вражда Олегова потомства против Изяслава. Умев ослабить их раздорами, потом устрашить могуществом, отвлекши союзников, разделив силы врагов, употребив силу, может быть и злодейство, по крайней мере, все ухищрения ума ловкого, Изяслав торжествовал повсюду. Георгий медленностью своею предал в жертву ему Олеговичей, и сам был причиною примирения с ним черниговских князей. Владимирко не являлся из Галича. Родственники великого князя, Ростислав смоленский, Вячеслав и князь новгородский, были дружны с ним несмотря на то, что Вячеслав был изгнан из Турова и все еще не мог забыть своего старшинства, а Святослав новгородский вскоре испытал хитрую политику своего брата: она так сильно действовала на Новгород, что новгородцы выслали Святослава из Новгорода злобы его ради. Сын великого князя, Ярослав, обменял с дядею свой удел, Владимир, на Новгород.

Успехи были значительны. Изяслав знал, что все это не утверждает еще его безопасности. Он пригласил черниговских князей на съезд, дружески пировал с ними, положил идти на Суздаль и оставил их готовить войска. В Смоленске то же условие сделано с Ростиславом. Отсюда Изяслав отправился в Новгород. Уже давно новгородцы не встречали у себя великих князей и, несмотря на вражду Изяслава с любимым их епископом, приняли Изяслава с радостью, выехали к нему навстречу за город, с восторгом шли к нему на обед, который был общенародным на городище; бирючи ходили по городу и приглашали всех новгородцев за трапезу княжескую. Умев льстить гордости Новгорода, Изяслав умел и говорить с ним. На другой день зазвонили в вечерней колокол, собрались граждане, и Изяслав оказался на вече как мститель новгородской чести. «Дети мои! – говорил Изяслав. – Вы сказывали мне, что князь суздальский обижает вас; нарочно оставил я Русскую землю и прибыл к вам: хочу защищать вас. Чего желаете: мира или войны с Георгием? Поступлю по желанию вашему!» Новгородцы были восхищены. «Ты наш князь, наш Владимир, наш Мстислав!» – кричали они и положили общее восстание на Суздаль; все возрастные люди должны были собираться в поход. «Пусть и духовные идут, – говорили новгородцы. – Если кто назначен в дьячки, и гуменце ему уже прострижено, но еще он не оставлен – пусть идет!» Дружины псковские и новгородские выступили и соединились со смоленскими на берегах Медведицы. К изумлению Изяслава, Георгий не выходил навстречу и спокойно смотрел на пожары сел и городов суздальских. Георгий знал, что болотистые, лесные, дикие места и разлитие рек остановят Изяслава; тем временем хотел он убедиться в пособии Олеговичей, Владимирка галицкого и поразить вернее Изяслава в Переяславле и самом Киеве. Измена действовала скрытно. Черниговские князья выступили с воинством на Георгия и остановились. Георгий подошел к

Курску. Разлитие рек в самом деле остановило новгородцев. Изяслав понял хитрость дяди, провесновал в Смоленске, спешил в Киев, и гнев его обратился на невинного, как говорят летописцы. Ростислав, сын Георгия, был схвачен, имение его обобрано, бояре закованы в цепи. Великий князь обвинял его в измене, велел посадить, с тремя только человеками, в ладью и отослал к отцу. Напрасно клялся в невинности своей Ростислав и говорил, что «ни в уме, ни на сердце не мыслил он никакого зла. Если насаждал на меня князь какой, дай мне с ним видеться; если простолюдин – суди меня, как старший!» «Ты хочешь завражить меня с князьями и людьми!» – отвечал горделиво Изяслав, и не внимал ничему. Оскорбленный Ростислав ударил челом отцу своему, просил прощения, легко получил его, в самом деле завраждовал на Изяслава, и уведомил отца, что много добродетелей найдет он повсюду. Действительно, киевляне не хотели сражаться, и советовали Изяславу просить мира. Он послал убедиться в дружбе черниговских князей. «Мы с тобою», – отвечали они и отправили общих послов к Святославу Олеговичу. Смерть Игоря еще была свежою раною в груди сего нежного брата. Помирясь неволей, он не шел с Изяславом на Георгия, ждал случая и теперь, удержав киевских и черниговских послов на целую неделю, поспешно послал спросить Георгия: вправду ли он идет на Изяслава? «Неужели шуче, – отвечал Георгий. – Изяслав повоевал мою область и сына моего выслал. Либо срам мой сложу с голову, или голову положу». Тогда Святослав не внимал ничему, кроме мщения. «Помогайте Георгию!» – говорил он черниговским князьям. «А Георгий помогал нами, когда Изяслав жег наши области?» – отвечали князья. Усиленный святославовыми и полоцкими дружинами, Георгий близился к Днепру, тихо, медленно, предлагал мир, оставлял Изяслава в Киеве, просил только Переяславля одному из сыновей своих. Изяслав собирал дружины смоленские, киевские, владимирские; каждый из князей ждал, переговаривал, условливался.

Изяслав в собрании новгородцев и псковичан предлагает им защиту против оскорблений князя суздальского

Любопытно из взаимных отзывов князей видеть тогдашнюю политику, тогдашние мнения о чести и справедливости. Святослав Олегович не отпирался, что, дав клятву забыть смерть Игоря, он не имеет уже права мстить за него. «Но пусть же Изяслав отдаст мне имение моего брата Игоря», – говорил он. Черниговские князья твердили одно: «Не можем играть душою и нарушить клятвы Изяславу: Георгий не помогал нам прежде». «Я отдал бы Георгию какую угодно область, – говорил Изяслав киевлянам, – если бы он пришел с сыновьями: но с ним Олеговичи, с ним даже поганые половцы – хочу биться!» «Неужели мне вовсе нет наследия никакого в земле отцов и дедов?» – говорил Георгий.

Так сходились и переговаривались между собою жестокие друг против друга враги: все оставалось без успеха; надобно было решать оружием; Изяслав надеялся одолеть. Войско его стало против Георгиева войска, когда он, послушав обедню в Переяславле, просил благословения у епископа Евфимия. Старец заплакал: «Князь! помирись с дядею своим! Много спасения примешь от Бога и землю свою избавишь от великаго бедствия», – говорил ему епископ.

«Нет! – отвечал Изяслав, – не помирюсь: Киев и Переяславль добыл я своею головою!» – и поскакал в табор. С заходом солнца началась битва; переяславские дружины неожиданно изменили и предались Георгию; черниговцы сражались храбро, но не выдержали, и Изяслав с братом Ростиславом смоленским, и только с одним воином, прибежали в Киев, разбитый совершенно. Киевляне собрались; печально отвечали ему, что не могут сражаться, но не препятствовали ехать из Киева, с женою, детьми, и с митрополитом, который не смел оставаться в Киеве: он и Изяслав удалились во Владимир, а Ростислав в Смоленск. Три дня молился и пировал Георгий в Переяславле и вошел в Киев торжественно, при громких изъявлениях радости киевлян и союзников. Святослав Олегович видел наконец своего врага униженным, бегствующим! Всеобщий страх был следствием мгновенного падения Изяслава: ему не восстать – думал всякий, и спешил к Георгию, который объявил себя великим князем, мирился и дружил со всеми, забывал все прежнее и ничего себе не требовал. Он помирился с князьями черниговскими, утвердил за Святославом Олеговичем Курск, Посемье, Сновскую область и землю Дреговичей; отдал в удел сыну своему Васильку Суздальскую область и окружил Киев уделами других сыновей своих, посадив Ростислава в Переяславле, Андрея в Вышгороде, Бориса в Белгороде, Глеба в Каневе. Вячеслав не объявлял уже своих требований на великое княжество. Он и Ростислав Смоленский помирились с Георгием. Тщетно просив их помощи, видя что и Владимирко упорно отвергает все просьбы и обольщения, Изяслав укрепился с братом своим Владимиром в Луцке и звал венгров и поляков. Но они хотели быть посредниками мира, а не защитниками прав Изяслава. «Согласен, – отвечал Изяслав, – уступаю Киев; но если так, то не доставайся же он ни мне, ни Георгию: пусть Вячеслав будет великим князем, пусть мне отдадут Владимир и Новгород, а во все другое я не вступаюсь». Требование было нелепо, но – как верно ударил Изяслав, хорошо ведая, с кем имеет дело! Старик Вячеслав обрадовался, что напомнили о забытых его правах; Георгий испугался ухищрений и, думая перехитрить Изяслава, согласился на все, пока войска венгерские были в Руси. Едва отступили они, как Изяслав должен был отказаться от всех своих требований. Луцк осадили Георгий и Вячеслав. Владимир защищался мужественно, но всех изумил тогда храбростью своею Андрей Георгиевич. Сей князь, прекрасный собой, одаренный светлым умом, был одарен и храбростью необыкновенной. При осаде Луцка он, с двумя отроками своими, попал в самую тесноту врагов; копьё его изломалось; тремя копьями враги поразили коня его; один немец устремился на него с рогатиною, когда в то же время с градских стан летели камни, будто дождь; но Андрей убил немца мечом, верный конь вынес его из битвы, один отрок его пал мертвый, другой спасся с князем. Георгий, Вячеслав и бояре обнимали, хвалили Андрея, ибо мужески сотворил он паче всех бывших тут, а воины полагали, что св. Феодор спас юношу, ибо его призывал он в битве. Конь был схоронен по приказанию Андрея на берегу Стыри.

Осажденные изнемогали, и Изяслав решился уступить. Он просил Владимирка быть посредником, говоря: «Введи меня в любовь к Георгию: признаю себя виноватым пред ним и пред Богом». Владимирко не отказался. «Племянник не правится, но покоряется», – велел он сказать Георгию. Напрасно Ростислав Георгиевич, помнивший обиду Изяслава, советовал не мириться; Андрей, любимый отцом, и добрый столько же, сколько храбрый, молил отца о мире. Несогласие и споры кончились тем, что Георгий согласился признать Вячеслава киевским князем с титулом великого князя. Все занятые Георгием области остались за ним; Глеб получил бывший удел Вячеслава; Изяславу отдали Владимир и новгородскую дань.

Такой мир не удовлетворял ничему и не исполнял ничьих желаний. Георгию надобно было – или решительно овладеть Киевом, и добытое удачною победой укрепить твердостью воли: он имел дело с врагом неутомимым, готовым на хитрость, умевшим пользоваться и своей удачей и оплошностью другого; или – оставив тень власти Вячеславу, почитать в лице его достоинство великого князя, умерить честолюбивые порывы до смерти сего старика и

потом укрепить великое княжество в своем потомстве, как поступил отец его при Святополке. Георгий не умел укрощать своих страстей; всегда нерешительный, робкий в беде, беспечный при счастье, он допустил Вячеслава в Киев, признал его великим князем и немедленно предложил – поменяться Киевом на Вышгород. Вячеслав так привык иметь права на великое княжество и уступать их, что согласился без спора. Князья разменялись, забыв, что трон великокняжеский делают они игрушкой. Едва Георгий известил других, что Вячеслав добровольно поменялся с ним, едва объявил он себя великим князем, как Изяслав восстал, вопя о несдержании условий и утверждая, что ему не отдали по договору все, что было у него взято. Немедленно занял он Луцк и Пересопницу. Там Глеб, некогда знакомый ему по Переславлю и Остеру, просил у него позволения идти к отцу, уступая все добровольно. Вячеслав, услышав о движении Изяслава, отправился в Киев; Георгий не успел одуматься, когда Изяслав стоял уже с малою дружиною близ Киева, и – робкий Георгий бежал в Городец.

Андрей под стенами Луцка храбро сопротивляется один окружающим его неприятелям и выходит невредим из боя. Художник Б. А. Чориков

Киевлян ожидало новое, дотоле невиданное зрелище: приехал Вячеслав, явился и Изяслав; каждый называл себя великим князем. Недавно видев третьего великого князя, киевляне не знали чему верить, но поспешили, однако ж, к Изяславу. Когда из Софийской церкви Изяслав сел в сених и говорил ему: «Я – великий князь: убей меня; живой не выйду!» Советовали употребить насилие, подрубить сени; Изяслав не сделал ни того ни другого, пошел

к Вячеславу и обнял его. «Смотри, – говорил он, указывая на толпы народа, – видишь смятение: дай ему утихнуть; я принужден уступать воле народа, но помню условия». Вячеслав согласился и уехал снова в Вышгород.

Что притворно говорил Изяслав, то принужден он был сказать через несколько времени от чистого сердца. Владимирко разгневался на вероломство Изяслава, мгновенно собрал дружины и пошел к Киеву. Сын Изяславов, посланный к Переяславлю, был отбит мужественным Андреем. Изяслав поскакал в Вышгород и звал Вячеслава на Великое княжество. «А не сам ли ты прогнал меня?» – отвечал Вячеслав. – Теперь отдаешь мне Великое княжество, когда сильные враги готовы прогнать тебя самого!» Но, упрекнув Изяслава, старик рад был помогать ему, спешил отдать ему свою дружину и ехать в Киев. Изяслав долго думал: куда кинуться ему с небольшим войском своим? «Владимирко ближе!» – сказал он наконец и устремился на галицкого князя; но дружины Изяславовы оробели и советовали князю бежать, пока Владимирко не перешел реки Стучны. «Нет! – отвечал Изяслав, – лучше умереть, нежели осрамить себя бегством!» Тогда киевляне решительно не послушали его и разбежались. Изяслав нашел в Киеве Вячеслава, спокойно думавшего владеть великим княжеством. Он и Изяслав располагались обедать, когда услышали, что киевляне уже встречают Георгия и перевозят его через Днепр. Изяслав и Вячеслав вместе бежали в Вышгород, а Владимирко и Георгий съехались в Киеве, обнялись как друзья и клялись в верности дружбы близ мощей печерских угодников.

Владимирко казался спасителем Киева и престола Георгиева, хотя черниговские князья, переяславская и суздальская дружина и без того представляли Георгию еще довольно твердые опоры; тем непростительнее были беспечность и бегство Георгия. Еще страннее, что и после постыдного опыта также мало думал он обезопасить Киев и вскоре потерял его еще раз, раздражил всех союзников и не мог уже поправить обстоятельств никакими усилиями храбрых детей своих.

Владимирко не хотел оставить Изяслава в покое. Андрей, получив в удел от отца Туров, Пинск, Дорогобуж и Пересопницу, разделял мнение Владимирка. Они погнались за Изяславом, преследовали его повсюду, искали везде, осадили Луцк, единственную ограду беглеца, и думали, что если и надобно мириться с этим неистощимым на средства неприятелем, то не менее надобно быть всегда готовым и на войну. Георгий ничего не делал: не соглашался дать удела Изяславу и не бодрствовал в Киеве. Изяслав и брат его Владимир показали в это время деятельность непостижимую. Владимир успел убедить венгерского короля воевать с Владимирком. Венгры вторглись в Галицкую область, взяли город Санок. Владимирко с досадой оставил преследование Изяслава, пошел защищать Перемышль и успел помириться с королем венгерским, спешившим сражаться в Венгрии с греками. Тут Владимирко хотел опять соединиться с Андреем: было уже поздно. Изяслав, имея часть вспомогательных войск венгерских, шел прямо к Киеву. Поход был совершенно неудачу. За ним гнались Владимирко и Андрей; впереди его был Киев, который должно еще было завоевать, ибо там находился великий князь. «Мы погибнем, – говорила Изяславу его дружина, – впереди и за нами неприятель». «Теперь некогда бояться, – отвечал Изяслав, – надобно умереть или взять! Кто догонит, кто встретит нас, с тем и будем сражаться. Да судит Бог!» Изяслав старался только идти скорее: как хорошо понимал он обстоятельства! Владимирко догнал было Изяслава на берегах Уши; Изяслав начал перестрелку, ночью обманул неприятеля, скрылся от него, шел день и ночь и так быстро, так неожиданно явился близ Белгорода, что Борис, сын Георгия, пировавший в то время с попами и дружиною, едва мог ускакать; за ним спешил Изяслав и поймал бы его, если бы Борис не велел разломать за собой моста. Оставив Владимира Мстиславича задержать несколько времени галицкое воинство, Изяслав бросился на Киев столь поспешно, что Георгий увидел сына своего и Изяславовы дружины почти в одно время. Георгий кинулся в ладью, и уплыл в Остерский Городок. Вскоре явился туда и мужественный

Андрей. Владимирко с негодованием услышал о вторичном бегстве Георгия. «Я вам не товарищ, – сказал он Андрею, – если так правите вы землю: дети, один в Пересопнице, другой в Белгороде, и не уведомляют отца, а он пример беспечности: княжит и не знает, что делается у него». Галицкие дружины отступили, тем скорее, что со стороны Венгрии грозила новая опасность. Владимирко хотел видеть следствия и дожидаться что будет.

Силы Георгия все еще были велики. Не давая ему опомниться от неожиданного удара, Изяслав прежде всего хотел показаться правым в глазах других. Он вызвал Вячеслава из Вышгорода, сказал, что для него завоевал Киев и предал ему Великое княжество. Старик гордился, плакал от радости, называл Изяслава сыном. «У меня нет отца родного: ты будь мне отцом. Прости, что два раза я лишал тебя наследия, ослепленный властолюбием. Прими власть и успокой мою совесть!» Таковы были речи Изяслава. «Признаю тебя не только сыном, но и братом, – отвечал Вячеслав, – разделяй со мной власть: я стар и не могу сам управиться». Изяслав не ошибся в расчете. Тень Вячеславова владычества заградила его от укоризны. Пируя победу, любуясь ристаниями венгров, угощая киевлян, Изяслав увидел Ростислава, брата своего, и Изяслава черниговского в Киеве: они клялись ему быть друзьями. Щедро одарив венгров, Изяслав отправил сына своего в Венгрию: благодарить короля и просить снова его помощи. Между тем собрались к Киеву смоленские и черниговские дружины. Георгий казался уже преступником: они шли защищать Вячеслава, законно получившего Киев.

Но Георгий имел еще друзей. Вечный враг Изяслава Святослав Олегович, Святослав Всеволодович, Владимир, брат черниговского князя, половцы, дружины суздальские и переяславские шли к Киеву. Изяслав долго не допускал их переправления через Днепр, изумил устройством ладьей, и наконец, принужденный уступить, окружил Киев войском. Вячеслав начал договариваться с Георгием о мире, он упоминал о старшинстве своем, о законном праве на киевский престол. Георгий видел, что напрасно будет изъяснять Вячеславу, почитавшему себя великим князем, его ошибку. Вячеслав соглашался уступить Переяславль сыну Георгия, только бы сам Георгий удалился в Суздаль. «Готов, – отвечал Георгий, – но удали же Мстиславичей из Киева.» «Не могу, – говорил Вячеслав, – они дети мои; всего их у меня двое: Изяслав и брат его Ростислав; у тебя детей семеро: разлучаю ли я их с тобою?»

Началась битва. Андрей снова изумил всех своим мужеством, разил врагов, гнался за бегущими, и даже дикие половцы принуждены были удерживать его необузданное мужество. Но не все сражались подобно Андрею! Предводитель половцев пал в битве: его дружины и суздальцы уступили; Георгий не хотел ждать неверной победы. Он услышал, что Владимирко уже идет к Киеву, решась снова помогать Георгию, отступил и пошел навстречу Владимирку. Остановясь у Белгорода, Георгий требовал, чтобы жители отворили город. «Отворил ли ты Киев?» – отвечали белгородцы и не пустили его. Не теряя времени продолжал Георгий поход. Изяслав знал, что дав время Георгию соединиться с галицким князем, он утратит победу, и потому спешил догонять отступавших. Вячеслав советовал ему подождать. «Некогда!» – сказал Изяслав, собрал сколько мог войска и на Стугне встретился с Георгием. Дорогою получил он весть от сына своего: Мстислав вел многочисленное венгерское войско и велел сказать отцу, что если надобно, то он поспешит к Киеву. «Мы идем уже на суд Божий, но вы всегда надобны», – отвечал ему Изяслав. Георгий хотел мириться, может быть, для того, чтобы выждать время, но Олеговичи не хотели и просили битвы. Пользуясь жесткой бурей, Георгий еще раз ушел от Изяслава, но, обойденный им, наконец должен был сражаться. Битва загорелась на берегах Рута (Ротока), близ Перепетова, и была кровопролитна и жестока. Сам Изяслав не жалел себя, бросался в пыл битвы, изломал копье, был ранен, повержен на поле и едва не изрублен собственными воинами. Так же сражался со стороны Георгия Владимир черниговский и пал в битве. Герой Андрей забывал опасность. Конь его, раненный копьем в ноздри, храпел и бесился, сбил с Андрея шлем и вышиб у него щит;

Божью заступлению и молитве отца приписывали спасение юноши. Но мужество Андрея не спасло его дружин. Первые побежали половцы, за ними черниговцы и Олеговичи. Георгий спасся в Переяславль; все войско его было рассеяно.

Перепетовская битва решила судьбу Георгия. Святослав Олегович отступил от него и предложил киевскому и черниговскому князьям мир, если согласятся разделить Черниговский удел, как был он разделен при Святополке. Князь черниговский согласился, а киевские дружины осадили Переяславль. Еще Георгий ждал пособия Владимирова, но услышав, что Владимирко возвратился в Галич с пути, он принужден был мириться. Ему охотно уступали Переяславль: «Посади в нем любого из сыновей, но только сам иди в Суздаль, ибо мы знаем тебя и не можем быть с тобою соседями», – все говорили ему. Глеб сделался князем переяславским. Андрей умолял отца прекратить междоусобия и с досадою удалился в Суздаль, видя, что отец его еще медлит, живет то в Переяславле, то в Городце, когда все уже отреклись от него.

Владмирко не напрасно оборотился в Галич. Он обошел войско венгерское, которое вел в Киев сын Изяслава, ночью напал на него и разбил совершенно. Мстислав Изяславич едва спасся сам. Георгий думал, что опять настает время успехов: он ошибся. Деятельный Изяслав потребовал от него немедленного исполнения условий и, видя новую медленность, призвал всех князей наказать клятвопреступника. Черниговские, смоленские, киевские дружины окружили Георгия: он принужден был даже уступить Переяславль, оставил Глеба в Городце, гостил у старого друга своего Святослава Олеговича и наконец уехал в Суздаль. Сын Изяслава, Мстислав, был посажен в Переяславль; но Изяслав не хотел оставить никакого следа власти Георгиевой вблизи Киева, изгнал Глеба, сжег и разрушил до основания Остерский Городок и, думая, что обезопасил себя хотя на время от Георгия, хотел управиться с Владимирком, исприятелем сильным и вовсе не похожим на беспечного суздальского князя.

Удивляясь прежде образу действий Георгия, Владимирко, кажется, предвидел, что беспечность, нерешительность и малодушие Долгорукого изменят обстоятельства. После всего бывшего Киев не мог принадлежать Георгию, дважды изгнанному, не умевшему пользоваться счастливыми удачами, мужеством и верностью детей и союзников. Закрываясь именем Вячеслава, Изяслав казался законным государем, честил, ласкал старика дядю, в тяжких бедах успев доказать, что умеет владеть мечом. Георгий был ненавистен всем: все от него отступились; Святослав Олегович и князья рязанские не могли ничего предпринять; Киев, Новгород, Переяславль и Владимир были под рукою Изяслава; Чернигов и Смоленск составляли союзные с Киевом державы. Все мщение великого князя тяготело теперь на князе галицком, столь искусно спасавшемся доселе среди изменений счастья и опасностей. Изяслав решился уничтожить его: он знал, что венгерский король, разгневанный потерей войск, собирал огромные силы и вел их на Галич; Изяслав двинулся из Киева, желая соединиться с венграми. Дружески встретился он с королем близ Перемышля. Здесь соединились венгры с руссами и нашли Владимирка, готового к отпору. Началось сражение, но Владимирко не хотел решительных действий, сражался слабо и заперся в Перемышле. Но тем сильнее действовала его политика. Он сносился с Георгием, уговаривал его снова ударить на киевского князя, возмущал новгородцев и половчан. Новгородцы первые взволновались и не хотели повиноваться Киеву; половчане свергли своего князя Рогволода, зятя Изяслава, и возвели на княжество Ростислава минского; еще более: они призвали Святослава Олеговича покровителем полоцких земель. Греческий император грозил войной венгерскому королю за Владимирка, своего друга и союзника. Сия угроза подействовала более всего. Владимирку надобно было скорее разрушить союз венгров с Изяславом; он отправил подарки к вельможам венгерским, согласился на мир, на все условия. Напрасно Изяслав спорил с королем, и уговаривал искоренить Владимирка. Король не хотел битв, заставил только Владимирка

присягнуть на чудотворном кресте св. Стефана, что он будет жить в мире и отдаст киевскому князю захваченные города. Король поспешил в Венгрию, отражать греков. Изяслав приехал в Киев, объявил себя победителем гордого галицкого князя, хотя и чувствовал, что победа над ним сомнительна. Владимирко был уже снова готов на войну, не отдавал городов и, когда Изяслав прислал в города своих посадников, Владимирко прогнал их. Георгий успел наконец одуматься от страха в Суздале; непримиримый Святослав Олегович соединился с ним; князья рязанские также. Владимирко умел отвлекать силы неприятелей: он немедленно выступил из Галича. Изяслав увидел опасность, велел Ростиславу Смоленскому с черниговским князем встретить Георгия, а сам спешил на галичан. Но Владимирко только отвлекал Изяслава и немедленно отступил. Быстро повернул тогда Изяслав к Чернигову, где помощники его едва защищались.

Георгий был силен: в его войске находились половцы. Князь смоленский затворился в Чернигове с черниговским князем и Святославом Всеволодовичем, который не захотел быть союзником Георгия. Андрей Георгиевич прибыл в стан отца своего. «Без князей худо бьются войска; я сам начну день битвы», – сказал он и ринулся в сечу. Но крепость черниговская держалась 12 дней. Услышав, что Изяслав спешит к Чернигову, Георгий оробел и оставил осаду; половцы отделились от него и удалились в свои степи. «Куда же ты идешь? – говорил Георгию испуганный Святослав Олегович. – Ты разорил мою область, потравил хлеб, и где мне одному бороться с сильными?» Но Георгий предоставил Святослава его жребию и поспешил отступить. Изяслав поступил с обыкновенным своим благоразумием. Он отправил Мстислава на половцев, немедленно осадил Святослава Олеговича, но не требовал ничего, кроме мира, и с радостью помирился, понимая бесполезность жестокого наказания сего князя, всегдашней жертвы смятений; может быть, он уважал и самую причину его ненависти. Между тем Мстислав разбивал и грабил половецкие вежи. С торжеством возвратился Изяслав в Киев. Надобно было наконец, кончить с соперником, опасным более Долгорукого – Владимирком. Боярин Петр Борисович послан был напомнить Владимирку его обещание: возвратить отнятые у Киева города; более ничего не требовал Изяслав. Посол Изяслава возвратился в Киев с неожиданным известием: Владимирко уже не существовал! Современники видели в кончине сего героя своего времени наказание небесное и так рассказывали о ней:

«Владимирко терпеливо выслушал все слова боярина Изяславова и отвечал, что не отдаст городов. Боярин напоминал ему клятву на святом кресте. «Крест был не велик!» – отвечал князь галицкий. «Сила его велика», – возразил боярин, и продолжал упреки. «Довольно! – сказал наконец Владимирко. – Ты досыта наговорился; иди вон». Боярин бросил клятвенные грамоты и удалился. Владимирко оказывал явное презрение к послу Изяслава, не велел давать ему ни подвод, ни содержания из княжеской казны и, шедши по переходам, из дворца в церковь, увидел боярина идущего, остановился и с насмешкой сказал окружающим: «Поехал русский боярин, отняв свои волости!» Возвращаясь от вечерни во дворец, на том самом месте, где была произнесена насмешка, Владимирко почувствовал боль в ногах, едва не упал, был уже отнесен во дворец и в сумерки скончался. Киевский боярин остановился ночевать близ Галича. В раннее куропение прискакал к нему воин княжеский и велел воротиться в Галич. Поспешно явился боярин и был введен во дворец. На княжеском месте сидел юный Ярослав, сын Владимирка; он и бояре галицкие все были в черных платьях; верная дружина Владимиркова плакала. Ярослав посадил боярина, заплакал и сказал о смерти отца своего. «Воля Божия, – отвечал боярин, – все мы смертные». «Иди же к Изяславу, – продолжал Ярослав, – скажи, что могила прекратила ссору его с отцом моим; я хочу быть послушным киевскому князю. Меня поставил Бог на месте отца моего; полк и дружина его теперь мои; одно копьё его стоит у гроба, и то в моей руке; но я буду вместо отца почитать Изяслава, и, если сын его Мстислав ездит подле одного стремени Изя-

славова, я поеду подле другого». Так говорил Ярослав и отпустил боярина, но ничего не сказал об отдаче городов.

Насмешка Владимирка над укоризнами посла великого князя Изяслава в клятвопреступлении

Справедливость великого князя Изяслава и признательность Вячеслава

Изяслав жалел, как говорят, о Владимирке и не довольствовался ласковым смирением Ярослава. Он не полагал, может быть, что Ярослав был добрый наследник своего умного отца, и хотел наказать дерзкого юношу. Георгий не двинулся из Суздаля; дружины Изяслава, и с ними черниговские и смоленские, двинулись к Галичу. Ярослав тотчас доказал, что он сын Владимирка и внук Володаря: мужественно пошел он против них. «Князь! – говорили ему бояре и воины, – ты один у нас. Что делать нам, если с тобою случится зло? Иди в город; мы пойдем биться с Изяславом». Они исполнили мужественно свое обещание; разъяренный Изяслав сражался жестоко, гнал галичан, но другие его дружины были разбиты и бежали. Изяслав остался с малым числом воинов на поле битвы; в бессильной ярости перерезал он пленников и ускакал в Киев.

Там встретила его невеста. Несмотря на немолодые лета, Изяслав женился на абазинской княжне и с досадою увидел в Киеве сына своего Ярослава, изгнанного новгородцами. «Он более сотворил у нас раздора, чем уряда», – говорили новгородцы и требовали к себе Ростислава смоленского. Изяслав вынужден был согласиться, помня, что Суздаль ближе Киева к Новгороду. За то Изяслав готовился на новую войну с Георгием (которого остановил

в это время конский падеж, расстроивший его войска), но совсем неожиданно заболел и – скончался.

Дряхлый Вячеслав остался единственным владельцем Киева, а не по названию только великим князем. «Твоему гробу должно бы моим быть!» – говорил он, рыдая над бездыханным телом Изяслава. Никто не скрывал от него, что ему одному нельзя остаться князем киевским, что надобно избрать соправителя и по-прежнему быть только тенью другого, который мог бы править и действовать от его имени. Один князь имел на это полное право – Георгий Долгорукий, но народ ненавидел Долгорукого и не хотел слышать об его избрании. Вячеслав отправил немедленно послов к Ростиславу смоленскому и звал его в Киев. Киевляне предписали условия: Ростислав должен был почитать Вячеслава, как отца, слушать его решения, но лично управлять всеми делами, судом и расправою. Ростислав, всегда слабый, всегда руководимый другими, согласился, не положил даже никаких условий о Владимире и Переяславле, где владели сыновья Изяслава: Ярослав, изгнанный из Новгорода, и Мстислав, бывший правою рукою своего отца.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.